

Кен НЭББ

РАДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

ПРИБАВЛЕНИЕ А

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИБАВЛЕНИЕ А»

Кен Нэбб

РАДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

ОМСК
2002

Ken Knabb

Joy of Revolution

Перевод с английского Эльдара Тханулы

Кен НЭББ

РАДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ: Перевод с англ. — Омск.: Библиотека журнала «Прибавление А», Сибирская Конфедерация Труда, 2002. — 151 стр.

Книга “Радость революции” впервые издается на русском языке. Автор книги Кен Нэбб проживает в Калифорнии (США). Он является одним из собирателей Антологии Ситуационистского Интернационала (СИ). Именно СИ разжег огонь студенческих волнений весной 1968 года в Париже.

Идеи, изложенные в книге, не лишены здравого смысла и оригинальности и должны найти своего читателя.

Без копирайта. Переиздание книги, а также отдельных ее частей со ссылками на автора и переводчика приветствуется.

Содержание

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА</i>	5
I: О ЧЕМ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ	7
Утопия или крах.....	7
Сталинистский “коммунизм” и реформистский “социализм” – лишь вариации капитализма.....	8
Представительная демократия против делегатской.....	11
Иррациональность капитализма.....	14
Образцовые современные бунты.....	18
Некоторые из обычных возражений.....	20
Всевозрастающая власть спектакля.....	23
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	25
II: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА	27
Личные прорывы.....	27
Критическое вмешательство.....	29
Теория против идеологии.....	31
Как избежать ложного выбора и выяснить истинный.....	32
Повстанческий стиль.....	34
Радикальный фильм.....	36
Угнетение против игривости.....	38
Страсбургский скандал.....	41
Нищета выборной политики.....	43
Реформы и альтернативные учреждения.....	46
Политкорректность или отчуждение равных возможностей.....	51
Недостатки морализма и упрощенческого экстремизма.....	53
Преимущества дерзости.....	56
Преимущества и ограничения ненасилия.....	58
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	61

III: СОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАЗМЫ.....	64
Причины социальных прорывов.....	64
Послевоенные волнения.....	67
Живость радикальных ситуаций.....	70
Массовая самоорганизация.....	73
Движение за Свободу Слова.....	74
Ситуационисты в Мае 1968 г.....	77
Операизм устарел, но позиция рабочих остаётся ключевой.....	79
Дикие стачки и сидячие демонстрации.....	84
Забастовки потребителей.....	86
Что могло бы случиться в Мае 1968 г.....	88
Методы внесения неразберихи и интеграции.....	90
Терроризм укрепляет государство.....	92
Окончательная конфронтация.....	94
Интернационализм.....	98
<i>ПРИМЕЧАНИЯ.....</i>	<i>100</i>
IV: ПЕРЕРОЖДЕНИЕ.....	106
Утописты не могут представить себе постреволюционного разнообразия.....	107
Децентрализация и координация.....	109
Меры против злоупотреблений.....	112
Консенсус, власть большинства и неизбежные иерархии.....	113
Искоренение причин войны и преступности.....	119
Упразднение денег.....	121
Абсурдность современного труда.....	124
Преобразование работы в игру.....	126
Возражения технофобам.....	131
Вопросы экологии.....	137
Расцвет свободных коммун.....	139
Более интересные вопросы.....	142
<i>ПРИМЕЧАНИЯ.....</i>	<i>145</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Впервые я столкнулся с текстами Кена Нэбба осенью 2000 г., когда переводил 4 главу «Радости революции» об утопии для «Автономного Действия», движения, в котором участвую. Меня, как переводчика, сразу же привлёк его стиль - правда, сначала, он показался мне несколько легковесным, а мысли высказываемые в тексте чересчур прагматичными, что я отнёс к американскому происхождению автора. Дело в том, что существуют определённые стереотипы в отношении, скажем, европейской культуры, как более утомительной и перегруженной своим философским и идеологическим багажом и свежей, яркой и зачастую более кичовой культуры Нового Света. Однако, мало-помалу втягиваясь в перевод, я обнаружил, что текст Кена напрямую затрагивает многие аспекты моей собственной жизни, заставляет задуматься и даже служит в определённом смысле ориентиром. То же самое касается, например, «Официального Организационного Руководства IWW» (IWW- профсоюзное объединение Индустриальные Рабочие Мира. - примечание редакции). Когда занимаешься профсоюзной деятельностью, часто простой, трезвый и практичный совет из этого «Руководства» способен помочь тебе намного больше, чем детальные разработки европейских мыслителей о судьбах пролетариата. Одним словом, в культурном разрезе, думаю, нельзя отдавать какое-то предпочтение одному или другому, даже если разница очевидна. Это всё равно, что сравнивать Кафку и Генри Миллера.

Книга понравилась мне до такой степени, что я решил продолжить её перевод. В тот момент я в очередной раз сменил место работы и проживания и не имея возможности работать на компьютере, я переводил зимними вечерами от руки. Эта работа в каком-то смысле начала приносить мне что-то вроде прозрений и, самое главное, чувство радости и надежды на лучшее.

11 сентября 2001 г., ко мне пришло сообщение от Кена, о

том, что завершён перевод 4 главы программной книги Ги Дебора «Общество спектакля». Разумеется, я был заинтригован и ответил на это сообщение: написал, что я думаю об авторе, о тексте и о своих планах закончить перевод «Радости революции». Несмотря на трагические события того дня, Кен как ни в чём не бывало, ответил мне, что находится в поездке во Францию и Испанию, где помогает переводить эту же книгу своим товарищам, европейским ситуационистам, и что как только он вернётся домой в г. Беркли, Калифорния, он готов оказать мне всяческую помощь в моём труде. Для начала я перевёл эту главу из книги Дебора - «Пролетариат, как субъект и представление». Опять же в процессе работы я отметил, что язык Кена намного ярче и доступнее для меня, чем одобренный самим автором перевод Д.Николсона-Смита. Действительно, перевод с французского на английский далеко не всегда бывает удачным, об этом я сужу по имеющимся у меня английским изданиям Жюль Дове. После этого, я взялся за перевод остающихся глав «Радости ..», на этот раз в тесном сотрудничестве с автором. Кен всегда был доступен и своевременно давал уточнения на любой мой вопрос.

Я также хочу выразить благодарность моим российским товарищам за их моральную поддержку и предпринятый ими труд в опубликовании этой книги. Думаю, что издание «Радости революции» в наше страшное время может служить примером подлинного, созидательного интернационализма. О содержании книги говорит её название. Она посвящена радости революции, той революции, что не только ведёт людей к управлению своими собственными жизнями, но и состоит из него. Как написал автор в одном из писем, революция состоит отнюдь не только из уличных боёв, зрелищных столкновений и баррикад. Она ТАКЖЕ состоит из размышлений, живого диалога и скромной повседневной деятельности.

Либертарное коммунистическое общество - это не идеальная модель далёкого будущего. Оно существует и закладывается прямо здесь и прямо сейчас.

I О ЧЕМ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ

Утопия или крах - Сталинистский “коммунизм” и реформистский “социализм” – лишь вариации капитализма - Представительная демократия против делегатской - Иррациональность капитализма - Образцовые современные бунты - Некоторые из обычных возражений - Всевозрастающая власть спектакля

“Мы сможем постичь этот мир только бросив ему вызов как целому. . . . Корни превалирующего недостатка воображения невозможно постичь если мы не сможем вообразить то, чего не достаёт, то есть то, что отсутствует, спрятано, запрещено, но всё же возможно, в современной жизни”.

—Ситуационистский Интернационал(1)

Утопия или крах

Никогда ещё в истории не было такого бросающегося в глаза контраста между тем как обстоят дела и тем, как они могли бы обстоять.

Вряд ли нам так уж нужно вдаваться во все проблемы современного мира — большинство из них хорошо известно и размышления о них лишь притупляют наше восприятие их реальности. Но даже если мы “в достаточной мере стойки по отношению к чужим несчастьям”, нынешние социальные отклонения в полной мере затрагивают нас всех. Те, кому напрямую не угрожают физические репрессии всё же подвергаются ментальным репрессиям этого всё более низкого, травмирующего, грубого и уродливого мира. Те, кому удаётся избежать экономической бедности не могут избежать повсеместного обедне-

ния жизни.

Даже жизнь на этом жалком уровне не может продолжаться долго. Грабёж планеты, производимый глобальным развитием капитализма, привёл нас к той точке, на которой человечество может исчезнуть в течение нескольких десятилетий.

Это же развитие, однако, позволяет упразднить систему иерархии и эксплуатации, которая прежде основывалась на материальной недостаточности и построить новую, действительно свободную форму общества.

Скатываясь из одной катастрофы в другую на своём пути к массовому безумию и экологическому апокалипсису, эта система вышла на траекторию, которая находится вне её собственного контроля и даже вне контроля своих предполагаемых хозяев. По мере приближения к миру, в котором мы не сможем выйти из наших укреплённых гетто без вооружённой охраны, или даже выйти на улицу без солнечного зонтика и при этом не заработать рак кожи, трудно воспринимать всерьёз тех, кто рекомендует нам выпрашивать лишь нескольких реформ.

Я думаю, что нам нужна мировая революция, упраздняющая капитализм и государство и ведущая к демократии прямого участия. Это явно большая задача, но я боюсь, что ничто меньшее не способно в корне решить наши проблемы. Разговоры о революции могут показаться абсурдными; но все прочие альтернативы подразумевают дальнейшее существование нынешней системы, а это ещё более абсурдно.

Сталинисткий “коммунизм” и реформистский “социализм” –лишь вариации капитализма

Перед тем как перейти к тому, какой будет революция и ответить на некоторые типичные возражения, следует подчеркнуть, что она не имеет ничего общего с отвратительными стереотипами, которые обычно вызывает это слово (терроризм, месть, политические путчи, лидеры-манипуляторы, проповедующие самопожертвование, их последователи-зомби, скандирующие политически корректные лозунги). В особенности, её

не следует путать с двумя главными провалами современных попыток внести социальные перемены: со сталинистским “коммунизмом” и реформистским “социализмом”.

После десятилетий у власти, сначала в России, затем во многих других странах, стало очевидно, что сталинизм является полной противоположностью свободному обществу. Происхождение этого гротескного феномена менее очевидно. Троцкисты и прочие пытаются проводить различие между сталинизмом и ранним большевизмом Ленина и Троцкого. Различия действительно есть, но они касаются больше степени, чем самого вида течения. Государство и революция Ленина, например, представляет собой более последовательную критику государства, чем большинство анархистских работ; проблема лишь в том, что радикальные аспекты ленинской мысли в конечном итоге начали маскировать авторитарную практику в реальности. Большевицкая партия, ставя себя над массами, на представительство которых она претендовала и с соответствующей внутренней иерархией между рядовыми партийными революционерами и их лидерами, уже находилась на пути к созданию условий для сталинизма когда Ленин и Троцкий всё ещё крепко держали ситуацию под контролем.(2)

Но нам нужно чётко представлять где мы ошиблись если мы хотим добиться лучшего. Если социализм означает полное участие народа в социальных решениях, которые воздействуют на их жизнь, то он не существовал ни в сталинистских режимах Востока, ни в социально обеспеченных государствах Запада. Недавнее падение сталинизма не было ни достижением капитализма, ни доказательством провала “марксистского коммунизма”. Любой, кто когда-либо читал Маркса (чего явно не сделали его наиболее ярые критики) знает, что ленинизм представляет собой лишь грубое искажение Марксовой мысли, а сталинизм является полной пародией на неё. Правительственная собственность также не имеет ничего общего с коммунизмом в его истинном смысле общей, коммунной собственности; она является просто разновидностью капитализма, при которой государственно-бюрократическая собственность заме-

няет собой частно-корпоративную собственность (или смешивается с ней).

Долгий спектакль противостояния между двумя разновидностями капитализма скрыл их взаимное усиление. Серьёзные конфликты ограничились схватками от их лица в Третьем мире (Вьетнам, Ангола, Афганистан и т.д.). Ни одна из сторон ни разу не сделала ни одной реальной попытки ниспровергнуть противника на его собственной территории. (Французская компартия саботировала Майское восстание 1968 г.; западные державы, активно вмешивавшиеся в дела тех стран, где их никто не ждал, отказались послать даже несколько противотанковых орудий, в которых отчаянно нуждались венгерские повстанцы 1956 г.). Ги Дебор отметил в 1967 г., что сталинистский государственный капитализм уже проявил себя в качестве “бедного родственника” классического западного капитализма и что его упадок начинает лишать западных правителей той псевдооппозиции, что усиливала их представляя собой единственную иллюзорную альтернативу их системе. “Буржуазия находится в процессе утраты противника, объективно поддерживавшего её, представляя собой иллюзорное объединение всей оппозиции существующему порядку”. (Общество спектакля, §§110-111).

Хотя западные правители притворно приветствовали недавнее падение сталинизма, как естественную победу своей системы, никто из них не предвидел его и теперь они явно не понимают, что им с делать со всеми проблемами, которые это падение ставит перед ними, кроме как наживаться на выгодах, предоставляемых им этой ситуацией до тех пор пока она окончательно не зайдёт в тупик. Монополистические мультинациональные корпорации, проповедующие “свободное предпринимательство”, как панацею от всех бед, хорошо понимают, что капитализм свободного рынка давно бы уже взорвался из-за своих собственных противоречий если бы вопреки ему самому его не спасли бы несколько псевдо-социалистических реформ в стиле Новой сделки.

Эти реформы (общественные услуги, социальное страхова-

ние, восьмичасовой рабочий день и т.д.) может быть и улучшили некоторые наиболее явные дефекты системы, но они ни в коем случае не вышли за её пределы. За последние годы им даже не удавалось поспевать за всевозрастающими кризисами. Наиболее значительных улучшений в любом случае удалось добиться лишь благодаря упорной, зачастую яростной народной борьбе, которая в итоге лишь усилила власть бюрократов: левацкие партии и профсоюзы, претендовавшие на лидерство в этой борьбе послужили просто защитными клапанами, интегрируя радикальные тенденции и смазывая колёса социальной машины.

Как показали ситуационисты, бюрократизация радикальных движений, которая свела людей до роли последователей постоянно “предаваемых” своими лидерами, тесно связана со всевозрастающим превращением современного капиталистического общества в спектакль, из-за которого люди деградировали до уровня зрителей мира, над которым у них нет никакого контроля — эта тенденция очевидна, хотя её часто воспринимают лишь поверхностно.

Если подытожить все эти размышления, мы приходим к выводу, что свободное общество может быть создано только через активное участие народа как целого, а не через иерархические организации, по идее действующие от его имени. Смысл здесь не в том, чтобы выбрать более честных или “отзывчивых” лидеров, а в том, чтобы избежать предоставления какой-либо независимости любым лидерам. Отдельные лица или группы могут начать радикальные действия, но в них должна принять участие значительная и быстро растущая часть населения, если движение должно привести к новому обществу, а не просто к очередному путчу, устанавливающему новых правителей.

Представительная демократия против делегатской

Я не буду повторять всю классическую социалистическую и анархистскую критику капитализма и государства; она уже хорошо известна, или по крайней мере широко доступна. Но

для того, чтобы прорваться через некоторую неразбериху традиционной политической риторики, может оказаться полезным подытожить основные типы социальной организации. Ради ясности, я начну с раздельного анализа “политических” и “экономических” аспектов, хотя они и явно взаимосвязаны. Было бы настолько же тщетно уравнивать экономические условия людей посредством государственной бюрократии насколько пытаться демократизировать общество, пока власть денег позволяет богатому меньшинству контролировать учреждения, определяющие осознание людьми социальной реальности. Поскольку система функционирует как целое её можно фундаментально изменить только как целое.

Если мы начнём с политического аспекта, грубо говоря мы можем различить пять степеней “правления”:

- (1) Неограниченная свобода
- (2) Прямая демократия
 - _____ а) консенсус
 - _____ б) правление большинства
- (3) Делегатская демократия
- (4) Представительная демократия
- (5) Открытая диктатура меньшинства

Нынешнее общество колеблется между (4) и (5), т.е. между открытой диктатурой меньшинства и скрытым правлением меньшинства, замаскированным фасадом образцовой демократии. Свободное общество уничтожило бы (4) и (5) и в прогрессирующей степени уменьшало бы необходимость в (2) и (3).

Позже мы обсудим (2). Но самое ключевое различие пролегалет между (3) и (4).

При представительной демократии люди уступают свою власть избираемым официальным лицам. Кандидаты провозглашают свою политику, которая ограничивается несколькими общими, смутными банальностями, а как только их избирают у людей остаётся так мало контроля за их реальными решениями по сотням вопросов — помимо слабой угрозы отдать свои голоса другому, через несколько лет, в равной мере неподконтрольному политическому конкуренту. Представители находят-

ся в зависимости от богатых из-за взяток и вложений в кампании; они подчиняются владельцам СМИ, определяющим, какие вопросы подлежат освещению; и они почти настолько же мало знают и безвластны, как и вся остальная общественность, в отношении многих важных вопросов, определяемых неизбираемыми бюрократами и независимыми тайными обществами. Открытых диктаторов иногда можно свергнуть, но реальных правителей “демократических” режимов, крошечное меньшинство, владеющее всем и контролирующее практически всё, никогда не избирают и не снимают голосованием. Большинство людей даже не знает, кто они.

При делегатской демократии, делегатов избирают для очень специфических целей с очень специфическими ограничениями. Им можно выдавать строгие мандаты (распоряжения голосовать определённым образом по определённым вопросам) или открытые мандаты (когда делегаты свободны голосовать, как им кажется лучше), причём люди, избирающие их, сохраняют за собой право утверждать или отзывать любое решение, принятое ими. Делегатов избирают на очень короткие сроки и их можно отозвать в любое время.

В контексте радикальной борьбы, собрания делегатов обычно называли “советами”. Форма совета была изобретена бастующими рабочими во время российской революции 1905 г. (ставшее международным слово совет имеет русское происхождение). Когда советы вновь появились в 1917 г., большевики последовательно поддерживали их, манипулировали ими, доминировали в них и интегрировали их в свою систему, которая быстро превратила советы в самопародию: резиновые печати “Советского государства” (последний из выживших независимых советов, совет Кронштадских матросов, был разгромлен в 1921 г.). Советы тем не менее продолжали спонтанно появляться вновь и вновь в большинстве самых радикальных моментов радикальной истории, в Германии, Италии, Испании, Венгрии и других местах, потому что они представляли собой чёткое разрешение потребности в практической форме не-иерархической народной самоорганизации. Им продолжают противостоять все

иерархические организации, потому что они угрожают власти обособленных элит, подавая пример возможного строя общего самоуправления: не самоуправления в нескольких деталях существующего порядка, а самоуправления, распространённого на все регионы земного шара и все аспекты жизни.

Как отмечалось выше, вопрос о формах демократии нельзя отделять от их экономического контекста.

Иррациональность капитализма

Экономическую организацию можно рассматривать с точки зрения труда:

- 1) Полностью добровольный труд
- 2) Кооперативы (коллективное самоуправление)
- 3) Принуждение и эксплуатация
 - а) открытая (рабский труд)
 - б) замаскированная (наёмный труд)

И с точки зрения распределения:

- (1) Истинный коммунизм (полный свободный доступ к товарам)
- (2) Истинный социализм (коллективная собственность и планирование)
- (3) Капитализм (частная и/или государственная собственность)

Хотя товары или услуги производимые наёмным трудом можно раздавать, а те, что производятся добровольным или кооперативным трудом превращать в товары для продажи, большей частью эти уровни труда и распределения стремятся к соотношению друг с другом. Современное общество в основном представляет собой (3): принудительное производство и потребление товаров. Свободное общество уничтожило бы (3) и по возможности уменьшило бы (2) ради (1).

Капитализм основывается на товарном производстве (производство товаров ради прибыли) и на наёмном труде (саму рабочую силу покупают и продают как товар). Как указывал Маркс, между рабом и “свободным” трудящимся разница мень-

ше, чем кажется. Рабы, хотя кажется, что им ничего не платят, получают средства для своего выживания и воспроизведения, на которые трудящиеся (которые временно становятся рабами в рабочее время суток) вынуждены тратить большую часть своей зарплаты. Тот факт, что некоторые работы менее неприятны, чем другие и что у индивидуальных работников есть номинальное право сменять работу, открывать собственное дело, покупать акции или выигрывать в лотерею, скрывает тот факт, что подавляющее большинство людей коллективно поработе-

но.

Как мы дошли до такого абсурдного положения? Если мы углубимся достаточно далеко, мы обнаружим, что на определённой точке людей силой лишали собственности: сгоняли с земли и другими способами лишали средств производства товаров, необходимых для жизни. (Знаменитые главы о “примитивном накоплении” в Капитале живо описывают этот процесс в Англии). Пока люди принимают эти лишения, как законные, их принуждают идти на неравные сделки с “собственниками” (с теми, кто их ограбил, или впоследствии приобрёл право на “собственность” от первых грабителей), при которых они обменивают свой труд на частичку того, что производят, в то время как владельцы удерживают всю прибавочную стоимость. Эту прибавочную собственность (капитал) можно вновь вложить в оборот, чтобы таким же образом производить всё большую прибавочную стоимость.

Что касается распределения, общественный фонтан может послужить простым примером истинного коммунизма (неограниченный доступ ко всем товарам). Общественная библиотека является примером истинного социализма (свободный, но регулируемый доступ).

В рациональном обществе, доступ будет зависеть от изобилия. Во время засухи воду возможно придётся распределять по рации. И наоборот, как только библиотеки будут полностью введены в интернет, они могут стать абсолютно коммунистическими: у каждого будет свободный прямой доступ к любому количеству текстов без нужды записываться и возвращать их,

без мер предосторожности против краж, и т.д.

Но этому рациональному отношению противостоит упорное разделение экономических интересов. Если взять последний пример, вскоре окажется технически возможным создать глобальную “библиотеку”, в которой каждая когда-либо написанная книга, каждый когда-либо снятый фильм и каждый когда-либо записанный музыкальный концерт смогут быть переложены в интернет, в потенциале давая возможность каждому свободно входить и приобретать копию (без какой-либо потребности в магазинах, продажах, рекламе, упаковке, транспортировке и т.д.). Но поскольку это уничтожило также необходимость в прибылях от современных деловых издательств, фирм грамзаписи и кинокомпаний, гораздо больше энергии тратится на разработку сложных методов предотвращения этого или штрафов за копирование (в то время как другие с не меньшей энергией изобретают способы обойти такие методы), чем на развитие технологии, которая в потенциале могла бы обернуться благом для каждого.

Одной из заслуг Маркса было то, что он ушёл от пустопорожных политических дискуссий основанных на абстрактных философских или этических принципах (“человеческая природа” такая и такая, все люди обладают “естественным правом” на то и это), показав как сильно социальные возможности и социальное сознание ограничены и сформированы материальными условиями. Свобода в абстрактном смысле значит очень мало если почти всем приходится работать почти всё время просто ради своего выживания. Было бы нереалистично ожидать, что люди станут щедрыми и солидарными когда им едва хватает на жизнь (не будем упоминать об абсолютно иных условиях при которых процветал “примитивный коммунизм”). Однако достаточно большая прибавочная стоимость открывает более расширенные возможности. Надежда Маркса и других революционеров его времени основывалась на том факте, что технологический потенциал, развитый Индустриальной революцией в конечном итоге обеспечил адекватную материальную основу для бесклассового общества. Уже не обязатель-

ным стало заявлять, что дела “должны” обстоять иначе, но стало важным указывать на то, что дела могли бы обстоять иначе; что власть одного класса не только несправедлива, что она теперь просто не нужна.

Была ли она когда-нибудь действительно нужна? Прав ли был Маркс, усматривая в капитализме и государстве неизбежные стадии, или свободное общество было возможно без этого болезненного отклонения? К счастью, нам больше не обязательно беспокоиться об этом вопросе. Каковы бы ни были возможности в прошлом и каких не было, нынешних материальных условий более чем достаточно для создания бесклассового общества.

Самым серьёзным недостатком капитализма является не его количественная несправедливость — тот простой факт, что богатства неравно распределены и что рабочим не платят “полную” стоимость их труда. Проблема здесь в том, что эта полоса эксплуатации (даже относительно малой) создаёт возможность для частного накопления капитала, который в конечном итоге оборачивает всё на свои цели, доминируя над всеми аспектами жизни и деформируя их.

Чем больше отчуждения производит система, тем больше социальной энергии переключается на её поддержание — больше рекламы на продажу бесполезных товаров, больше идеологий для оболванивания людей, больше спектаклей для их умиротворения, больше полиции и тюрем для подавления преступности и бунта, больше оружия для соперничества с конкурирующими государствами — всё это приводит ко всё большему разочарованиям и антагонизмам, которые приходится подавлять большим количеством спектаклей, тюрем и т.д. Пока продолжается этот порочный круг, реальные человеческие нужды удовлетворяются только от случая к случаю, если они вообще удовлетворяются, в то время как практически весь труд направляется на абсурдные, излишние или разрушительные проекты, которые не служат иной цели кроме поддержания системы.

Если бы эта система была упразднена и современный технологический потенциал был бы должным образом видоизме-

нён и направлен в нужное русло, труд, необходимый для удовлетворения человеческих потребностей, уменьшился бы до такого тривиального уровня, что его легко можно было бы выполнять на добровольном или кооперативном уровне, без каких-либо экономических мотивов или государственного принуждения.

Идею преодоления открытой иерархической власти понять не очень трудно. Самоуправление можно рассматривать как реализацию свободы и демократии, которые являются официальными ценностями западному миру. Несмотря на своё зависимое положение, все люди переживают моменты, когда они отвергают власть над собой и начинают говорить и действовать сами за себя.

Гораздо труднее понять идею преодоления экономической системы. Власть капитала более тонка и саморегулируема. Вопросы труда, производства, товаров, услуг, обмена и координации в современном мире кажутся настолько сложными, что большинство людей принимают как должное необходимость денег как универсального посредника и им трудно представить себе какие-либо перемены помимо распределения денег в некой более справедливой манере.

По этой причине я отложу более подробное рассмотрение экономических аспектов, которые мы обсудим ниже в данном тексте, когда сможем углубиться в детали.

Образцовые современные бунты

Возможна ли такая революция? Шансов наверное мало. Главная проблема заключается в нехватке времени. В предыдущие эпохи можно было представить, что несмотря на все глупости и катастрофы человечества, мы как-нибудь решим все проблемы и может быть ошибки прошлого послужат нам уроком. Но в наше время, когда социальная политика и технологическое развитие неминуемо ведут нас к глобальным экологическим отклонениям, ошибочных суждений и расчётов явно недоста-

точно. У нас осталось лишь несколько десятилетий на то, чтобы изменить вещи. И с течением времени, эта задача усложняется: тот факт, что об основных социальных проблемах редко даже задумываются, и ещё менее того, их решают, приводит ко всё более отчаянным и бредовым тенденциям к войне, фашизму, этническому антагонизму, религиозному фанатизму и прочим формам массового иррационализма, отвлекая тех, кто мог бы в потенциале работать на новое общество на защитные и абсолютно бесполезные реакции и действия.

Однако, большинству революций предшествовали периоды, когда все высмеивают идею о том, что вещи когда-либо могут измениться. Несмотря на многие обескураживающие факторы, в мире есть также многообещающие признаки, не самым малым из которых является повсеместное разочарование в фальшивых альтернативах прошлого. Многие народные восстания в этом веке уже сделали спонтанные шаги в верном направлении. Я имею в виду не “успешные” революции, которые все без исключения являются обманом, но менее известные и более радикальные попытки. Самые выдающиеся примеры включают в себя Россию 1905 г., Германию 1918-19 гг., Италию 1920 г., Астуриас 1934 г., Испанию 1936-37 гг., Венгрию 1956 г., Францию 1968 г., Чехословакию 1968 г., Португалию 1974-75 гг. и Польшу 1980-81 гг.; многие другие движения, от мексиканской революции 1910 г. до недавней борьбы против апартеида в Южной Африке, также содержали в себе образцовые примеры народного экспериментирования до того, как их поставили под бюрократический контроль.

Из тех, кто внимательно изучил эти движения, никто не сможет проигнорировать перспективу революции. ” Проигнорировать их из-за их “поражения” будет означать упустить из вида самое главное. (3) Современная революция это всё или ничто: индивидуальный бунт обречён на провал до тех пор пока не последует международная цепная реакция, которая будет распространяться быстрее, чем репрессии смогут подавить её. Вряд ли удивительно то, что эти восстания не пошли дальше; что вдохновляет, это то, насколько далеко они зашли в действитель-

ности. Новое революционное движение несомненно примет новые и непредсказуемые формы; но эти ранние попытки полны примеров того, что может быть сделано, а также того, чего следует избегать.

Некоторые из обычных возражений

Часто говорится, что общество без государства было бы осуществимым, если бы все люди были ангелами, но из-за извращённости человеческой натуры, необходима какая-то иерархия, чтобы держать людей в узде. Было бы вернее сказать, что если бы все были ангелами данная система могла бы функционировать достаточно терпимо (бюрократы работали бы честно, капиталисты воздерживались бы от общественно вредных предприятий даже если они прибыльны). Именно потому что люди не ангелы, необходимо уничтожить порядок, который позволяет некоторым из них очень эффективно быть дьяволами. Заприте сотню людей в маленькой комнате с одним-единственным вентиляционным отверстием и они перегрызут друг друга, чтобы добраться до него. Выпустите их, и они продемонстрируют совсем другие качества. Как говорило одно из граффити Мая 1968 г., “Человек не является ни благородным дикарём Руссо, ни испорченным грешником Церкви. Он зол, когда его угнетают, кроток, когда он свободен”.

Другие утверждают, что каковы бы ни были основные причины, люди сейчас доведены до такого состояния, что их надо будет лечить психологически и духовно перед тем, как они смогут даже допустить мысль о создании свободного общества. В свои поздние годы Вильгельм Райх начал чувствовать, что “эмоциональная чума” настолько крепко укоренилась в народе, что потребуются целые поколения детей, выросших в здоровых условиях для того, чтобы люди стали способными на либертарное преобразование общества; и что до тех пор следует избегать прямой конфронтации с системой, поскольку это лишь растревожит шмелиный улей реакции тёмных масс.

Иррациональные народные реакции действительно иногда требуют умеренности. Но какими бы мощными они ни были, они не являются непобедимой силой. Они сами содержат в себе противоречия. То, что они держатся за абсолютную власть вовсе не является признаком их веры во власть; это может быть отчаянной попыткой побороть свои всевозрастающие сомнения (конвульсивное затягивание скользкой петли). Люди, присоединяющиеся к бандам или реакционным группировкам, пойманные в сети религиозных культов или патриотической истерии, также ищут чувства освобождения, связи, цели, участия, усиления. Как показал сам Райх, фашизм даёт особенно энергичное и драматичное выражение этим основным чаяниям и именно поэтому обладает более глубокой привлекательностью, чем колебания, компромиссы и лицемерие либерализма и левачества.

В конце концов единственным способом преодолеть реакцию это предоставить более правильное выражение этим чаяниям и более аутентичные возможности для их осуществления. Когда основные вопросы выходят наружу, иррациональность, процветающая под прикрытием психологических репрессий, ослабевает, подобно болезнетворным бактериям выставленным на свет и свежий воздух. В любом случае, даже если мы не в выигрышной позиции, мы можем найти удовлетворение по крайней мере в борьбе за то, во что мы реально верим, вместо того, чтобы терпеть поражение в нерешительной и приговорной позе.

Существуют пределы для своего собственного освобождения (или воспитания свободных детей) в больном обществе. Но если Райх был прав в том, что психологически угнетённые люди менее способны представить себе социальное освобождение, он не смог осознать, насколько процесс социального восстания может освобождать психологически. (Говорят, что французские психиатры жаловались на значительное уменьшение клиентуры после Мая 1968 г.!)

Понятие тотальной демократии вызывает целый спектр образов “тирании большинства”. Большинство может быть тём-

ным и нетерпимым, от этого никуда не деться. Единственное реальное решение - противостоять и пытаться побороть эту неграмотность и нетерпимость. Удерживание масс в неведении (уповающих на то, что либеральные судьи защитят гражданские свободы, а либеральные законодатели протаскают прогрессивные реформы) ведёт лишь к массовой обратной реакции, когда болезненные вопросы всё-таки выходят на поверхность.

При ближайшем рассмотрении, однако, большинство примеров угнетения большинством меньшинства показывает, что это происходит не из-за власти большинства, а из-за скрытой власти меньшинства, при которой правящая элита играет на всех имеющихся расовых или культурных антагонизмах, для того, чтобы обратить ярость эксплуатируемых масс друг против друга. Когда люди обретают реальную власть над своими собственными жизнями, у них найдутся более интересные вещи, чем преследования меньшинств.

При любом упоминании о возможности не-иерархического общества возникает так много предположений о преступлениях или катастрофах, что было бы невозможно дать на всё ответ. Люди покорно принимающие систему, ежегодно обрекающую миллионы на смерть от войн и голода и миллионы других на тюрьмы и пытки, вдруг спускают с цепи своё воображение при одной мысли о том, что в самоуправляющемся обществе могут быть хоть какие-то злодеяния, насилие, принуждение, несправедливость, или даже просто временные неудобства. Они забывают, что новая социальная система призвана не разрешить все наши проблемы; она просто должна обращаться с ними лучше, чем нынешняя система — не очень-то большая задача.

Если бы история следовала за самодовольными мнениями официальных комментаторов, революций бы не происходило. В любой данной ситуации всегда находится множество идеологов, готовых заявить, что радикальные перемены невозможны. Если экономика нормально функционирует, они будут утверждать, что революция зависит от экономических кризисов; а при экономическом кризисе, другие с не меньшей уверенностью объявят, что революция невозможна потому, что люди слиш-

ком заняты собственным выживанием. Первые, ошеломлённые восстанием в Мае 1968 г., пытались ретроспективно обнаружить невидимый кризис, на котором настаивает их идеология. Вторые утверждают, что ситуационистская перспектива исчерпана из-за ухудшившихся с тех пор экономических условий.

На самом деле, ситуационисты просто отметили, что повсеместное достижение капитализмом изобилия продемонстрировало, что гарантированное выживание не может заменить собой реальную жизнь. Периодические взлёты и падения экономики не оказывают влияния на этот вывод. Тот факт, что несколько человек наверху недавно смогли присвоить себе ещё большую часть социальных богатств, выгоняя большие количества людей на улицу и терроризируя остальное население угрозой разделить ту же участь, делает возможность пост-дефицитного общества менее явной; но его материальные предпосылки всё ещё существуют.

Причиной экономических кризисов, служащих свидетельством того, что нам следует “умерить наши ожидания” на самом деле является пере-производство и нехватка работы. Абсолютная абсурдность нынешней системы проявляется в том, что безработицу считают проблемой, в то время как потенциально экономящие труд технологии направлены на создание новых рабочих мест для замены старых, которые становятся ненужными. Проблема здесь не в том, что у многих людей нет работы, но в том, что у многих людей она всё ещё есть. Нам следует повышать свои ожидания, а не умерять их.(4)

Всевозрастающая власть спектакля

Гораздо более серьёзным, чем этот спектакль нашего предполагаемого бессилия перед лицом экономики является всевозрастающая власть самого спектакля, которая за последние годы развилась практически до подавления любого воспоминания об истории предшествовавшей спектаклю или возможностям противоположным спектаклю. Комментарии к Обществу спектакля Дебора (1988 г.) подробно останавливаются на этом новом

развитии:

Во всём, что случилось за последние двадцать лет, наиболее важная перемена заключается в самой продолжительности спектакля. Важна не дальнейшая изощённость средств спектакля СМИ, которые уже достигли степени высокого развития; дело скорее в том, что власти спектакля удалось вырастить по своим законам целое поколение. . . . Важнейший приоритет власти спектакля заключался в общем искоренении исторического знания, начиная с практически любой информации и рациональных комментариев о недавнем прошлом. . . . Благодаря спектаклю люди утрачивают способность к осознанию того, что происходит, или по крайней мере они быстро забывают то, что осознали. Чем большим значением обладает нечто, тем более оно спрятано. Ничто за последние двадцать лет не окутывалось официальной ложью с большим тщанием, чем Май 1968г. . . . Поток образов вымывает из него всё, что было перед ним, и кто-то всегда контролирует этот упрощённый дайджест осязаемого мира, решает, куда направить этот поток, программирует его ритм в бесконечную серию произвольных сюрпризов, не оставляющих времени на размышления изолируя представляемый материал от его контекста, его прошлого, его намерений и его последствий. . . . Поэтому вряд ли удивительно, что дети сейчас начинают своё образование с введения в Абсолютное Знание компьютерного языка, всё больше утрачивая способность к чтению. Это потому что чтение требует вынесения суждений по каждой строчке; а поскольку диалог практически мёртв (как скоро вымрут все те, кто умеет разговаривать) чтение остаётся единственным вратами в обширные царства человеческого опыта, предшествовавшего спектаклю.

В настоящем тексте я попытался резюмировать некоторые основные пункты, похороненные под интенсивными репрессиями со стороны спектакля. Если эти вопросы покажутся банальными одним или недоступными другим, они по крайней мере могут послужить воспоминаниям о том, что когда-то было возможным, в те первобытные времена, несколько десятков лет тому назад, когда у людей ещё сохранялась эта причудливая,

старомодная идея, что люди способны понимать свою собственную историю и воздействовать на неё.

Но если и не возникает вопросов по поводу того, что всё в значительной мере изменилось со времён шестидесятых (большой частью в худшую сторону), наша ситуация может оказаться не настолько безнадежной, как она кажется тем, кто бездумно поглощает всё, что им скормливает спектакль. Иногда достаточно небольшого встряха для того, чтобы очнуться от ступора.

Даже если окончательная победа нам не гарантирована, подобные прорывы уже приносят наслаждение. Есть ли в мире более увлекательная и великая игра?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кен Нэбб (редактор и переводчик), *Situationist International Anthology* (Bureau of Public Secrets, 1981), p. 81 [Geopolitics of Hibernation]. Здесь и в некоторых местах я слегка видоизменил мой изначальный перевод Антологии Ситуационистского Интернационала.

2. См. *The Bolsheviks and Workers' Control: 1917-1921*, Морриса Бринтона, *Неизвестную революцию Волина, Кронштадтское восстание Иды Метт, Kronstadt 1921 Пола Аврича, Историю махновского движения Петра Аршинова и Общество спектакля §§98-113 Ги Дебора*. (Эти и большинство других текстов процитированных в книге можно приобрести через распространителей, указанных в списке в конце Ситуационистской библиографии.)

3. “Поверхностные отзывы журналистов и правительств об “успехе” или “поражении” революции не имеют никакого значения по той простой причине, что со времён буржуазных революций ни одна революция ещё не была успешной: ни одна из них не упразднила классы. Пролетарская революция ещё не побеждала нигде, но практический процесс, через который её проект реализует себя уже создал по крайней мере десять ре-

волюционных моментов исторического значения, которые можно называть революциями. Ни в один из этих моментов полное содержание пролетарской революции не развилось полностью, но в каждом случае осуществлялось прерывание хода правящего социально-экономического порядка и появление новых форм и концепций реальной жизни — разнообразные феномены, которые можно понять и оценить только в их общем значении, включающем их потенциальное будущее значение. . . . Революция 1905 г. не свергла царистский режим, она добилась лишь нескольких временных уступок. Испанская революция 1936 г. не уничтожила существовавшую политическую власть официально: фактически, она выросла из пролетарского восстания, начатого для защиты Республики от Франко. Также венгерская революция 1956 г. не упразднила либерально-бюрократическое правительство Надя. Помимо других прискорбных ограничений, венгерское движение несло в себе многие аспекты национального восстания против иностранного тирана; и этот аспект национального сопротивления также сыграл определённую, хотя и менее важную, роль в зарождении Парижской Коммуны. Коммуна вытеснила власть Тьера только в пределах Парижа. А Санкт-Петербургский Совет 1905 г. даже не установил контроля за капиталом. Все кризисы упомянутые здесь в качестве примеров, хотя и имели недостатки в практических достижениях и даже в своих перспективах, тем не менее ввели достаточно много радикальных начинаний и подвергли свои общества довольно суровым испытаниям для того, чтобы оправданно называться революциями”. (Антология СИ, стр. 235-236 [Начало эры])

4. “Нам неинтересно слушать об экономических проблемах эксплуататоров. Если капиталистическая экономика неспособна выполнить требования трудящихся, то это лишь ещё одна причина бороться за новое общество, в которой мы сами будем вольны принимать решения касательно всей экономической и социальной жизни”. (Работники португальских авиалиний, 27 октября 1974 г.)

II ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Личные прорывы - Критическое вмешательство - Теория против идеологии - Как избежать ложного выбора и выявить истинный - Повстанческий стиль - Радикальный фильм - Угнетение против игривости - Страсбургский скандал - Нищета выборной политики - Реформы и альтернативные учреждения - Политкорректность или отчуждение равных возможностей - Недостатки морализма и упрощенческого экстремизма - Преимущества дерзости - Преимущества и ограничения ненасилия

“Человек не может знать, чем он является на самом деле пока он не осознает себя в действии. . . . Интерес, который человек питает к чему-либо уже является ответом на вопрос должен ли он действовать и что нужно делать”

—Гегель, Феноменология духа

Личные прорывы

Позже я постараюсь ответить на некоторые вечные возражения. Но пока те, кто выдвигает возражения пребывают в пассивности, все аргументы в мире будут бесполезными для них, и они будут продолжать петь свой старый мотив: “Это хорошая идея, но не реалистичная, она против человеческой натуры, всегда было так. . . .”. Те, кто не осознаёт своего собственного потенциала вряд ли осознают потенциал других.

Перефразируя одну старую очень разумную молитву: нам потребуется инициатива для того, чтобы решить те проблемы, которые мы можем решить, терпение, чтобы вынести те, что не можем и мудрость, чтобы знать разницу между ними. Но нам также нужно иметь в виду, что некоторые проблемы, ко-

торые не могут быть решены отдельными лицами, могут быть решены коллективно. Когда обнаруживаешь, что у других та же проблема, это часто становится началом её решения.

Некоторые проблемы, конечно, могут быть решены индивидуально, посредством различных методов от тщательной терапии или духовной практики до простых решений в духе здравого смысла, чтобы исправить какую-либо ошибку, бросить вредную привычку, попробовать что-то новое, и т.д.. Но здесь меня заботят не чисто персональные изменения, какими бы они ни были ценными в своих пределах, а те моменты когда люди выходят “наружу” на намеренно подрывные предприятия.

Возможностей больше, чем кажется на первый взгляд. Как только вы отказываетесь давать себя запугивать, некоторые из них оказываются довольно простыми. Вы можете начать где угодно. А где-то вы начать должны — неужели вы думаете, что можете научиться плавать, если даже не подходите к воде?

Иногда, для того, чтобы прекратить излишний словесный поток и восстановить конкретную перспективу требуется немного действия. Это не должно быть нечто монументальное; если больше ничего не приходит на ум, может хватить каких-то достаточно спорных действий — просто для того, чтобы проснуться и встряхнуться.

В других случаях необходимо остановиться, разорвать цепь принудительных действий и реакций. Очистить воздух, создать небольшое пространство, свободное от какофонии спектакля. Это делают в какой-то мере почти все, из инстинктивной психологической самозащиты, либо практикуя какую-нибудь форму медитации, либо периодически занимаясь какой-нибудь деятельностью, которая эффективно служит той же цели (работа в саду, прогулка, рыбалка), либо просто останавливаясь, чтобы глубоко вздохнуть посреди ежедневной суеты, возвращаясь на мгновение в “центр спокойствия”. Без подобного пространства трудно сохранить здравую картину мира, и даже сохранить своё собственное душевное здоровье.

Один из методов, который я нашёл наиболее полезным – всё записывать. Преимущества отчасти психологические (некоторые проблемы теряют свою власть над нами будучи изложенными там, где мы их можем видеть объективно), отчасти заключаются в организации наших мыслей так, что мы можем яснее видеть некоторые факторы и альтернативы. Мы часто придерживаемся непоследовательных идей, не сознавая их противоречивости до тех пор пока не запишем их на бумагу.

Меня иногда критиковали за преувеличенное значение, которое я придаю записыванию. Со многими вещами, конечно, можно иметь дело и более напрямую. Но даже бессловесные действия требуют размышления, обсуждения и как правило записи, если вы хотите эффективно осуществить их, сообщить о них, обсудить, исправить.

(В любом случае, я не утверждаю, что даю ответ на всё; я просто обсуждаю определённые пункты, насчёт которых я чувствую, что мне есть что сказать. Если вы думаете, что мне не удалось затронуть какую-то важную тему, почему бы вам самим это не сделать?)

Критическое вмешательство

Записывание позволяет вам разрабатывать свои собственные идеи по своему, не беспокоясь об ораторских навыках или о страхе сцены. Вы можете выразить себя раз и навсегда вместо того, чтобы постоянно повторяться. Если необходима сдержанность, текст может быть опубликован анонимно. Люди могут читать его в соответствии со *своим* собственным ритмом, останавливаться и думать о нём, возвращаться и уточнять специфические пункты, воспроизводить его, адаптировать, отсылать к нему других. Разговоры могут производить более быстрый и подробный отклик, но они могут также поглотить вашу энергию, не дать вам сосредоточиться на ваших идеях и применить их. Те, кто находится в той же колее, что и вы могут сопротивляться вашим попыткам уйти, потому что ваш успех станет вызовом их собственной пассивности.

Иногда вы можете лучше всего спровоцировать таких людей, если просто оставите их и пойдёте своим путём. (“Эй, подожди!”) Или переводя диалог на другую тему. Письмо заставляет как автора, так и адресата выражать свои идеи яснее. Копии другим заинтересованным лицам могут оживить дискуссию. Открытое письмо привлекает ещё больше людей.

Если вам удастся создать цепную реакцию, при которой больше и больше людей будет читать ваш текст, потому что они видят, что другие читают и оживлённо обсуждают его, никто больше не сможет притворяться, что ничего не знает о тех вопросах, что вы подняли.(1)

Предположим, например, что вы критикуете группу за её иерархичность, за власть её лидера над другими её членами (последователями или поклонниками). Личный разговор с одним из её членов может породить только серию противоречивых защитных реакций с которыми бесполезно спорить. (“Нет, на самом деле он нам не лидер. . . . А даже если и лидер, то не авторитарный. . . . И потом, какое у вас право критиковать?”) Но публичная критика выводит такие противоречия наружу и ставит этих людей под перекрёстный огонь. Когда один из членов группы отрицает её иерархичность, другой может признать её и попытаться оправдать её приписывая своему лидеру высшее знание. Это может заставить третьего задуматься.

Сначала, группа раздражённая вашим вмешательством в их уютную маленькую сцену, сплотит свои ряды вокруг лидера и обвинит вас в “негативности” или “элитарном высокомерии.” Но если ваше вмешательство было достаточно пронизательным, оно может продолжать укореняться и принесёт запоздалый эффект. Лидеру придётся теперь смотреть за собой т.к. все теперь более внимательны ко всему, что может подтвердить вашу критику. Для того, чтобы продемонстрировать степень вашей неправоты, члены группы могут начать настаивать на большей демократизации. Даже если какая-нибудь группа кажется непроницаемой для перемен, её пример может послужить объективным примером для более широкой публики. Посторонние, которые могли бы при иных обстоятельствах

совершить схожие ошибки могут легче увидеть оправданность вашей критики потому что меньше вовлечены эмоционально.

Обычно более эффективно критиковать учреждения и идеологии, чем нападать на личность людей, которые могли случайно попасть туда — не только потому что машина важнее, чем её заменяемые запчасти, но потому что такой подход поможет отдельным людям сохранить своё достоинство, когда они будут отделяться от машины.

Но как бы тактичны вы не были, нельзя избежать того, что в принципе любая значительная критика вызовет иррациональную защитную реакцию, начиная от личных атак на вас и заканчивая призыванием той или иной из большого числа модных идеологий, которые по идее демонстрируют невозможность рационального решения социальных проблем. Демагоги, для которых легче играть на человеческих чувствах, отрицают рассудок, как холодный и абстрактный; теорией пренебрегают во имя практики. . . .

Теория против идеологии

Теоретизировать значит просто пытаться понять, что мы делаем. Мы все теоретики, когда мы честно обсуждаем, что происходит, различаем между значительным и незначительным, рассматриваем ошибочные объяснения, осознаём, что срывает, а что нет, размышляем о том, как что-то улучшить в следующий раз. Радикально теоретизировать означает разговаривать или писать большему числу людей о более общих темах в более абстрактных (т.е. более широко применимых) терминах. Теоретизируют даже те, кто отвергает теорию — просто они это делают более бессознательно и капризно, а значит более неточно.

Теория пуста без частных, но частности без теории слепы. Практика испытывает теорию, но теория также вдохновляет новую практику.

Радикальной теории нечего уважать и нечего терять. Вместе со всем остальным она критикует и саму себя. Это не док-

трина, принимаемая на веру, а попытка обобщения, которое люди должны постоянно испытывать и исправлять сами, практическое упрощение незаменимое при обращении со сложностями реальности.

Но также, надеемся, не сверх-упрощение. Любая теория может превратиться в практику, затвердеть в догму, извратиться ради иерархических целей. Разработанная идеология может быть относительно точной в некоторых отношениях; что отличает её от теории это то, что ей не хватает динамических взаимоотношений с практикой. Теория это когда у вас есть идеи; идеология это когда идеи имеют вас. “Ищите простоты и не доверяйте ей”.

Как избежать ложного выбора и выяснить истинный

Перед нами встаёт тот факт, что у нас нет средств, обеспечивающих привлечение внимания, радикальной тактики, которая всегда бы оказывалась пригодной. Коллективные возможности во время бунта не могут быть подходящим выбором для изолированной личности. В некоторых срочных ситуациях может оказаться необходимым провоцировать людей на определённые действия; но в большинстве случаев лучше просто выяснить существенные факторы, с которыми люди должны считаться принимая свои решения. (Если я предполагаю здесь возможность прямой рекомендации, то это ради удобства. “Сделай так” следует понимать как: “В определённых обстоятельствах было бы хорошо сделать так”).

Социальный анализ не должен быть длинным или подробным. Простое “разделение одного на два” (с указанием на противоречивые тенденции отдельно взятого феномена, группы или идеологии) или “соединение двух в одном” (обнаружение общности между двумя явно различающимися феноменами) может оказаться полезным, особенно если этим пользуются напрямую вовлечённые в процесс лица. По большинству вопросов есть более, чем достаточно информации; всё, что нуж-

но это отделить лишнее от существенного. Как только это будет сделано, другие люди, включая участников, обладающих знаниями, почувствуют необходимость провести более тщательное изучение, если это требуется.

Когда мы сталкиваемся с определённой темой, первая вещь, которую следует сделать это определить действительно ли это лишь одна тема. Невозможно провести осмысленную дискуссию по “марксизму” или по “насилию” или по “технологии”, не натываясь на многообразие смысловых нагрузок под этими терминами.

С другой стороны, может оказаться полезным взять одну широкую, абстрактную категорию и показать её доминирующие тенденции, хотя бы и её чистый тип не существовал. Pamфлет ситуационистов *Нищета студентов*, например, перечисляет и жёстко критикует все глупости и претензии “студентов”. Очевидно, что не все студенты повинны в этих недостатках, но этот стереотип служит фокусом вокруг которого можно организовать систематическую критику общих тенденций. Делая ударение на общих характеристиках большинства студентов, памфлет подотчётно бросает вызов тем, кто считает себя исключением доказать это. То же самое относится к критике “про-ситу” в книге Дебора и Сангвинетти *Реальный раскол в Интернационале* — вызывающий отказ от последовательностей, возможно единственный в истории радикальных движений.

“У всех спрашивают мнение по каждой детали, чтобы предотвратить формирование мнения о целом”, (Ванейгем). Многие вопросы настолько перегружены эмоционально, что любой, кто реагирует на них запутывается в фальшивых выборах. Тот факт, что две стороны находятся в конфликте, например, не означает, что вы должны поддерживать одну из них. Если вы не можете ничего поделать с какой-либо определённой проблемой, лучше всего ясно признать этот факт и начать двигаться к чему-то, что обладает практическими возможностями.(2)

Если вы решаете выбрать меньшее зло, признайте это; не

надо развивать хаос, обеляя ваш выбор и демонизируя врага. А лучше всего сделать обратное: сыграть роль адвоката дьявола и нейтрализовать обязательный полемический бред спокойно исследуя сильные стороны противника и свои собственные слабости. “Очень популярная ошибка: обладать храбростью для собственных убеждений; когда храбрость нужна для *атаки* на собственные убеждения!” (Ницше).

Соедините скромность с нахальством. Помните, что если вам удастся чего-то добиться, то только на основе бесчисленных усилий других, многие из которых прошли через ужасы, которые сломали бы и тебя и меня и заставили бы нас подчиниться. Но не забывайте, что то, что вы говорите может внести разницу: в мире умиротворённых зрителей спектакля, даже маленькое автономное выражение будет выделяться.

Поскольку материальных препятствий для основания бесклассового общества больше не существует, проблема по существу остаётся сведённой к вопросу сознательности: единственная реально стоящая на пути вещь это не осознание людьми своей собственной коллективной силы. (Физические репрессии против радикального меньшинства имеют смысл только пока социальные условия удерживают остальное общество в состоянии подконтрольности). Поэтому радикальная практика в большой степени *негативна*: это атаки на различные формы фальшивой сознательности, не дающие людям осознать их позитивный потенциал.

Повстанческий стиль

Как Маркса, так и ситуационистов часто по неграмотности упрекали за эту негативность, потому что они концентрировались в первую очередь на критической ясности и сознательно избегали пропагандирования какой-либо позитивной идеологии, которой бы пассивно придерживались люди. Из-за того, что Маркс указывал на то, как капитализм сводит наши жизни до экономических крысиных бегов, “идеалистические” апологеты данного состояния вещей обвиняют *его* в “сведе-

нии жизни до материальных забот” — как если бы весь смысл работ Маркса заключался не в том, чтобы помочь нам преодолеть наше экономическое рабство с тем, чтобы зацвели наши более творческие потенциалы. “Призывать людей отбросить их иллюзии о своём положении значит призывать их избавиться от положения, требующего иллюзий. . . . Критика срывает воображаемые цветы с цепей не за тем, чтобы человек продолжал носить эти цепи, не мечтая об утешении, но чтобы он сбросил цепи и сорвал цветок жизни”. (“Введение в Критику Гегелевой философии права”).

Точно выразить ключевой вопрос часто может иметь удивительно мощный эффект. Когда выводишь вещи на свет, люди вынуждены перестать уходить от споров и занять позицию. Как искусный мясник из даосской притчи, чей нож никогда не нужно было точить, потому что он всегда проходил между сочленений, самая эффективная радикальная поляризация появляется не из кричащего протеста, а из простого обнажения тех разделений, которые уже существуют, проливая свет на различные тенденции, противоречия, выборы. Большая часть произведённого ситуационистами эффекта происходила из того факта, что они сформулировали вещи, которые большинство людей уже испытало, но было неспособно или боялось выразить себя до тех пор пока кто-то не разобьёт лёд. (“Наши идеи находятся в умах всех”).

Если, тем не менее, некоторые ситуационистские тексты кажутся сначала трудными, это потому что их диалектическая структура идёт против корней нашего положения. Когда это положение нарушается, они не кажутся такими недоступными (они были источником самых популярных граффити Мая 1968 г.). Многие академические зрители спектакля некулюже и безуспешно пытались решить различные “противоречивые” описания спектакля в *Обществе спектакля* в одном, “научно обоснованном” определении; но любой, кто вовлечён в борьбу против этого общества найдёт его исследование Дебором с разных углов намного более ясным и полезным и оценит тот факт, что он не потратил ни слова на академическую болтов-

ню или бесцельные выражения ярости.

Диалектический метод идущий от Гегеля и Маркса к ситуационистам является не магической формулой для штампования правильных предсказаний, а инструментом для борьбы в динамическом процессе социальных изменений. Это напоминает нам, что социальные концепции не вечны; что они содержат в себе свои противоречия, взаимодействуя друг с другом и преобразуя вплоть до противоположности друг друга; то, что в одном контексте может быть истинным или прогрессивным может быть фальшивым или регрессивным в другом.(3)

Диалектический текст может потребовать внимательного изучения, но каждое новое прочтение приносит новые открытия. Даже если он влияет лишь на нескольких людей одновременно, он влияет на них так глубоко, что многие из них влияют в итоге на других точно так же, осуществляя качественную цепную реакцию. Недиалектический язык левацкой пропаганды легче понять, но его эффект как правило поверхностен и недолговечен; не бросая вызова, он вскоре надоедает даже зачарованным зрителям, для которых он предназначен.

Как Дебор показал это в своём последнем фильме, те, кто находят его слова слишком трудными по идее должны сами обвинять свою собственную неграмотность и пассивность, а также школы и общество, которые их такими сделали, и лишь потом жаловаться на недоступность его слов. Те, кто не обладает достаточной инициативой, чтобы перечитать самые важные тексты или провести небольшое исследование или поставить маленький эксперимент сами для себя вряд ли смогут достичь чего-то, если их кормит с ложки кто-то ещё.

Радикальный фильм

Дебор является фактически единственным человеком, использовавшим фильм в истинно диалектических и анти-зрелищных целях. Хотя режиссёры, стремящиеся к радикальности часто и оказывают медвежью услугу Брехтовому “дистанцированию” — идее провоцирования самостоятельных мыс-

ли и действия зрителей вместо втягивания их в пассивное отождествление с героем или сюжетом — самые радикальные фильмы всё ещё играют с аудиторией, как если бы она состояла из дебилов. Сумрачный ум главного героя постепенно “обнаруживает угнетение” и становится “радикализированным” вплоть до того, что он готов стать яростным защитником “прогрессивных” политиков или лояльным активистом какой-нибудь левацкой бюрократической группы. Дистанцирование ограничивается несколькими образцовыми фишками, которые позволяют зрителю думать: “Ах, прикосновение Брехта! Какой умный парень этот режиссёр! И как умён я, что понимаю такие тонкости!”. Радикальное послание обычно настолько банально, что оно доступно практически любому, кто вообще пойдёт смотреть такой фильм; но у зрителя создаётся приятное впечатление, что *других* людей можно развить до его уровня сознания только если они посмотрят этот фильм.

Если у зрителя возникают какие-то проблемы по поводу качества того, что он потребляет, ему приносят облегчение критики, чьей главной функцией является выискивать глубокие радикальные значения практически в каждом фильме. Как в случае с новым платьем короля, никто не захочет признать, что не сознавал этих предполагаемых значений, пока его о них не проинформировали, из страха прослыть менее искушённым, чем вся остальная аудитория.

Определённые фильмы могут помочь выявить какие-нибудь плохие условия или передать какой-то оттенок общего чувства в радикальной ситуации. Но не имеет смысла передавать образы борьбы, без критики самих образов и самой борьбы. Зрители иногда жалуются, что фильм отражает какую-нибудь социальную категорию (например, женщин) неточно. Это может быть правдой до тех пор пока фильм воспроизводит определённые фальшивые стереотипы; однако, подразумеваемая обычно альтернатива — что режиссёр “должен был представить образы женщин, борющихся против угнетения” — в большинстве случаев была бы одинаково фальшивой для реальности. Женщины (как и мужчины или любая другая угнетённая

группа) как правило всегда были пассивными и подчинялись — именно с этой проблемой нам и приходится иметь дело. Те, кто балует самодовольство людей, ставя спектакли триумфального радикального героизма, только укрепляют это рабство.

Угнетение против игривости

Зависеть от угнетающих условий для того, чтобы радикализировать людей не мудро; намеренно ухудшать их для того, чтобы ускорить этот процесс неприемлемо. Репрессии по отношению к определённым радикальным проектам могут ненамеренно обнажить абсурдность правящего порядка; но такие проекты должны обладать смыслом для самих себя — они утратят доверие к себе, если будут лишь предпосылками для провоцирования репрессий. Даже в самых “привилегированных” слоях проблем обычно более, чем достаточно для того, чтобы к ним ещё что-то добавлять. Смысл в том, чтобы обнажить *контраст* между существующими условиями и существующими *возможностями*; дать людям попробовать вкус реальной жизни, чтобы они захотели ещё.

Леваки часто считают, что необходимо много упрощений, преувеличений и повторений для того, чтобы противодействовать правящей пропаганде в другом направлении. Это всё равно, что говорить, что у боксёра, у которого помутилось в голове от правого хука восстановится ясность в голове от левого.

Сознание людей не “воспитывается”, когда их хоронишь под лавиной ужасных историй, или даже под лавиной информации. Информация, которая не ассимилируется и не используется критически, быстро забывается. И ментальное, и физическое здоровье требует определённого равновесия между тем, что мы воспринимаем и тем, что мы с этим делаем. Иногда бывает необходимо заставить самодовольных людей заметить несправедливость, которую они не признают, но даже в таких случаях если долдонить об одной и той же вещи до тошноты, это ни к чему не приведёт, кроме того, что они сбегут

на менее скучные и депрессивные спектакли.

Одна из основных вещей, не дающих нам осознать наше положение это спектакль внешнего счастья других людей, который заставляет нас воспринимать нашу собственную несчастьливость, как позорную примету неудачников. Но вездесущий спектакль нищеты также заслоняет от нас наш собственный позитивный потенциал. Постоянное транслирование бредовых идей и тошнотворных преступлений парализует нас, превращает нас в параноиков и неуступчивых циников.

Кричащая левацкая пропаганда, зашкаленная на коварстве и уродстве “угнетателей”, часто подпитывает этот бред взывая к самым мрачным и низменным сторонам людей. Если мы застреваем в тяжёлых размышлениях о природе зла, если мы позволяем болезни и безобразию этого общества пропитать собой даже наш бунт против него, мы забываем за что мы боремся и в итоге утрачиваем всякую способность любить, творить, наслаждаться.

Самое лучшее “радикальное искусство” убивает обоих зайцев. Если оно атакует отчуждение современной жизни, оно одновременно напоминает нам о поэтических возможностях скрытых в ней. Вместо того, чтобы укреплять нашу тенденцию предаваться безвольным самосожалениям, оно вдохновляет нашу непоколебимость, позволяет нам смеяться над нашими неприятностями и над тупостью сил “порядка”. Некоторые из старых песен ИРМ (“Индустриальных Рабочих Мира”) и комический стриптиз являются хорошими образцами, даже если сама идеология ИРМ сейчас немного устарела. Или иронические, по грустному красивые песни Брехта и Вайля. Комичность *Бравого солдата Швейка* является возможно более эффективным противоядием от войны, чем моральное негодование типичного антивоенного трактата.

Ничто так не подтачивает власть, как её высмеивание. Самый эффективный аргумент против репрессивного режима это не его зло, а его глупость. Персонажи романа Альбера Коссери *Насилие и насмешка*, живущие при ближневосточной диктатуре, оклеивают стены столицы плакатами, похожими на

официальные, восхваляющие диктатора до такой абсурдной степени, что он становится предметом насмешек и вынужден покинуть пост из-за своего неловкого положения. Проказники Коссери аполитичны и возможно их успех слишком хорош, чтобы быть правдой, но схожие пародии использовались и в более радикальных целях (например мятеж Ли И Че, упомянутый на стр. 304 [Гонконгская радикальная группа]). На демонстрациях в Италии в 1970-е “Индейцы Метрополии” (вдохновлённые возможно первой главой *Сильвии и Бруно* Льюиса Кэролла “Меньше хлеба! Больше налогов!”) несли флаги и скандировали лозунги вроде “Вся власть боссам!” и “Больше работы! Меньше зарплаты!”. Все понимали иронию, но их было труднее сбросить со счетов, отнеся к какой-либо обычной категории.

Юмор это самое здоровое противоядие против всех видов ортодоксальности, как левой, так и правой. Он в высокой степени заразителен и напоминает нам о том, что не следует относиться к себе слишком серьёзно. Но он может также легко стать предохранительным клапаном, превращая неудовлетворённость в легкомысленный, пассивный цинизм. Общество спектакля процветает на бредовых реакциях на свои самые бредовые аспекты. Сатирики часто находятся во взаимозависимых отношениях любви-ненависти со своими мишенями; пародисты стносятся неотличимыми от тех, кого пародируют, производя впечатление, что всё одинаково странно, бессмысленно и безнадёжно.

В обществе, основанном на искусственно поддерживаемом хаосе, первой задачей является не увеличивать его. Хаотичные всплески как правило не приводят ни к чему, кроме раздражения и паники, провоцируя людей на поддержку всех мер, принимаемых правительством для восстановления порядка. Радикальное вмешательство может поначалу показаться странным и недоступным для понимания; но если оно будет выработано с достаточной степенью ясности, люди скоро поймут его положительные стороны.

Страсбургский скандал

Представьте себе, что вы оказались в Страсбургском университете в день начала учебного года в 1966 г., среди студентов, профессорского состава и знаменитых гостей чинно шествующих в актовЫй зал, чтобы послушать приветственную речь президента де Голля. Вы видите на каждом сиденье небольшой памфлет. Программа? Нет, кое-что о “нищете студенческой жизни. Вы открываете его и начинаете читать: “Можно с уверенностью сказать, что студент это самое презираемое существо во всей Франции, за исключением полицейского и священника. . . .”. Вы осматриваетесь и видите, что все вокруг также читают его и реакции варьируются от озадаченности или удивления до шока и ярости. Кто ответственен за это? Титульный лист сообщает, что он опубликован Страсбургским Студенческим Союзом, но он также ссылается на “Ситуационистский Интернационал”, что бы это ни значило. . . .

Что отличало Страсбургский скандал от других студенческих проказ, или от хаотичных и вносящих сумятицу эскапад таких групп, как йиппи, было то, что в его скандальной форме содержалось одинаково скандальное содержание. В тот момент, когда студенты были признаны самой радикальной секцией общества, этот текст был единственным, изложившим вещи в иной перспективе. Но нищета именно студентов чисто по случайности оказалась отправной точкой; равно бичующие тексты могли и должны были быть написаны о нищете всех других сегментов общества (желательно теми, кто их хорошо знает изнутри). Фактически, некоторые попытки были сделаны, но ни одна из них не приблизилась к ясности и последовательности ситуационистского памфлета, такого краткого и внятного, провокативного и точного, так методично движущегося от специфической ситуации через всё более общие условия к последней главе, представляющей собой самое существенное из всех существующих изложений современного революционного проекта. (См. *Антологию Ситуационистского Интернационала*, стр. 204-212, 319-337 [О нищете студен-

ческой жизни и Наши цели и методы в Страсбургском скандале]).

Ситуационисты никогда не претендовали на то, что они одни спровоцировали Май 1968 г. — по их словам они подготовили содержание бунта, а не время и место. Но без Страсбургского скандала и последующей агитации группы “Engages”, вдохновлённой Ситуационистским Интернационалом (запоздавшей и невнятной имитацией которого было более известное “Движение 22 марта”) восстания бы не произошло. Не было ни экономического, ни правительственного кризиса, ни военного или расового антагонизма, дестабилизирующего страну, ни какого-либо другого отдельного феномена, способного породить подобное восстание. В Италии и Англии шла более радикальная классовая борьба, в Германии и Японии происходили более боевые студенческие выступления, в США и Нидерландах было шире распространено контр-культурное движение. Но только во Франции был тот взгляд, который смог связать всё это в одно целое.

Тщательно подготовленные акции вроде Страсбургского скандала следует отличать не только от хаотичных всплесков, но также от чисто зрелищных комментариев. Пока социальная критика ограничивается завоеванием той или этой детали, отношения между спектаклем и зрителем постоянно восстанавливаются заново: если подобным критикам удаётся дискредитировать существующих политических лидеров, они сами зачастую становятся новыми звёздами (Ральф Надер, Ноам Чомски и т.д.), на которых с восхищением полагаются чуть более сознательные зрители непрерывного потока шокирующей информации в отношении которой они редко что-либо предпринимают. Более мягкие комментаторы обращают аудиторию к той или иной фракции в межправительственной борьбе за власть; более сенсационные подпитывают мрачное любопытство людей, затягивая их в поглощение всё большего числа статей, программ новостей и документальных драм, а также в бесконечные дебаты о различных теориях заговора. Большинство таких теорий является ни чем иным, как бредовым

отражением отсутствия критического исторического смысла, производимым современным спектаклем, отчаянными попытками найти хоть какое-то связное значение в становящемся всё более бессвязным и абсурдным современном обществе. В любом случае, пока всё остаётся на площадке спектакля, не имеет значения правы эти теории или нет: *те, кто наблюдают за тем, что должно произойти, никогда не смогут повлиять на то, что произойдёт.*

Некоторые откровения более интересны тем, что они не только открывают важные вопросы для общественных дебатов, но делают это так, что в игру втягивается всё больше людей. Очаровательным примером является скандал вокруг “Шпионов за мир” в Англии в 1963 г., в котором несколько неизвестных лиц обнародовали местоположение тайного бомбоубежища, зарезервированного для членов правительства. Чем более настойчиво правительство угрожало преследованиями всякому, кто распространял этот “государственный секрет”, который больше не был ни для кого секретом, тем более творчески и игриво его распространяли тысячи групп и отдельных лиц (которые также обнаружили и захватили ещё несколько бомбоубежищ). Не только тупость правительства и безумие спектакля ядерной войны стали явными для всех, спонтанная цепная реакция людей породила вкус довольно отличного социального потенциала.

Нищета выборной политики

“С 1814 г. ни одно либеральное правительство не пришло к власти без насилия. Кановас был слишком умён, чтобы не заметить неудобств и опасности этого. Поэтому он сделал так, что консервативное правительство должно было регулярно сменяться либеральными правительствами. Его план состоял в том, что когда происходил экономический кризис или случалась серьёзная стачка, он подавал в отставку и давал либералам возможность справиться с этим. Это

объясняет почему большая часть репрессивного законодательства в течение века была принята ими.”

—Джеральд Бренан, Испанский лабиринт

Лучший аргумент за радикальную избирательскую политику был приведён Юджином Дебсом, американским социалистическим лидером, который в 1920 г. получил почти миллион голосов, как кандидат в президенты, сидя в тюрьме за борьбу против Первой мировой войны: “Если люди плохо знают за кого голосовать, они не будут знать в кого стрелять”. С другой стороны рабочие во время германской революции 1918-19 гг. не знали в кого стрелять как раз из-за присутствия “социалистических” лидеров в правительстве, денно и нощно работавших на подавление революции.

Само по себе, голосование не имеет такого уж большого значения (те, кто много говорит об отказе от голосования, только показывают свой фетишизм). Проблема в том, что оно усыпляет людей, которые полагаются на то, что другие будут действовать за них, отвлекая их от более важных возможностей. Когда несколько человек, предпринимающих какую-нибудь творческую инициативу (вспомним о первых сидячих демонстрациях за гражданские права) это может возыметь гораздо больший эффект, чем если они посвятят свою энергию кампаниям за политиков, представляющих собой меньшее зло. В лучшем случае, законодатели редко делают больше, чем от них требуют массовые движения. Консервативный режим под давлением независимых радикальных движений часто делает больше уступок, чем либеральный режим, потому что знает, что может рассчитывать на поддержку радикалов. Если люди беспрестанно выступают за меньшее зло, всё, что требуется от правителей в ситуации, когда их власть находится под угрозой это призвать на помощь угрозу большего зла.

Даже в тех редких случаях, когда “радикальный” политик обладает реальными шансами на победу в выборах, все эти нудные кампании тысяч людей могут сойти на нет в один день из-за какого-нибудь банального скандала в его личной жизни,

или из-за того, что он случайно говорит что-то умное. Если ему удаётся избежать этих ловушек и, кажется, что он выигрывает, он начинает избегать противоречивых вопросов из-за страха породить антагонизм между голосующими. Если его по случайности всё-таки избирают, ему почти никогда не удаётся провести те реформы, которые он пообещал, если он только не посвятит годы попыткам обойти своих новых коллег; что даст ему хороший повод считать первоочередным приоритетом то, что он должен идти на все компромиссы, позволяющие ему занимать пост на неопределённый срок. Благодаря личному знакомству с богатыми и власть имущими, у него развиваются новые интересы и вкусы, которые он оправдывает говоря себе, что заслуживает нескольких поблажек за годы работы на хорошее дело. Хуже всего, если ему всё-таки удаётся ввести несколько “прогрессивных” мер, этот исключительный и как правило тривиальный успех становится свидетельством ценности зависимости от выборной политики, заманивая всё больше людей на растрачивание своей энергии в схожих кампаниях в будущем.

Как говорило одно из граффити Мая 1968 г.: “Подчиняться нашим хозяевам больно; избирать их ещё более глупо”.

Референдумы по определённым вопросам ещё менее восприимчивы к неустойчивости личности; но их результаты зачастую не лучше, т.к. вопросы поднимаются в очень упрощённой форме, и любые меры, угрожающие интересам власти, как правило легко остановить посредством денег и СМИ.

Местные выборы иногда предлагают людям более реалистичный шанс повлиять на политику и приглядывать за избранными лицами. Но даже самые просвещённые общества не могут изолироваться от отклонений остального мира. Если городу удаётся сохранять свои культурные черты и окружающую среду, эти самые преимущества подвергают его растущему экономическому давлению. Тот факт, что человеческие ценности получили преимущество перед собственностью вызывает громадный рост последней (всё больше людей стремится сделать капиталовложения или переехать туда). Рано или поздно этот

рост ценности-собственности побеждает человеческие ценности: местной политикой завладевают высшие суды или правительство национального государства, в муниципальные выборы качаются деньги извне, городских чиновников подкупают, жилые районы сносятся, чтобы расчистить место для небоскрёбов и шоссе, резко взмывает арендная плата, беднейшие классы выселяют (включая различные этнические группы и художественную богему, которая сделала вклад в изначальную привлекательность и оживлённость города), и всё, что остаётся от прежней коммуны это несколько изолированных “достопримечательностей” для туристического потребления.

Реформы и альтернативные учреждения

Но всё же, “действия на местах” могут стать хорошим началом. Люди, чувствующие, что глобальная ситуация безнадежна или непонятна, могут тем не менее увидеть шанс в том, чтобы воздействовать на определённую местную деталь. Районные клубы, кооперативы, телефонные станции, познавательные кружки, альтернативные школы, бесплатные клиники, общинные театры, районные газеты, публичные радио- и телестанции и многие другие виды альтернативных учреждений обладают достоинством сами по себе, а если участие в них достаточно широкое, они могут перерасти в большие движения. Даже если они долго не длятся, они обеспечивают временную площадку для радикальных экспериментов.

Но всегда в каких-то рамках. Капитализм смог развиваться в феодальном обществе постепенно, так, что к тому времени, когда капиталистическая революция отбросила последние следы феодализма, большинство механизмов нового буржуазного порядка уже твёрдо стояло на своём месте. Антикапиталистическая революция, по контрасту, не может в действительности построить своё новое общество “в скорлупе старого”. Капитализм гораздо более гибок и всеобъемлющ, чем феодализм и обычно вбирает в себя любую оппозиционную организацию.

Радикальные теоретики девятнадцатого века застали ещё достаточно остаточных пережитков традиционных коммунальных форм, чтобы предполагать, что как только повсеместная эксплуататорская структура будет уничтожена, их можно будет оживить и расширить вплоть до основания нового общества. Но глобальное проникновение зрелищного капитализма в нынешнем столетии уничтожило практически все формы народного контроля и прямого человеческого взаимодействия. Даже более современные попытки контр-культуры шестидесятых уже давно интегрированы в систему. Кооперативы, ремёсла, органическое земледелие и другие маргинальные предприятия могут производить товары лучшего качества при лучших условиях труда, но эти товары всё ещё будут выполнять функции товаров на рынке. Небольшое количество удачных предприятий обычно развивается в обычный бизнес, а его члены-основатели постепенно принимают право собственности или менеджерскую роль над новыми работниками и занимаются всеми видами рутинных коммерческих и бюрократических дел, не имеющих ничего общего с “подготовкой фундамента нового общества”.

Чем дольше живёт альтернативное учреждение, тем больше оно утрачивает свой добровольный, экспериментальный, характер, которому нечего терять. В постоянном, оплачиваемом персонале развивается сильный личный интерес в статус-кво и в избегании различных треволений из страха обидеть тех, кто его поддерживает или утратить власть или уставной фонд. Альтернативные учреждения также требуют слишком много того ограниченного свободного времени, которым располагают люди, создавая им препятствия, отнимая у них всю энергию, требующуюся для более общих проблем. После краткого периода участия, большинство людей сгорает, оставляя работу более обязательным типам или левакам, пытающимся что-то доказать идеологически. Конечно, приятно слышать о людях, формирующих районные клубы, и т.д., но пока не появится реальная местная потребность, вы скорее всего не *захотите* участвовать в бесконечных собраниях, слушать жало-

бы ваших соседей, или как-то иначе посвящать себя проблемам, до которых вам нет никакого дела.

Во имя реализма, реформисты ограничиваются преследованием “достижимых” целей, но даже когда они пытаются внести какое-то улучшение в систему это обычно компенсируется её развитием на каком-нибудь другом уровне. Это не означает, что реформы несущественны, их просто недостаточно. Мы должны продолжать сопротивляться частным проявлениям зла, но мы должны также помнить, что система будет продолжать вырабатывать его новые формы до тех пор пока мы не положим этому конец. Предполагать, что серия реформ в конце концов приблизит качественную перемену это всё равно что думать, что мы можем перепрыгнуть через десятифуттовую пропасть серией одно-футовых прыжков.

Люди обычно считают, что поскольку революция подразумевает гораздо большие перемены, чем реформы, её труднее совершить. Но самом деле, это может оказаться намного легче, потому что она одним ударом отбрасывает столько мелких усложнений и вдохновляет такой большой энтузиазм. На определённом этапе становится практичнее установить свежую структуру, чем пытаться залатать прогнившую.

Между тем, до тех пор пока революционная ситуация позволяет нам быть действительно конструктивными, лучше, что мы можем сделать это быть *творчески негативными* — сосредотачиваясь на критической ясности, позволяя людям заниматься любыми позитивными проектами, которые им нравятся, но не питая иллюзий по поводу того, что новое общество “строится” через постепенное увеличение числа подобных проектов.

Чисто негативные проекты (например, упразднение законов против использования наркотиков, секса по взаимному согласию и других преступлений без жертв) обладают преимуществом простоты, немедленно принося пользу практически каждому (помимо этого симбиозного дуэта, организованной преступности и индустрии преступного контроля), в то же время требуя очень мало или вообще не требуя дополнительной

работы в случае своего успеха. С другой стороны, они предоставляют мало возможностей для творческого участия.

Лучшие проекты это те, что обладают самооценностью и одновременно содержат подотчётный вызов какому-либо фундаментальному аспекту системы; проекты, позволяющие людям участвовать в решении важных вопросов в соответствии со степенью своего собственного интереса, в то же время открывающая дорогу более радикальным возможностям.

Менее интересны, но стоят внимания требования об улучшении условий или большем равенстве прав. Даже если такие проекты сами по себе не сильно вовлекают прямое участие, они могут устранить препятствия для прямого участия.

Наименее желательной, равной нулю является борьба, в результате которой одна группа приобретает, а другая теряет.

Даже в последнем случае смысл состоит в том, чтобы не говорить людям, что они должны делать, но заставить их понять то, что они делают. Если они занимаются каким-либо вопросом для того, чтобы завербовать людей, важно показать всем их манипулятивные мотивы. Если они верят, что работают на радикальную перемену, может быть полезно показать им, как их деятельность на самом деле так или иначе укрепляет систему. Но если они действительно заинтересованы в своём проекте ради него самого, пусть они им занимаются.

Даже если мы не согласны с их приоритетами (скажем, с собиранием средств на оперный театр, когда улицы полны бездомных людей) мы должны быть осторожными с любой стратегией, направленной лишь на обвинение, не только потому что подобные обвинения обычно производят отрицательный эффект, но потому что подобный морализм подавляет здоровые, позитивные чаяния. Отказаться от борьбы за “качество жизни” из-за того, что система продолжает заставлять нас бороться за выживание это значит поддаваться шантажу, у которого больше нет никаких оправданий. “Хлеб и розы” больше не взаимозаменяемы.(4)

Проекты улучшения “качества жизни” на деле больше вдохновляют, чем рутинные политические и экономические тре-

бования потому что они пробуждают людей для более богатых перспектив. Книги Пола Гудмена полны воображаемых и зачастую удивительных примеров. Быть может у него и “реформистские” предложения, но они живые и провокационные, что придаёт им освежающий контраст с пресмыкающейся оборонной позой большинства современных реформистов, которые ограничиваются реагированием на повестку дня реакционеров. (“Мы согласны, что очень важно создавать новые рабочие места, бороться с преступностью, сохранять силу нашей страны; но скромным методам это удастся лучше, чем экстремистским предложениям консерваторов”).

Пусть другие вещи и важны, имеет смысл сосредоточить свою энергию на вопросах, которым уже уделяется общественное внимание; и при этом отдавать предпочтение тем проектам, которые можно осуществить чисто и напрямую, в противоположность тем, что требуют компромиссов, таких как работа через правительственные учреждения. Даже если такие компромиссы не кажутся очень серьёзными, они подают дурной пример. Ожидание помощи от государства почти никогда не приводит к желанным результатам (комиссии, создаваемые для искоренения бюрократической коррупции сами развиваются в новые коррумпированные бюрократии; законы, принятые для борьбы с вооружёнными реакционными группами бьют в первую очередь по безоружным радикалам).

Система способна убить двух зайцев одним выстрелом заставляя своих оппонентов предлагать “конструктивные решения” для своих собственных кризисов. Фактически, ей необходимо определённое количество оппозиции, которая предупреждает её о проблемах, усиливает её само-рационализацию, позволяет ей опробовать инструменты контроля и даёт оправдания для введения новых форм контроля. Чрезвычайные меры безопасности неуловимо становятся стандартными процедурами, в то время как регламент, которому можно сопротивляться вводится только в ситуациях паники. Медленное, постоянное изнашивание человеческой личности всеми учреждениями отчуждённого общества, от школ и фабрик до рек-

ламы и урбанизма, начинает казаться нормальным по мере того, как спектакль навязчиво фокусируется на сенсационных индивидуальных преступлениях, манипулируя людьми, погружая их в истерию законности и порядка.

Политкорректность или отчуждение равных возможностей

Помимо всего прочего, система добивается успеха, когда может обратить социальные завоевания в дрязги вокруг привилегированных позиций в ней самой.

Это особенно тернистая зона. Надо бы бросать вызов всем формам социального неравенства, не только потому что они несправедливы, но потому что пока они остаются, их можно использовать, чтобы разделять людей. Но достижение равенства в рабстве наёмного труда или равной возможности стать бюрократом или капиталистом вряд ли будет означать хоть какую-то победу над бюрократическим капитализмом.

То, что люди должны защищать свои собственные интересы естественно и необходимо; но если они попытаются сделать это, слишком исключительно отождествляя себя с какой-то определённой социальной группой, они утрачивают более широкий взгляд на вещи. Пока всё более фрагментируемые категории грызутся за брошенные им крошки, они погружаются в игру мелких взаимобвинений и забывают об идее упразднения всей иерархической структуры. Люди, которые обычно скоры на объявление вне закона малейшего намёка на пренебрежительное отношение, начинают сваливать в одну кучу всех мужчин или всех белых, как “угнетателей”, а потом удивляются, что встречают такую сильную обратную реакцию со стороны подавляющего большинства последних, которые хорошо сознают насколько малой властью обладают над своей собственной жизнью, а тем более над чьей-то ещё.

Если оставить в стороне всех реакционных демагогов (которые приятно удивлены, когда “прогрессивные люди” представляют им такие лёгкие мишени для насмешек) единствен-

ные люди, которые что-то получают от этой вредной для обеих сторон грызни это несколько карьеристов, борющихся за бюрократические посты, правительственные гранты, академические лавры, издательские контракты, коммерческую клиентуру или политические сферы влияния в тот момент, когда на тарелке крайне мало места. Вынюхивание “политической некорректности” позволяет им устранять конкурентов и критиков и закреплять свои собственные позиции в качестве признанных специалистов или представителей своего собственного фрагмента. Различные угнетённые группы, которые достаточно глупы, чтобы верить подобным представителям не получают ничего кроме кислосладкого возбуждения от своего правого гнева и смехотворной официальной терминологии, напоминающей Новояз Оруэлла.(5)

Есть существенное, хотя и иногда еле различимое отличие между борьбой с социальным злом и *кормлением* с него. К людям не приходят силы, когда их поощряют погрязать в своём положении жертвы. Индивидуальная автономия не развивается если прячется в своём самоотождествлении с группой. Равенство интеллекта не демонстрируется отказом от логического рассуждения, как “типично белой мужской тактики”. Радикальный диалог не оживляется, когда людей обвиняют в том, что они не соответствуют какой-то политической ортодоксальности, тем более, когда такую ортодоксальность стремятся навязать законным путём.

Также историю не творят переписывая её. Нам не нужно освобождаться от некритического уважения к прошлому и начинать осознавать где и что было искажено. Но нам нужно понять, что несмотря на наше неодобрение предрассудков и несправедливостей прошлого, мы сами вряд ли поступали бы лучше, если бы жили в тех же условиях. Применение современных стандартов в обратной перспективе (самодовольно исправляя авторов прошлого каждый раз, когда они используют общепринятые ранние формы окончаний мужского рода, или подвергая цензуре *Гекльберри Финна* из-за того, что Гек не называет Джима “цветным”) только усиливает историчес-

кую неграмотность, которую так успешно пестует современный спектакль.

Недостатки морализма и упрощенческого экстремизма

Большая часть этого нонсенса берёт начало в фальшивой предпосылке, что радикализм означает жизнь по какому-то моральному “принципу” — как если бы никто не мог работать на мир не будучи абсолютным пацифистом, или защищать упрямство капитализма, не раздав все свои деньги. У большинства людей слишком много здравого смысла, чтобы следовать за такими упрощёнными идеалами, но они часто чувствуют смутную вину за это. Это чувство вины парализует их и делает более восприимчивыми к шантажу со стороны левацких манипуляторов (которые говорят нам, что если у нас нет смелости стать великомучениками, мы должны безропотно подерживать всё, что они делают). Или они пытаются подавить это чувство вины презирая других, которые кажутся ещё более скомпрометированными: рабочий гордится тем, что не продаёт свой ум, как профессор; который возможно чувствует себя выше чем дизайнер; а тот в свою очередь смотрит свысока на тех, кто занят в производстве оружия. . . .

Превращение социальных проблем в личные и моральные отвлекает внимание от их потенциального разрешения. Пытаться изменить социальные условия своим милосердием это всё равно что пытаться поднять уровень моря подливая воду в океан ведрами. Даже если альтруистические действия приносят какое-то благо, бесполезно полагаться на них как на генеральную стратегию потому что они всегда будут исключением. Большинство людей естественным образом в первую очередь заботятся о себе и о самых близких себе людях. Одной из заслуг ситуационистов было то, что они отбросили традиционный левацкий призыв к чувству вины и самопожертвования делая ударение на том, что первичным мотивом является осуществление революции ради нас самих.

“Идти к людям”, чтобы “служить” им или “организовывать” или “радикализировать” их, ведёт как правило к манипулированию, встречаемому апатией или враждебностью. Пример независимых действий других является гораздо более сильным и здоровым источником вдохновения. Как только люди начинают действовать сами, они оказываются в лучшем положении для обмена опытом, сотрудничества на равных правах и, по необходимости, для *просьб* об особой помощи. А когда они сами завоёвывают свою собственную свободу, её гораздо труднее у них отобрать. Одно из граффити Мая 1968 г. говорило: “Я не слуга народа (и ещё меньше его самозванных лидеров) — пусть народ сам служит себе”. Другой граффитист написал ещё яснее и короче: “Не надо меня освобождать – я сам об этом позабочусь”.

Тотальная критика означает не тотальное противостояние всему, а то, что всё ставится под вопрос. Радикалы часто забывают об этом и стремятся переплюнуть друг друга, делая всё более экстремистские утверждения, намекающие на то, что идти на любой компромисс означает продаться и даже, что получать удовольствие означает быть сообща с системой. На самом деле, быть “за” или “против” какой-либо политической позиции настолько же просто, и обычно настолько же бессмысленно, как быть за какую-нибудь спортивную команду или против неё. У тех, кто гордо возвещает о своей “тотальной оппозиции” всем компромиссам, всей власти, всей организации, всей теории, всей технологии и т.д., как правило нет какой бы то ни было *революционной* перспективы — никакой практической идеи о том, как свергнуть нынешнюю систему или как может функционировать новое общество. Некоторые даже пытаются оправдать этот изъян, заявляя, что простая революция никогда не сможет быть достаточно радикальной, чтобы удовлетворить их вечное онтологическое чувство бунта.

Подобная помпезность типа “всё-или-ничего” может временно оказать впечатление на нескольких зрителей, но в конечном итоге это надоест людям. Рано или поздно противоречия и лицемерие приводят к утрате иллюзий и обречённости.

Проецируя свои собственные разочарованные заблуждения на весь мир, бывшие экстремисты делают вывод, что все радикальные перемены безнадежны и подавляют весь опыт; или даже пересказывают на равно глупую реакционную позицию.

Если бы каждому радикалу надо было бы быть Дуррути мы могли бы забыть об этом и посвятить себя более реалистичным заботам. Но быть радикалом не означает быть на самом краю. В своём изначальном значении это означает возвращаться к корням. Причина по которой необходимо бороться за упразднение капитализма и государства состоит не в том, что это самая крайняя из всех возможных целей, но потому что к сожалению стало очевидным, что ничто меньшее не работает.

Нам необходимо узнать, что является и необходимым и достаточным; найти проекты, на которые мы способны и которые мы можем осуществить в действительности. Всё, что находится вне этого – просто пар. Многие из старейших и остающихся наиболее эффективными радикальных тактик — дебаты, критика, бойкоты, стачки, сидячие демонстрации, рабочие советы — прижились именно потому что они заодно просты, относительно безопасны, широко применимы и достаточно открыты для того, чтобы вести к более широким перспективам.

Упрощенческий экстремизм естественным образом тяготеет к самой экстремистской оболочке. Если все проблемы можно свалить на зловещую клику “тотальных фашистов”, всё остальное очень удобно будет казаться прогрессивным при сравнении. В то же время реальные формы современного доминирования, которые как правило более тонки, проходят незамеченными и не встречая сопротивления.

Замыкаясь на реакционерах, вы их только укрепляете, придавая им более сильный и более притягательный вид. “Нам не важно смеются над нами наши враги или оскорбляют нас, представляют они нас как клоунов или как преступников; важно то, что они говорят о нас, что мы их заботим” (Гитлер). Рейх указывал на то, что “заставляя людей ненавидеть полицию вы только усиливаете власть полиции и придаёте ей мистическую

власть в глазах бедных и отчаявшихся. Сильных ненавидят, но их также боятся, им завидуют и за ними следуют. Страх и зависть, которые чувствуют “неимущие” несут ответственность за часть той власти, которой обладают политические реакционеры. Одной из главных целей рациональной борьбы за свободу является разоружение реакционеров, путём выставления на свет иллюзорного характера их власти”. (*Люди в беде*).

Основная проблема с компромиссами заключается не столько в моральном аспекте, сколько в практическом: трудно атаковать нечто, в чём мы сами участвуем. Мы сдерживаем свою критику, чтобы другие не критиковали нас. Становится трудно думать о больших вещах, действовать дерзко. Как это часто отмечалось, многие немцы смирились с нацистским гнѐтом потому что он развивался постепенно и в первую очередь был направлен на непопулярные меньшинства (на евреев, цыган, коммунистов, гомосексуалистов); к тому времени как он начал сказываться на всѐм народе, последний уже не мог ничего с ним поделать.

На мыслительном уровне легко осуждать тех, кто капитулировал перед фашизмом или сталинизмом, но большинство из нас вряд ли поступило бы иначе если бы мы были в том же положении. В наших грѐзах, рисуя себя драматическими персонажами с точным выбором перед благодарной аудиторией, мы воображаем, что у нас не было бы проблем с принятием правильного решения. Но ситуации с которыми мы сталкиваемся на деле как правило более сложны и малопонятны. Не всегда легко узнать, где провести черту.

Весь смысл в том, чтобы провести её *где-нибудь*, перестать беспокоиться о чувстве вины и самооправданиях, и начать наступление.

Преимущества дерзости

Этот дух хорошо передают те итальянские рабочие, которые начинают бастовать, не выдвигая никаких требований. Такие забастовки не только более интересны, чем обычные бю-

рократические профсоюзные переговоры, они могут быть даже более эффективными: боссы, не уверенные в том, как далеко они должны идти навстречу, часто заканчивают тем, что предлагают намного больше, чем бастующие осмелились бы потребовать. Последние затем могут решить, каков будет их следующий шаг, не требуя для себя ничего взамен.

Оборонительная реакция против того или иного социального симптома в лучшем случае добивается каких-то временных уступок по отдельным вопросам. Агрессивная агитация, отказывающаяся ограничиваться чем-либо оказывает гораздо более сильное давление. Правители, когда сталкиваются с массовыми, непредсказуемыми движениями вроде контр-культуры шестидесятых или майского восстания 1968 г. — движениями, которые всё ставят под вопрос, добиваясь автономных побед на многих фронтах, угрожая распространиться на всё общество и слишком широкие для того, чтобы контролироваться подкупаемыми лидерами — спешат подчистить свой имидж, провести реформы, поднять зарплату, освободить заключённых, объявить амнистию, начать мирные переговоры — всё, в надежде предотвратить развитие движения и восстановить свой контроль. (Абсолютная неуправляемость американской контр-культуры, глубоко распространившейся в самой армии, возможно сыграла большую роль в качестве чёткого антивоенного движения, положив конец вьетнамской войне).

Та сторона, что проявляет инициативу, определяет условия борьбы. Пока она продолжает обновляться, она сохраняет элемент сюрприза. “Дерзость есть творческая сила. . . . Когда дерзость наталкивается на сомнения она уже обладает существенным преимуществом, потому что само состояние сомнения подразумевает утрату равновесия. Только, когда она встречается с осторожным прогнозом, она утрачивает преимущество”. (Клаузевиц, *О войне*). Но осторожный прогноз очень редок среди тех, кто правит этим обществом. Большинство процессов системы, связанных с превращением жизни в товар, спектакль и иерархию слепы и автоматичны: торговцы, СМИ и лидеры просто следуют за своими естественными наклоннос-

тями, чтобы сделать деньги, завоевать аудиторию или завербовать сторонников.

Общество спектакля часто становится жертвой своих собственных фальсификаций. Поскольку каждый уровень бюрократии стремится спрятаться за толстой стеной статистики, а каждый “источник информации” переплунуть других более сенсационными историями, в то время как соперничающие государства, правительственные департаменты и частные компании проводят каждый свою кампанию дезинформации (см. главы 16 и 30 *Комментариев к обществу спектакля* Дебора), даже исключительному правителю, обладающему определённой ясностью ума будет трудно понять что же на самом деле происходит. Как говорит Дебор в другом месте в той же книге, государство, которое начинает репрессировать своё собственное историческое знание больше не может вести себя стратегически.

Преимущества и ограничения ненасилия

“Вся история прогресса человеческого общества показывает, что все уступки, сделанные его августейшим требованиям были порождены борьбой. . . . Если нет борьбы, нет и прогресса. Те, кто исповедует свободу, но пренебрегает агитацией, являются людьми, которые хотят урожая, не распахивая земли. Они хотят дождя без грома и молний. Они хотят океана без ужасного шума его многих вод. Борьба может быть моральной; или физической; или моральной и физической, но она должна быть борьбой. Власть ничего не уступает без требований. Никогда не уступала и никогда не уступит.”

—Фредерик Дуглас

Любой, кто обладает знанием истории, понимает, что общества не изменяются без упорного и часто варварского сопротивления тех, кто находится у власти. Если бы наши предки не обращались к насильственному бунту, большинство тех,

кто сейчас самоуверенно порицают его были бы до сих пор слугами и рабами.

Рутинное функционирование этого общества несёт в себе гораздо больше насилия, чем любая возможная реакция против него. Представьте себе всю ярость, которую вызвало бы радиальное движение, казнившее 20,000 противников; а ведь это консервативная оценка количества детей, которых современная система заставляет умирать от голода *каждый день*. Колебания и компромиссы позволяют этому текущему насилию длиться вечно, вызывая в тысячу раз больше страданий, чем одна решительная революция.

К счастью, современной, настоящей революции большинства понадобилось бы очень мало насилия, чтобы нейтрализовать лишь те элементы правящего меньшинства, которые пытаются путём насилия удержать собственную власть.

Насилие не только нежелательно само по себе, оно вызывает панику (а значит подверженность манипуляциям) и пропагандирует потребность в военной (а значит иерархической) организации. Ненасилие подразумевает более открытую и демократическую организацию; она стремится к спокойствию и состраданию, чтобы положить конец злополучному циклу ненависти и мести.

Но мы должны стараться не делать фетиш из этого. Обычное возражение, “Как вы можете способствовать миру насильственными методами?”, не более логично, чем говорить тонущему человеку, что если он хочет выбраться на сушу, он не должен прикасаться к воде. Стремясь разрешить “непонимания” путём диалога, пацифисты забывают, что некоторые проблемы основаны на объективных конфликтах интересов. Они недооценивают подлость врага, преувеличивая собственную вину, упрекая самих себя даже в “яростных чувствах”. Эта кажущаяся частной практика “быть свидетелем” на самом деле превращает активиста в пассивный объект, “ещё одного человека, выступающего за мир”, который (как солдат) выставляет своё тело на линию огня, бросив весь личный анализ или экспериментирование. Те, кто борется с идеей захватывающей

и героической войны, должны бросить это пресмыкающееся, нищенское выпрашивание мира. Определив свою цель как выживание, пацифистам нечего было сказать тем, кому по душе глобальное уничтожение, как раз из-за того, что их тошнит от повседневной жизни, которую превратили в простое выживание, тем, кто видит в войне не угрозу, а желанный уход от скуки и мелочных тревог.

Пацифисты, ощущая, что их стремление остаться незапятнанными не выдерживает испытания реальностью, как правило намеренно избегают информации о прошлой и нынешней социальной борьбе. Несмотря на то, что они зачастую способны на интенсивное изучение и стоическую самодисциплину в своей личной духовной практике, они видимо полагают, что исторических и стратегических знаний на уровне *Ридер'с Дайджест* будет достаточно для их “общественной деятельности”. Подобно человеку, надеющемуся избежать травмирующих падений путём упразднения закона притяжения, им кажется проще вообразить нескончаемую моральную борьбу против “жадности”, “ненависти”, “неграмотности”, “ханжества”, чем бросить вызов конкретной социальной структуре, которая на деле культивирует эти качества. Под нажимом, они иногда жалуются, что радикальная борьба несёт в себе сильные стрессы. Это действительно так, но странно слышать подобные утверждения от тех, чья духовная практика по идее должна учить людей справляться с проблемами с отрешённостью и душевным покоем.

В *Хижине дяди Тома* есть замечательный момент: когда квакерская семья помогает нескольким рабам бежать в Канаду, появляется ловец рабов с Юга. Один из квакеров наставляет на него ружьё и говорит: “Друг, ты здесь не нужен”. Я думаю это самый правильный тон: в нём нет ни ненависти, ни даже презрения, но есть готовность сделать то, что необходимо в данной ситуации.

Реакции против угнетателей понятны, но те, кто в них увяз рискуют стать порабощёнными ментально и физически, прикованными к своим хозяевам “цепями ненависти”. Ненависть

к боссам частично передаёт ненависть людей к самим себе за все те унижения и компромиссы, которые они принимают, втайне понимая, что боссы существуют только благодаря тому, что подчинённые мирятся с ними. Даже в ситуации, когда кто-то прыгает из грязи в князи, большинство людей на позициях власти, не шибко отличается в своих действиях от любых других людей на тех же позициях, с теми же новыми интересами, соблазнами и страхами.

Энергичные контратаки могут научить силы врага уважать вас, но они также плодят антагонизмы. Всепрощение иногда побеждает врага, но в других случаях оно просто даёт им шанс зализать раны и нанести новый удар. Не всегда легко определить лучшую политику в разных обстоятельствах. Люди пострадавшие от особенно порочных режимов естественно хотят видеть виновных наказанными; но слишком много мести служит знаком для других нынешних и будущих угнетателей, что они также должны биться насмерть, так как им нечего терять.

Однако, большинство людей, даже наихудшие соучастники системы, пойдут в том направлении, в котором дует ветер. Лучшей защитой против контрреволюции будет не выношение прошлых преступлений людей или потенциальных будущих предательств, но углубление повстанчества до тех пор, пока в нём не будут участвовать все.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Распространение Ситуационистским Интернационалом текста, порицающего международное собрание критиков искусства было отличным примером этого: “Копии были высланы по почте большинству критиков или вручены лично. Другим позвонили и прочитали часть текста. Группа ворвалась в пресс-клуб, где собрались критики и расшвыряла по залу листовки. Другие разбрасывались на тротуар из окон верхних этажей или из окна машины . . . Короче говоря, были приняты все меры, чтобы у критиков не осталось шансов не знать о

тексте.” (*SI Anthology*, p. 49 [Action in Belgium].)

2. “Отсутствие революционного движения в Европе свело леваков до упрощёнейшего выражения: до массы зрителей, которые охвачены восторгом каждый раз, когда эксплуатируемые жители колоний берутся за оружие против своих господ и только и делают, что рассматривают эти восстания как вершину революции. . . . Где бы ни происходил конфликт, они везде видят борьбу Добра со Злом, ‘тотальной революции’ против ‘тотальной реакции.’ . . . Революционная критика начинается по ту сторону добра и зла; она коренится в истории и воздействует на тотальность существующего мира. Ни в коем случае она не может аплодировать воинственному *государству* или поддерживать бюрократию эксплуататорского государства в процессе формирования. . . . На данный момент явно невозможно искать *революционное* решение вьетнамской войне. В первую очередь необходимо положить конец американской агрессии, чтобы позволить социальной борьбе во Вьетнаме развиваться *естественным* образом, т.е. дать возможность вьетнамским рабочим и крестьянам вновь обнаружить своих местных врагов: бюрократию Севера и правящие слои собственников с Юга. Как только уйдут американцы, сталинистская бюрократия захватит контроль над страной — это неизбежно. . . . Смысл не в том, чтобы оказывать безусловную (или даже условную) поддержку Вьетконгу, а в том, чтобы бороться последовательно и бескомпромиссно с американским империализмом.” (*SI Anthology*, pp. 195-196, 203 [Two Local Wars].)

3. “В своей мистической форме, диалектика вошла в моду в Германии, потому что казалось, что она преобразовывает и прославляет существующее состояние вещей. В своей рациональной форме это отвратительный скандал для буржуазного общества и его профессоров-доктринёров, потому что осознание существующего положения вещей он одновременно утверждает отрицание государства, его неизбежный развал; потому что видит текучее движение каждой исторически развитой социальной формы и поэтому принимает в расчёт её переходность и мимолётность её существования; потому что не при-

нимает никакой узды, и в сущности является критическим и революционным.” (Marx, *Capital*.)

Раскол между марксизмом и анархизмом изуродовал обе стороны. Анархисты правильно критиковали авторитарные и узко экономические тенденции марксизма, но они делали это в недиалектической, моралистической, антиисторичной манере, противопоставляя абсолютные дуализмы (Свобода против Власти, Индивидуализм против Коллективизма, Централизация против Децентрализации, etc.) и оставляя Марксу и нескольким марксистам монополию на последовательный диалектический анализ — до тех пор пока ситуационисты заново не объединили либертарный и диалектический аспекты. О заслугах и недостатках марксизма и анархизма см. *The Society of the Spectacle* —78-94.

4. “То, что вышло на поверхность этой весной в Цюрихе в виде демонстрации против закрытия молодёжного центра прокатилось по всей Швейцарии, подпитывая мятеж юного поколения, стремящегося уйти от этого удушающего общества. ‘Мы не хотим мира, в котором гарантия от голодной смерти оплачивается гарантией смерти от скуки,’ было написано на знамёнах и витринах магазинов в Лозанне.” (*Christian Science Monitor*, 28 October 1980.) Лозунг взят из книги Ванейгема *The Revolution of Everyday Life*.

5. Комичные примеры см. в Henry Beard and Christopher Cerf’s *The Official Politically Correct Dictionary and Handbook* (Villard, 1992): чато трудно сказать являются ли термины Правильнояза сатиричными или всерьёз предлагаются или даже принимаются и используются официально. Единственным противоядием от подобного бреда являются раскаты здорового смеха.

III

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАЗМЫ

Причины социальных прорывов - Послевоенные волнения - Живость радикальных ситуаций - Массовая самоорганизация - Движение за Свободу Слова - Ситуационисты в Мае 1968 г.-Операизм устарел, но позиция рабочих остаётся ключевой - Дикие стачки и сидячие демонстрации - Забастовки потребителей - Что могло бы случиться в Мае 1968 г.-Методы внесения неразберихи и интеграции - Терроризм укрепляет государство - Окончательная конфронтация -- Интернационализм

“Как только отношения эксплуатации и насилие, скрытое под ними выходят на свет из-под мистического флера, происходит прорыв, момент истины, борьба против отчуждения неожиданно начинает идти рука об руку с безжалостной борьбой против обнажённой власти, власти, выказывающейся во всей своей зверской силе и слабости уязвимого гиганта . . . неуловимый момент, когда мир во всей его сложности становится осязуемым, прозрачным, достигаемым для каждого.”

*—Рауль Ванейгем, Общие банальности
(Антология СИ, стр. 93)*

Причины социальных прорывов

Трудно делать обобщения о прямых причинах радикальных прорывов. Для бунта всегда было много хороших причин и, рано или поздно, там где они есть проявляется дисбаланс. Но почему в один момент, а не в другой? Бунты часто случались

во время периодов социальных улучшений, в то время как худшие условия переносятся с покорной обречённостью. Если некоторые из них были спровоцированы чистым отчаянием, другие были вызваны относительно банальными инцидентами. Трудности, которые люди терпеливо переносят, пока они кажутся неизбежными могут вдруг стать нестерпимыми, как только становится возможно избавиться от них. Низость некоторых репрессивных мер или тупость некоторых бюрократических ошибок может лучше прояснить абсурдность системы, чем постоянное увеличение угнетения.

Власть системы основывается на вере людей в собственное бессилие в попытках противостоять ей. Обычно эта вера хорошо обоснована (тебя наказывают если ты нарушаешь правила). Но когда по той или иной причине достаточно большое количество людей начинает игнорировать те правила, с которыми они могут безнаказанно это сделать, все иллюзии исчезают. То, что казалось естественным и неизбежным теперь кажется неправомочным и абсурдным. “Когда никто не подчиняется, никто не командует”.

Проблема в том, как достичь этого. Если лишь немногие отказываются подчиняться, их легко изолировать и репрессировать. Люди часто фантазируют о прекрасных вещах, которых можно было бы достичь “если бы только все согласилось сделать что-то все сразу”. К сожалению, социальные движения функционируют не так. Один человек с револьвером может сдержать сто невооружённых людей, потому что каждый знает, что первые шестеро будут убиты.

Конечно, некоторых людей может охватить такая сильная ярость, что они перейдут в нападение; и их явная решимость может даже спасти их, наглядно показывая власть имущим, что мудрее будет мирно сдаться сейчас, чем ждать когда их разгромят с ещё большей ненавистью. Однако, явно предпочтительнее вместо того, чтобы полагаться на акты отчаяния, найти формы борьбы, сводящие риск к минимуму до тех пор пока движение не распространится настолько широко, что репрессии станут невозможными.

Люди, живущие в странах с особенно репрессивными режимами естественно начинают с того, что используют преимущества всех их уже существующих слабых точек. В 1978 г. иранские мечети были единственными местами, в которых людям могла сойти с рук критика шахского режима. Затем огромные демонстрации устраиваемые Хомейни каждые 40 дней обеспечили неизменность большого количества участников. Так Хомейни признали крупнейшим символом оппозиции даже те, кто не был его последователями. Но терпимость к какому-либо лидеру, даже к номинальному, в лучшем случае является лишь временной мерой, которую нужно будет оставить как только станет возможным более независимое действие — как это сделали иранские рабочие нефтяной промышленности, которые к осени 1978 г. почувствовали, что у них достаточно рычагов для забастовок в дни вне созываемых Хомейни инициатив.

Католическая церковь в сталинистской Польше играла схожим образом многозначительную роль: государство использовало церковь, помогавшую ему осуществлять контроль за людьми, но люди также использовали церковь, помогавшую им обойти государство.

Фанатичная ортодоксия иногда лишь на шаг отстоит от более радикального самовыражения. Исламские фундаменталисты могут быть крайне реакционными, но привыкая к тому, что они держат события в своих руках они тем самым делают более сложным любой возврат к “порядку” и, если теряют иллюзии могут быть даже истинно радикальными — как это случилось с не менее фанатичной Красной Гвардией во время китайской “культурной революции”, когда то, что было простой уловкой Мао для оказания давления на некоторых бюрократических соперников, в конечном итоге привело к неподконтрольному повстанчеству миллионов молодых людей, воспринимавших всерьез его анти-бюрократическую риторику.(1)

Послевоенные волнения

Если кто-нибудь скажет: “Я самый великий, сильный, благородный, умный и любящий мир человек на свете”, его посчитают мерзкой личностью, если не безумцем. Но если он будет говорить то же самое о своей стране на него будут смотреть как на достойного восхищения патриота. Патриотизм крайне соблазнителен потому что позволяет самому убогому человеку предаваться на уровне воображения коллективному нарциссизму. Естественная ностальгическая любовь к своему дому и родной обстановке превращается в бездумный культ государства. Страхи и разочарования людей проецируются на иностранцев в то время как их отчаянные надежды на истинную общность мистически проецируются на их собственную нацию, которая всегда кажется по сути своей прекрасной, несмотря на все свои недостатки. (“Да, у Америки есть свои проблемы; но то, за что мы боремся есть *реальная* Америка, то, чего реально добивается Америка”). Эта мистическая стадная сознательность становится почти непреодолимой во время войны, подавляя практически все радикальные тенденции.

С другой стороны, патриотизм сыграл в отдельных случаях свою роль в провоцировании радикальной борьбы (например в Венгрии в 1956 г.). И даже войны иногда вели к бунтам впоследствии. Те, кто несёт на себе самую большую военную нагрузку, по идее во имя свободы и демократии, могут возвращаться домой и требовать для себя более справедливого обращения. Видя историческую борьбу в действии и приобретая привычку справляться с препятствиями уничтожая их, они возможно менее склонны к тому, чтобы верить в неизменное статус-кво.

Нарушения хода вещей и разочарования, которые произвела I мировая война, привели к восстаниям по всей Европе. Если II мировая война и не привела к тому же, то это потому что истинный радикализм к тому времени был уже уничтожен сталинизмом, фашизмом и реформизмом; потому что

оправдания войны победителями, хотя и напичканные ложью как всегда, вызывали больше доверия, чем обычно (побеждённые враги были более явными злодеями); и потому что на этот раз победители позаботились о том, чтобы разработать послевоенное восстановление порядка заранее (восточная Европа была отдана Сталину в обмен на его гарантии сделать податливыми Французскую и Итальянскую Коммунистические Партии и бросить на произвол судьбы греческую компартию). Тем не менее глобального шока от войны хватило для того, чтобы расчистить дорогу перед автономной сталинистской революцией в Китае (которой не хотел Сталин, поскольку это угрожало его исключительному господству над “социалистическим лагерем”) и дать новый импульс антиколониальным движениям (чего естественно не хотели европейские колониальные державы, хотя в конце концов им и удалось сохранить самые выгодные аспекты своего господства путём экономического неокOLONIALИЗМА, который уже практиковали Соединённые Штаты).

Перед переспективой послевоенного вакуума власти, правители часто сотрудничают со своими самыми заклятыми врагами для того, чтобы подавлять свои собственные народы. В конце франко-германской войны 1870-71гг. победоносная немецкая армия помогла окружить Парижскую Коммуну, давая возможность французским правителям уничтожить её с большей лёгкостью. Когда сталинская армия приближалась к Варшаве в 1944 г., она призвала горожан восстать против нацистских оккупантов и несколько дней ждала за пределами города, пока нацисты уничтожали раскрывшиеся таким образом независимые элементы, которые впоследствии могли противостоять навязыванию сталинизма. Недавно мы были очевидцами схожего альянса де факто Буша-Саддама после войны в Персидском заливе, когда, призвав иракский народ к восстанию против Саддама, американские военные устраивали затем систематические бои иракских солдат возвращавшихся из Кувейта (которые, вернувшись в свою страну, уже созрели бы для восстания) оставляя в то же время

элитарную Республиканскую Гвардию Саддама в целостности и сохранности для подавления огромных радикальных восстаний в северном и южном Ираке.(2)

В тоталитарных обществах несправедливости очевидны, но бунтовать тяжело. В “демократических” обществах бороться легче, но цели менее ясны. Когда нас в сильно контролирует подсознательная обусловленность или огромные и как кажется незримые силы (“государство экономики”), когда нам предлагают широкий выбор видимых свобод, нам трудно понять ситуацию. Как стадо овец, нас ведут в нужном направлении, но оставляют достаточное пространство для индивидуальных вариаций, позволяющих нам питать иллюзии независимости.

Импульсы к вандализму или насильственной конфронтации можно зачастую рассматривать как попытки прорваться сквозь эту депрессивную абстрактность и иметь дело с чем-то конкретным.

Точно так же как первой организации классического пролетариата предшествовал, в конце восемнадцатого века и начале девятнадцатого, период изолированных “криминальных” действий, направленных на уничтожение машин производства, лишивших людей работы, мы в данный момент являемся свидетелями первых проявлений волны вандализма против *машин потребления*, точно так же лишаящих нас нашей жизни. В обоих случаях смысл очевидно заключается не в самом разрушении, а в бунте, который потенциально может перерасти в позитивный проект, доходя до той точки, когда машины можно будет видоизменять с тем, чтобы люди приобретали большую власть над своей жизнью. (*Антология СИ*, стр. 82 [Плохие дни уйдут].)

(Следует обратить внимание на это последнее предложение: Указывать на симптом социального кризиса, или даже защищать его как доступную для понимания реакцию, не обязательно означает рекомендовать его в качестве тактики).

Можно указать на многие другие рычаги радикальных ситуаций. Одна стачка может перерасти во всеобщую (Россия

1905 г.); народное сопротивление какой-либо реакционной угрозе может преодолеть официальные ограничения (Испания 1936 г.); народ может воспользоваться преимуществами типичной либерализации для того, чтобы продвинуться на шаг дальше (Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г.); пример акций небольшой группы может послужить катализатором массового движения (ранние гражданские сидячие демонстрации, Май 1968 г.); частный акт насилия может послужить последней каплей (Уоттс 1965 г., Лос Анджелес 1992 г.); внезапное падение режима может оставить за собой вакуум власти (Португалия 1974 г.); какой-то особый случай может собрать вместе людей в таких количествах, что станет невозможно помешать им выразить свои недовольство и надежду (площадь Тянаньмень 1976 г. и 1989 г.); и т.д.

Но социальные кризисы включают с себя так много туманности, что их редко можно предсказать, и менее того спровоцировать. В целом, нам представляется, что лучше всего заниматься теми проектами, к которым мы лично чувствуем склонность, стараясь хорошо осознавать и быстро догадываться о существенных новых развитиях (опасности, срочные задачи, благоприятные возможности), которые требуют новой тактики.

А тем временем, мы можем продолжать исследовать ключевые этапы, через которые проходят радикальные ситуации, если они начались.

Живость радикальных ситуаций

Радикальная ситуация есть коллективное пробуждение. С одной стороны она может вовлечь несколько дюжин человек в районе или на рабочем месте; с другой она перетекает в полноценную революционную ситуацию, вовлекая миллионы людей. Дело здесь не в количествах, а в открытом общественном диалоге и участии. Случай с Движением за Свободу Слова в начале 1964 г. (ДСС) является классическим и особенно красивым примером. Когда полиция собиралась увозить арестованного активиста за гражданские права в

университетском кампусе в Беркли, несколько студентов уселось перед полицейской машиной; в течение нескольких минут сотни других спонтанно последовали их примеру, окружив машину так, что она не могла тронуться. В течение следующих 32 часов крыша этой машины превратилась в платформу для свободных дебатов. Захват Сорбонны в мае 1968 г. создал ещё более радикальную ситуацию, стягивая множество нестуденческого населения Парижа; захват рабочими фабрик по всей Франции после этого превратился в революционную ситуацию.

В подобных ситуациях люди становятся гораздо более открытыми для новых перспектив, более готовыми для переоценки предыдущих утверждений, более быстрыми в своей способности отбросить привычные аргументы против. Каждый день *несколько* человек переживает ситуации, которые заставляют их задаться вопросом о смысле их жизни; но при радикальной ситуации это переживают практически все одновременно. Когда машина застревает, сами винтики начинают задаваться вопросами о своей функции.

Боссов высмеивают. Приказы игнорируют. Разделения преодолеваются. Личные проблемы превращаются в общественные вопросы; общественные вопросы, казавшиеся далёкими и абстрактными становятся непосредственными практическими делами. Старый порядок анализируют, критикуют, пародируют. Люди узнают об обществе больше за неделю, чем за годы академического “социального анализа” или левацкого “воспитания сознания”. Долго подавляемый опыт переживается заново.⁽³⁾ Всё кажется возможным — и намного более того *является* возможным. Люди едва могут поверить в то, с чем они мирились в “старые дни”. Даже если результат неизвестен, сам этот опыт часто считают достойным того, чтобы его пережить. “Если бы только у нас хватило времени . . .” гласило одно из граффити в 1968 г.; на которое пара других отвечали: “В любом случае никаких сожалений!” и “Уже десять дней счастья”.

Когда работа встаёт, рутинные маршруты сменяется

праздношатанием, а пассивное потребление активным общением. Незнакомцы заводят живые дискуссии на уличных углах. Дебаты продолжаются круглые сутки, новоприбывшие постоянно сменяют тех, кто уезжает ради другой деятельности или пытается поспать несколько часов, хотя они обычно слишком возбуждены, чтобы спать слишком долго. В то время как некоторые люди поддаются демагогам, другие начинают вносить свои собственные предложения и предпринимают собственные инициативы. Прохожие втягиваются в водоворот и претерпевают удивительно быстрые изменения. (Красивый пример из Мая 1968 г.: Директор национального театра “Одеон” сначала был обескуражен тем, что его окружили радикальные толпы; но, войдя в ситуацию через несколько минут, он вышел и воскликнул: “Да! Теперь, когда он ваш, держите его и никогда не отдавайте — чем отдавать лучше сожгите его!”).

Конечно, не каждый поддаётся сразу. Некоторые просто затаиваются, в ожидании того времени, когда движение пойдёт на спад, и они восстановят свои позиции и смогут отомстить. Другие колеблются, разрываясь между желанием перемен и страхом перемен. Промежутка в несколько дней может не хватить для того, чтобы уничтожить целую жизнь иерархической обусловленности. Нарушение рутины и привычек может не только освободить, но и дезориентировать. Всё происходит так быстро, что легко запаниковать. Даже если вам удаётся сохранять спокойствие, нелегко уловить все факторы игры достаточно быстро для того, чтобы определить лучшее решение по поводу того, что стоит предпринять, которое может оказаться очевидным при ретроспективном взгляде на вещи. Одной из главных целей настоящего текста является указать на определённые типичные, повторяющиеся образцы, чтобы люди могли быть готовы осознать и воспользоваться такими возможностями до того, как станет слишком поздно.

Радикальные ситуации являются редкими моментами, когда качественные перемены становятся возможными в реальности.

Далёкие от аномалий, они обнажают то, как аномально мы обычно угнетены; они заставляют нашу “нормальную” жизнь казаться лунатизмом. И всё же из огромного количества книг, написанных о революции, немногие говорят о таких моментах. Те, что имеют дело с самыми радикальными современными бунтами, как правило, являются просто описаниями, иногда лишь делая намёки на то, что переживаешь в такой ситуации, но редко давая какие-либо полезные тактические советы. Изучение буржуазных и бюрократических революций в общем даже менее дееспособно. В таких революциях, когда “массы” играют лишь роль временной поддержки тех или иных лидеров, их поведение можно в большой степени анализировать, как движение физических масс, в терминах знакомых метафор прилива и отлива, маятника, раскачивающегося от радикальности к реакции и т.д. Но антииерархическая революция требует от людей прекратить быть однородной, манипулируемой массой, выйти за пределы подчинения и бессознательности, которая обрекает их на этот вид механистической предсказуемости.

Массовая самоорганизация

В течение шестидесятых широко было распространено чувство, что лучшим способом способствовать подобной демассификации было формирование “групп единомышленников”: небольших ассоциаций близких друзей с сочетающимся образом жизни и перспективами. У подобных групп действительно много очевидных преимуществ. Они могут задумать проект и немедленно воплотить его в жизнь; в них трудно проникнуть; а когда это необходимо, они могут объединиться с другими. Но, даже оставая в стороне, всевозможные ловушки, в которые попало большинство групп единомышленников шестидесятых, невозможно обойти тот факт, что некоторые вопросы требуют широкомасштабной организации. А большие группы вскоре возвращаются к принятию той или иной формы иерархии, если им только не

удаётся самоорганизоваться таким образом, что лидеры становятся ненужными.

Один из простейших способов заставить большое скопление людей *начать* самоорганизовываться это дать тем, кому есть, что сказать встать в очередь или записаться и предоставить каждому время, в течение которого они могут говорить обо всём, о чём хотят. (Ассамблея Сорбонны и ДСС, собравшиеся вокруг полицейской машины, установили лимит из трёх минут, случайно предложенный кем-то из толпы). Некоторые из выступающих предложат специфические проекты, которые быстро породят небольшие, более работоспособные группы. (“Мы с теми и теми хотим сделать то-то; любой, кто хочет принять участие, может присоединиться к нам в такое-то время в таком-то месте). Другие поднимут вопросы, затрагивающие общие цели или текущее функционирование самой ассамблей. (Кто в неё входит? Когда она соберётся снова? Как поступать со срочными вопросами в промежутках между собраниями? Кто будет делегирован для выполнения специфических заданий? С какой степенью подотчётности?) В этом процессе, участники скоро увидят, что срабатывает, а что нет — насколько строгий мандат должен выдаваться делегатам, нужен ли председатель для того, чтобы облегчить дискуссии, чтобы не начинали говорить все сразу и т.д. Возможны многие способы организации; самым важным является оставить вещи открытыми, демократичными и с прямым участием, чтобы любая тенденция к иерархии и манипуляции сразу раскрывалась и отвергалась.

Движение за Свободу Слова

Несмотря на свою наивность, беспорядочность и недостаточно жёсткую делегатскую подотчётность, ДСС является хорошим примером спонтанных тенденций к практической самоорганизации, возникающих в радикальной ситуации. Было сформировано около двух дюжин “централов”

для координации печати, пресс-релизов, юридических консультаций, приготовления еды, систем звукоусилителей и прочих необходимых атрибутов, или для размещения добровольцев, которые проявили свои навыки и готовность выполнять различные задания. Телефонные деревья (*диверсионная система, по которой люди начинают перезваниваться по телефону по разветвляющейся “пирамиде”, полностью оккупируя линии. А звонит B, C и D. B звонит E, F и G. C звонит H, I и J. D звонит K, L и M. Каждый из последних звонит ещё нескольким людям, каждый из которых... Т.о. всем достаточно сделать лишь несколько звонков, в то же время есть возможность связаться с сотнями и тысячами людей, прим.автора и переводчика.*) сделали возможным контакт более, чем двадцати тысяч студентов после одного короткого уведомления.

Но помимо простых вопросов практической эффективности и даже по ту сторону очевидных политических вопросов, повстанцы прорывались через весь фасад спектакля и приобретали вкус реальной жизни, реальной общности. По оценке одного из участников, в течение нескольких месяцев он познакомился, здороваясь, по крайней мере кивком головы, с двумя или тремя тысячами человек — и это в университете, который был знаменит тем, что “превращает людей в количества”. Другой трогательно написал: “Перед лицом учреждения, явно и сокрушительно предназначенного для деперсонализации и блокирования общения, не являющегося ни человеческим, ни красивым, ни отзывчивым, мы обнаружили в самих себе то цветущее присутствие, против отсутствия которого мы протестовали в наших сердцах”.(4)

Радикальная ситуация должна или распространиться или умереть. В крайних случаях определённое место может послужить более или менее постоянной базой, фокусом для координации и убежищем от внешних репрессий. (Сельский район Санризука, поблизости от Токио, который был оккупирован местными фермерами в течение 1970-х в попытке заблокировать строительство местного аэропорта, защищали

настолько упорно и успешно и так много лет, что его начали использовать в качестве штаба для самой разнообразной борьбы по всей Японии). Но фиксированное местоположение облегчает манипулирование, слежку и репрессии, а люди, защищающие его, утрачивают свободу передвижения. Радикальные ситуации всегда характеризуются большим количеством перемещений: в то время, как одни стягиваются к ключевым местам, чтобы увидеть, что происходит, другие идут вразброд, распространяя завоевания по прочим районам.

Простым, но очень важным шагом в любом радикальном действии является то, что люди *рассказывают другим, что они делают и почему*. Даже если то, что они сделали очень ограничено, подобное сообщение само по себе является примером: помимо того, что игра выходит на более широкое поле и призывает других присоединиться к ней, она избавляет от обычной зависимости от слухов, новостей из СМИ и самозванных представителей.

Это также крайне важный шаг для прояснения ситуации для самих себя. Предложение выпустить коллективное коммюнике представляет конкретные альтернативы: С кем мы хотим связаться? Чего ради? Кто заинтересован в данном проекте? Кто согласен с данным заявлением? Кто несогласен? С какими пунктами? Это может привести к поляризации, поскольку люди могут видеть несколько решений для одной проблемы, определить свои взгляды, и перегруппировать людей со схожими взглядами для различных проектов.

Такая поляризация проясняет существо вопросов для всех. Каждая тенденция может свободно выражать себя и проверять свои идеи на практике, а результаты будут лучше различимы, чем, если противоречащие друг другу стратегии смешивались бы в некоем избранном на низжайшем уровне общности компромиссе. Когда люди видят практическую необходимость, они будут координировать свою деятельность; в то время как рост автономных индивидов гораздо более плодотворен, чем поверхностное “единство” сверху вниз, к которому всегда призывают бюрократы.

Иногда большие толпы дают людям возможность добиться таких вещей, за которые было бы просто неразумно браться изолированным индивидам; и некоторые коллективные действия, такие как забастовки или бойкоты, требуют от людей действовать в согласии, или по крайней мере не идти против решений большинства. Но многими другими вопросами могут заниматься напрямую индивиды или небольшие группы. Лучше бастовать и ковать железо пока оно горячо, чем растрачивать время впустую на попытки опровергнуть возражения масс зрителей, которые всё ещё находятся под заклятием своих манипуляторов.

Ситуационисты в Мае 1968 г.

У небольших групп есть все права выбирать с кем сотрудничать: специфические проекты могут требовать специфических способностей или близости и согласия между участниками. Радикальная ситуация открывает более широкие возможности среди более широкого круга людей. Упрощая основные вопросы и преодолевая привычные разделения, она придаёт массам обычных людей способность выполнять такие задачи, которые им и не снились неделю назад. В любом случае, только самоорганизованные массы способны выполнять такие задачи — никто не может выполнить их от их лица.

Какова роль отдельных радикалов в таких ситуациях? Ясно, что они не должны претендовать на то, что представляют или ведут за собой народ. С другой стороны, абсурдно заявлять, во имя избежания иерархии, что они должны “немедленно раствориться в массах” и прекратить высказывать свои собственные взгляды или выступать с собственными инициативами. Вряд ли им нужно делать меньше, чем обычным “массовым” индивидам, которые должны выражать *свои* взгляды и выступать со *своими* инициативами, в противном случае ничего не произойдёт. На практике те радикалы, которые заявляют, что боятся “говорить людям, что

делать” или “действовать вместо самих рабочих” обычно заканчивают тем, что ничего не делают или маскируют бесконечные повторения постулатов своей идеологии под видом “отчётов о дискуссиях между отдельными рабочими”.

У ситуационистов и группы Enrages был намного более ясный и откровенный подход в Мае 1968 г. В течение первых трёх или четырёх дней захвата Сорбонны (14-17 мая) они открыто выражали свои взгляды на задачи ассамблеи и движения в общем. Благодаря этим взглядам Рене Ризль, один из группы Enrages, был избран в первый Комитет по Захвату Сорбонны, а на следующий день вместе с другими делегатами переизбран.

Ризль и ещё один делегат (остальные просто ускользнули от выполнения каких-либо обязанностей) усиленно работали над обеими политическими линиями, защитником которых он являлся: поддержание тотальной демократии в Сорбонне и наиболее широкое распространение призывов к захвату фабрик и формированию рабочих советов. Но после того, как ассамблея неоднократно позволила различным неизбранным левацким бюрократиям завладеть Комитетом по Захвату и не подтвердила призыв к формированию рабочих советов (отказываясь таким образом от призыва к рабочим делать, то что она сама делала в Сорбонне), группа Enrages и ситуационисты покинули ассамблею и продолжали свою агитацию независимо.

В этом отколе не было ничего анти-демократического: ассамблея Сорбонны оставалась свободной делать всё, что ей вздумается. Но когда ей не удалось справиться со срочными задачами ситуации и она начала противоречить даже собственным претензиям на демократию, ситуационисты поняли, что она больше не является основной точкой самых радикальных возможностей движения. Их диагноз подтвердился последующим провалом всех претензий на демократию участия в Сорбонне: после их ухода ассамблея больше не проводила собраний и вернулась к типичной левацкой форме самозванных бюрократов, управляющих

событиями над головами пассивных масс.

Пока всё это происходило среди нескольких тысяч человек в Сорбонне, миллионы рабочих захватывали фабрики по всей стране. (поэтому и абсурдно характеризовать Май 1968 г. как студенческое движение) Ситуационисты, группа Enrages и несколько дюжин советовских революционеров основали Совет по поддержке захватов (CMDO) с целью воодушевить тех рабочих, которые обходили профсоюзную бюрократию и связывались друг с другом напрямую для того, чтобы реализовать уже открытые радикальные возможности для своего действия.(5)

Операизм устарел, но позиция рабочих остаётся ключевой

“Добродетельное негодование является мощным стимулятором, но это опасная диета. Помните старую поговорку: гнев - плохой советник. . . . Когда у вас сильные симпатии к какому-либо человеку или людям, с которыми обращаются плохо и жестоко, но о которых вы ничего не знаете, кроме того, что с ними плохо обращаются, ваше щедрое негодование приписывает им все виды добродетелей, как и все виды пороков тем, кто их угнетает. Однако, простая истина заключается в том, что те, с кем плохо обращаются обычно хуже, чем те, с кем обращаются хорошо.”

—Джордж Бернард Шоу, *Руководство для умной женщины по социализму и капитализму*

“Мы упраздним рабов, потому что не можем вынести их вида.”

—Ницше

Борьба за освобождение не подразумевает аплодирование всем характерным чертам угнетённых. Абсолютная несправедливость социального угнетения заключается в том,

что она деградирует, а не облагораживает свои жертвы.

Большая часть традиционной левацкой риторики пристекает из устаревших понятий рабочей морали: буржуазия плоха, потому что не занимается производительным трудом, в то время как достойные пролетарии заслуживают плодов своего труда и т.д. Поскольку труд становится всё менее необходимым и направленным на всё более абсурдные цели, данная перспектива утратила всякий смысл, который у неё возможно когда-то был. Смысл не в том, чтобы восхвалять пролетариат, а упразднить его.

Классовое доминирование не ушло из-за того, что век левацкой демагогии показал слюнявость и устарелость старой радикальной терминологии. Исключая из жизни определённые виды традиционного физического труда и обрекая целые секторы населения на перманентную безработицу, современный капитализм пролетаризировал почти всех остальных. Офисные работники, техники и даже профессионалы среднего класса, которые до этого гордились своей независимостью (врачи, учёные, профессора) всё больше подвергаются грубейшей коммерциализации и даже конвейерному режиму.

Менее чем 1% глобального населения владеет 80% земли мира. Даже в более эгалитарных, по идее, Соединённых Штатах, существует крайнее экономическое неравенство, и оно постоянно становится всё более крайним. Двадцать лет назад средняя зарплата высшего руководителя в 35 раз превышала зарплату среднего производительного рабочего; сегодня она превышает её в 120 раз. Двадцать лет назад богатейшие полпроцента американского населения владели 14% всего частного богатства; теперь они владеют 30%. Однако, эти цифры не полностью отражают власть этой элиты. “Богатство” низших и средних классов почти полностью уходит на покрытие их ежедневных расходов, оставляя мало или совсем ничего на вложение на каком-либо значительном, социально усиливающем уровне. Магнат, владеющий хотя бы пятью или десятью процентами корпорации, как правило, может

контролировать его (из-за апатии неорганизованных масс мелких акционеров), обладая таким образом такой же властью, как если бы он владел всем предприятием. И достаточно всего нескольких крупных корпораций (чьи директораты тесно взаимосвязаны друг с другом и с высшей правительственной бюрократией) для того, чтобы выкупить, исключить или маргинализировать меньших независимых конкурентов и эффективно контролировать ключевых политиков и СМИ.

Вездесущий спектакль процветания среднего класса скрывает эту реальность, особенно в Соединённых Штатах, где, из-за особенностей их истории (и несмотря на ярость многих из их прошлых классовых конфликтов), люди более по наивному забывчивы к классовым разделениям, чем где-либо ещё в мире. Широкое этническое разнообразие и множество сложных посреднических ступеней смешало и запутало фундаментальное различие между верхом и низом. Американцы владеют таким большим количеством товаров, что не замечают, что кто-то ещё владеет всем обществом. Кроме тех, кто находится в самом низу, кто не может не знать лучше, они обычно считают, что бедность является виной самих бедняков, что любой предприимчивый человек обладает большим количеством возможностей, что если вам не удаётся обеспечить себе удовлетворительное существование в одном месте, вы всегда можете начать всё с нуля в свежем месте. Столетие назад, когда люди могли запросто собраться и двинуться дальше на запад, эта вера имела особые основания; упорствование ностальгических спектаклей приграничных районов скрывает тот факт, что настоящие условия довольно сильно отличаются и что нам больше некуда идти.

Ситуационисты иногда использовали термин *пролетариат* (или точнее, *новый пролетариат*) в расширенном смысле, говоря “о всех тех, кто не имеет власти над своей собственной жизнью и знает это”. Использование этого термина может быть достаточно вольным, но оно делает ударение на том факте, что общество всё ещё разделено на классы и фундаментальное разделение проходит всё ещё между теми, кто владеет всем и

всё контролирует и всеми остальными, кто владеет малым или ничем для обмена, кроме своей трудовой силы. В некоторых контекстах возможно лучше использовать другие термины, такие как “народ”; но только если это не валит в одну кучу без разбора эксплуататоров и эксплуатируемых.

Смысл состоит не в том, чтобы романтизировать наёмных трудящихся, которые, и это не удивительно, учитывая тот факт, что спектакль разрабатывается наверху для того, чтобы вводить их в заблуждение, часто находятся среди самых тёмных и реакционных секторов общества. Смысл также не в подсчёте баллов, чтобы выяснить, кто является самым угнетённым. Следует ставить под вопрос все формы угнетения, и каждый может внести в это свой вклад — женщины, молодёжь, безработные, меньшинства, люмпены, богема, крестьяне, средние классы, даже ренегаты из правящей элиты. Но ни одна из этих групп не может достичь окончательного освобождения, не упразднив материального основания для всех этих форм угнетения: системы товарного производства и наёмного труда. И этого упразднения можно достичь только через коллективное *самоупразднение* наёмных трудящихся. Только они могут обладать необходимыми рычагами не только для того, чтобы напрямую остановить систему, но также, чтобы начать всё заново и фундаментально отличным образом.(6)

Дело также не в том, что кто-то приобретает особые привилегии. Рабочие в ключевых секторах (пищевая промышленность, транспорт, коммуникации и т.д.), которые отвергнут своих капиталистических и профсоюзных боссов и начнут сами управлять своей собственной деятельностью, конечно не будут иметь интереса к “привилегии” выполнять всю работу, а будут очень заинтересованы в том, чтобы приглашать всех остальных, безработных или работников устаревших секторов (юристов, военных, продавцов, производителей рекламы и т.д.), присоединиться к ним в проекте её уменьшения и видоизменения. Все вовлечённые лица будут принимать участие в принятии решений; не будут

участвовать только те, кто останется на обочине, требуя особых привилегий.

Традиционные синдикализм и ретекоммунизм слишком сильно воспринимают существующее разделение труда, как должное, как если бы в центре жизни людей в постреволюционном обществе продолжали оставаться фиксированные должности и рабочие места. Даже в современном обществе эта перспектива устаревает с каждым днём всё больше: поскольку большинство людей занято на абсурдных и зачастую лишь временных работах ни в коей мере не отождествляя себя с ними, в то время как многие другие вообще не работают на наёмном рынке, трудовые вопросы становятся лишь одним из аспектов более общей борьбы.

В начале движения для рабочих может быть лучше считать себя таковыми. (“Мы, рабочие такой-то компании, захватили наше рабочее место с такими-то целями; мы призываем рабочих других секторов сделать то же самое”). Конечная цель, однако, заключается не в самоуправлении существующих предприятий. Скажем, если работники СМИ возьмут контроль над СМИ только потому что так вышло, что они там работают, это будет настолько же справедливым, как и то, что их кто-то контролирует сейчас. Управление рабочих частными условиями своей работы нужно будет сочетать с коммунальным управлением по более общим вопросам. Домохозяйки и прочие, кто работает в относительно отчуждённых условиях, должны будут разработать свои собственные формы организации для того, чтобы позволить им выразить свои собственные частные интересы. Но потенциальные конфликты интересов между “производителями” и “потребителями” будут быстро преодолены, когда все будут напрямую вовлечены в оба процесса; когда рабочие советы будут напрямую связаны с районами и коммунальными советами; и когда фиксированные рабочие должности начнут исчезать по мере устаревания большинства профессий и реорганизации и ротации всех тех, что останутся (включая работу по дому и уход за детьми).

Ситуационисты конечно были правы, когда боролись за формирование рабочих советов во время фабричных захватов в Мае 1968 г. Однако, следует отметить, что эти захваты были спровоцированы в большинстве своём нетрудящейся молодёжью. Ситуационисты после 1968 г. часто впадали в некий тип операизма (хотя и с решительно нерабочей этикой), считая широкое распространение диких стачек основным показателем революционных возможностей, уделяя в то же время меньше внимания разработкам в других сферах. На самом деле, открытая продажность профсоюзов часто толкает на дикие стачки рабочих, которые в других отношениях не являются особенно радикальными; и с другой стороны, люди могут сопротивляться системе многими другими способами, помимо стачечной борьбы (включая отказ от наёмного труда насколько это возможно в первую очередь). Ситуационисты правильно признают коллективное самоуправление и индивидуальную “радикальную субъективность”, как взаимодополняемые и одинаково важные аспекты радикального проекта, но без особого успеха в их соединении (хотя они, конечно подошли к этому ближе, чем сюрреалисты, которые пытались связать в одно культурный и политический бунт, просто заявляя о своей яркой приверженности той или иной версии большевистской идеологии).(7)

Дикие стачки и сидячие демонстрации

Дикие стачки действительно представляют интересные возможности, особенно если стачечники захватывают свои рабочие места. Это не только делает их положение более устойчивым (это предотвращает локауты и штрейбхерство, а оборудование и продукция служат заложниками против репрессий), это объединяет всех, практически гарантируя коллективное самоуправление в борьбе и служит намёком на самоуправление во всём обществе.

Как только обычное производство останавливается, вся обстановка становится другой. Жалкое рабочее место может

быть преобразовано в почти священное место, ревниво охраняемое против профанизирующего вмешательства боссов и полиции. Наблюдатель сидячей забастовки 1937 г. во Флинте, Мичиган, описывал бастующих, как “детей, играющих в новую, увлекательную игру. Они сделали дворец из того, что было их тюрьмой”. (Сидни Файн, *Сидячая демонстрация: Стачка на Джeneral Моторс в 1936-1937гг.*). Хотя целью стачки было просто право на профсоюзную организацию, она была организована на советовский манер. В течение шести недель, пока они жили на своей фабрике (используя сиденья машин в качестве кроватей и машины в качестве шкафов) генеральная ассамблея всех 1200 рабочих встречалась дважды в день, чтобы определить политику в отношении пищи, гигиены, информации, образования, жалоб, связи, безопасности, обороны, спорта и досуга, а также для избрания подотчётных и часто сменяющихся комитетов для её применения. Там был даже Комитет по слухам, чьей целью было противодействие дезинформации путём отслеживания её источника и проверки достоверности каждого слуха. Вне фабрики, жёны бастующих взяли на себя заботу о распределении еды и организации пикетов, об общественных связях и о контактах с рабочими в других городах. Самые дерзкие из них организовали Бригаду Женского Реагирования, у которой был план формирования зоны отпора в случае полицейской атаки на фабрики. “Если полиция захочет стрелять, им придётся стрелять в нас”.

К сожалению, хотя рабочие и сохраняют ключевую позицию в некоторых основных сферах (объекты, коммуникации, транспорт), рабочие многих других предприятий обладают меньшими рычагами, чем раньше. Мультинациональные компании как правило обладают большими резервами и могут пережить или переместить производство в другие страны, в то время как рабочие переживают трудные времена без поступающей зарплаты. Не угрожая чему-либо существенно, многие современные стачки являются просто заявками об откладывании закрытия

устаревших отраслей промышленности, несущих денежные убытки. Т.о., хотя стачка и продолжает оставаться основной тактикой рабочих, сами трудящиеся должны также изобретать другие формы борьбы на рабочем месте и выискивать способы увязать её с борьбой в других сферах жизни.

Забастовки потребителей

Как и рабочие стачки, стачки потребителей (бойкоты) зависят от тех рычагов, которые они могут применить и от поддержки на которую они могут рассчитывать. Происходит так много бойкотов ради настолько многих вещей, что кроме нескольких, основанных на кристально ясном моральном вопросе, большинство из них терпит неудачу. Как это часто происходит с социальной борьбой, самыми плодоносными стачками потребителей являются те, в которых люди борются напрямую за самих себя, такие, как ранние бойкоты за гражданские права на Юге или движение за “самосовершенствование” в Италии и других странах, в которых целые общины решали платить лишь определённый процент счетов за услуги или массовых тарифов за проезд. Стачка арендаторов является особенно простой и мощной акцией, но в ней трудно достичь степени единства, необходимой для того, чтобы развернуться, кроме тех случаев, когда людям нечего терять; именно поэтому самые образцовые вызовы фетишу частной собственности бросают бездомные сквоттеры.

В том, что можно назвать обратными бойкотами, люди, как правило, присоединяются к *поддержке* какого-либо популярного учреждения, которое находится под угрозой. Сбор денег для местной школы или библиотеки или альтернативного учреждения обычно довольно банален, но подобные движения порождают позитивные общественные дебаты. В 1974 г. бастующие журналисты захватили главную южнокорейскую газету и начали публиковать сенсационные материалы о правительственной лжи и репрессиях. В попытках обанкротить газету, чтобы не закрывать её в

открытую, правительство оказало давление на рекламодателей, чтобы те удалили свою рекламу из этой газеты. Общественность ответила на это тем, что начала покупать тысячи индивидуальных рекламных объявлений, используя пространство для личных заявлений, стихов, цитат из Тома Пэйна и т.д. “Колонна Поддержки Свободы Речи” вскоре заполняла по несколько страниц каждого номера и распространение существенно увеличилось перед тем как в конце концов газету окончательно подавили.

Но борьба потребителей ограничена тем фактом, что потребители находятся на получающем конце экономического цикла: они могут оказывать определённое давление путём протестов, бойкотов или бунтов, но они не могут контролировать процессы производства. В вышеуказанном корейском инциденте, например, общественное участие стало возможным только благодаря захвату газеты работниками.

Особенно интересной и образцовой формой рабочей борьбы является т.н. “социальная стачка” или “раздача”, при которой люди продолжают выполнять свою работу, но такими способами, которые предвосхищают свободный социальный порядок: рабочие раздают товары, которые производят, клерки обслуживают клиентов по заниженным расценкам, работники транспорта предоставляют всем бесплатный проезд. В феврале 1981 г. 11,000 телефонистов захватили телефонные станции по всей Британской Колумбии и выполняли телефонные услуги бесплатно в течение шести дней до того, как их не выжил профсоюз. Помимо того, что были удовлетворены многие из их требований, они кажется ещё и хорошо провели время.(8) Можно представить себе способы дальнейших, более тщательно избранных способов действий, вроде блокирования деловых и правительственных звонков, в то же время пропуская личные звонки. Почтовые служащие могут делать то же самое с почтой; работники транспорта могут переправлять необходимые товары, отказываясь в то же время перевозить полицию или солдат. . . .

Однако, этот вид стачки не будет иметь смысла для

огромного большинства рабочих, чья работа не служит какой-либо разумной цели. (Лучшее, что могут сделать такие работники – это публично заявить об абсурдности своей собственной работы, как это красиво сделали некоторые дизайнеры в Мае 1968 г.). Более того, даже полезная работа иногда настолько фрагментирована, что изолированные группы трудящихся мало, что могут изменить сами. И даже небольшое меньшинство, которому выдаётся производить законченную и осязаемую продукцию (как это сделали рабочие обанкротившейся часовой фабрики “Лип” в Безансоне, Франция, которые захватили её в 1973 г. и начали сами управлять ей) обычно остаётся зависимым от коммерческого финансирования и сетей распределения. В исключительных случаях, когда рабочие разворачиваются на этом, они просто становятся ещё одной капиталистической компанией; ещё чаще, их самоуправляемые инновации кончаются тем, что рационализируют производство на благо владельцам. “Фабричный Страсбург” может случиться, если рабочие, оказавшиеся в “Липовской” ситуации, начнут использовать свой объект и ту рекламу, которую он им делает и пойдут дальше, чем рабочие “Лип” (которые боролись просто за сохранение своих рабочих мест), призвав других присоединиться к себе, чтобы одолеть всю систему товарного производства и наёмного труда. Но это вряд ли случится до тех пор, пока не появится массовое движение, которое расширит перспективы людей и компенсирует риски — как в Мае 1968 г., когда большинство фабрик Франции было захвачено:

Что могло бы случиться в Мае 1968 г.

Если бы на одной большой фабрике, между 16-м и 30-м мая, генеральная ассамблея установилась бы в качестве *совета*, удерживая всю власть в принятии и исполнении решений, исключая бюрократов, организовывая свою самооборону и призывая всех бастующих всех предприятий присоединиться,

этот качественный шаг мог бы немедленно привести всю систему к *окончательной конфронтации*. . . . Очень большое количество предприятий последовало бы по принятому таким образом курсу. Эта фабрика могла бы сразу занять место сомнительной и во всех отношениях эксцентричной Сорбонны первых дней и стать реальным центром захватного движения: искренние *делегаты* из многочисленных советов, которые уже существовали на практике в некоторых захваченных зданиях и из всех советов, которые могли бы организоваться во всех отраслях промышленности, концентрировались бы вокруг этой основы. Такая ассамблея могла бы затем провозгласить экспроприацию всего капитала, *включая государственный капитал*; объявить, что все средства производства в стране являются с этих пор коллективной собственностью пролетариата, организованного на основах прямой демократии; и обратиться напрямую (например, захватив средства телекоммуникаций) к рабочим всего мира поддержать эту революцию. Некоторые люди скажут, что такая гипотеза является утопической. Мы ответим: Именно так, потому что движение захватов в некоторые моменты объективно отстояло *лишь в часе* от подобного результата, когда оно распространяло такой ужас, видимый для всех в момент бессилия государства и паники т.н. Коммунистической Партии, и с тех пор конспирация и молчание окутывают его серьёзность. [Антология СИ, стр. 234-235 (Начало эры).]

Этого не произошло в первую очередь из-за трудовых профсоюзов, в частности из-за самого большого из них: контролируемой Коммунистической Партией ВКТ. Вдохновлённые бунтующей молодёжью, которая дралась с полицией на улицах и захватила Сорбонну и другие общественные здания, десять миллионов рабочих проигнорировали свои профсоюзы и захватили практически все фабрики и многие офисы в стране, совершив первую в истории дикую всеобщую стачку. Но большинство из этих рабочих недостаточно хорошо понимало, что делать дальше, и они позволили профсоюзной бюрократии вовлечь себя в то

движение, которое оно пыталось предотвратить. Бюрократы сделали всё, что могли для того, чтобы затормозить и фрагментировать движение: проводя краткие показательные стачки; формируя дешёвые “рядовые” организации, состоящие из лояльных партии членов; захватывая контроль над системами громкоговорителей; подтасовывая голоса за возврат к работе; и, самое главное, запирая фабричные ворота, чтобы изолировать рабочих друг от друга и от прочих повстанцев (под предлогом “охраны от внешних провокаторов”). Профсоюзы после этого продолжали переговоры с работодателями и правительством о пакете улучшений в зарплате и отпусках. От этой взятки энергично отказалось подавляющее большинство рабочих, которые считали, пусть не совсем чётко, что на повестке дня стоят более радикальные перемены. В начале июня, когда де Голль представил альтернативу кнута и пряника, т.е. новых выборов или гражданской войны, он в конце концов так запугал рабочих, что они вышли на работу. Упорная оппозиция продолжалась в многочисленных случаях, но их изолированность друг от друга позволила профсоюзам говорить каждой группе, что все остальные возобновили работу, внушая им, что они одиноки и те сдавались.

Методы внесения неразберихи и интеграции

Как и в Мае 1968 г., когда более развитые страны сталкиваются с угрозой радикальной ситуации, они обычно полагаются на неразбериху, подачки, комендантские часы, отвлекающие факторы: дезинформацию, фрагментацию, внеочерёдность, затягивание и другие методы подрыва, разделения и интеграции оппозиции, сохраняя за собой открытые физические репрессии как крайнее средство. Эти методы, варьирующиеся от изощрённых до гротескных,⁽⁹⁾ так многочисленны, что нельзя не упомянуть здесь о некоторых.

Обычным методом внесения неразберихи в такие вопросы является искажение явного соотношения сил, путём

проецирования разнообразных позиций в линейную схему “левые-против-правых”, подразумевающую, что если вы противостоите одной из этих сторон, вы должны поддерживать другую. Спектакль коммунизма-против-капитализма служил этой цели более полувека. После недавнего падения этого фарса, повсеместной тенденцией стало стремление к центристскому, прагматичному всемирному консенсусу, при которой всю оппозицию валят в одну кучу с безумными “экстремистами” (фашизм и религиозный фанатизм справа, терроризм и “анархия” слева).

Один из классических методов “разделяй-и-властвуй” обсуждался выше: поощрение фрагментирования эксплуатируемых на множество узких групповых интересов, которыми можно манипулировать, направляя их энергию на склоки друг с другом. С другой стороны, противостоящие классы можно объединить в патриотической истерии и другими средствами. Народные фронты, объединённые формы и схожие коалиции служат сокрытию фундаментальных конфликтов интересов во имя совместной оппозиции общему врагу (буржуазия + пролетариат против реакционного режима; военно-бюрократические слои + крестьянство против иностранных оккупантов). В таких коалициях верхняя группа располагает материальными и идеологическими ресурсами для поддержания контроля над низшей группой, которую манипуляциями принуждают отложить самоорганизованное действие от своего собственного имени до тех пор, пока не станет слишком поздно. К тому времени, когда достигается победа над общим врагом, верхняя группа уже успевает сплотить свою власть (часто в новом альянсе с элементами побеждённого врага) для того, чтобы сокрушить радикальные элементы низшей группы.

Любое прибежище иерархии в радикальном движении всегда будет использоваться для его разделения и подрыва. Если в нём нет продажных лидеров, они будут созданы посредством раздувания их образа через СМИ. С лидерами можно торговаться в частном порядке и поручать им

ответственность за своих последователей; как только они интегрированы, они могут установить схожие командные цепи под собой, позволяя поставить большую массу людей под контроль без того, чтобы лидерам приходилось открыто и одновременно иметь дело со всеми.

Интеграция лидеров служит не только их отделению от людей, но вносит разделения также между самими людьми — некоторые рассматривают интеграцию как победу, другие клеймят её, третьи сомневаются. Когда внимание отвлекается от действий с общим участием на спектакль с далёкими лидерами-знаменитостями, спорящими о далёких вопросах, большинство людей утрачивает иллюзии и им становится скучно. Чувствуя, что их дела вышли из-под их контроля (и возможно чувствуя втайне также облегчение оттого, что кто-то другой о них заботится), они возвращаются к своей предыдущей пассивности.

Ещё один метод отвадить от массового участия состоит в уделении повышенного внимания вопросам, которые, как кажется, требуют особых знаний. Классическим примером является уловка некоторых немецких военных лидеров в 1918 г., в тот момент, когда рабочие и солдатские советы, появившиеся вслед за поражением Германии, в конце I мировой войны, потенциально держали страну в своих руках.(10)

Терроризм укрепляет государство

Терроризм часто служит для того, чтобы нарушить ход радикальных ситуаций. Он шокирует людей, вновь превращая их в зрителей, тревожно следящих за последними новостями и интерпретациями. Вместо того, чтобы ослаблять государство, терроризм подтверждает потребность в его укреплении. Если террористическому спектаклю не удаётся появиться спонтанно, когда он нужен государству, зачастую оно само порождает его через провокаторов. (См. *О терроризме и государстве* Сангвинетти и последнюю часть

Предисловия к четвёртому итальянскому изданию “Общества спектакля” Дебора).

Народное движение вряд ли может помешать индивидам проводить террористические и другие бездумные акции, акции, которые могут выдать и разрушить его, как если бы они были работой провокатора. Единственное решение здесь заключается в том, чтобы создать движение с настолько правильной и неманипулятивной тактикой, что все в нём распознают индивидуальные глупости или полицейские провокации.

Анти-иерархическая революция может быть только открытой “конспирацией”. Ясно, что отдельные вещи требуют секретности, особенно при более репрессивных режимах. Но даже в таких случаях средства не должны противоречить окончательной цели: преодолению всей отдельной власти через сознательное участие каждого. Абсурдным результатом секретности часто становится только то, что *только* полиция знает, что происходит и таким образом способна внедряться в радикальную группу и манипулировать ей так, что никто больше не знает об этом. Лучше всего можно защититься от внедрения если гарантировать, что выведывать нечего, т.е., что ни у одной радикальной организации нет отдельной властной структуры. Лучшая безопасность заключается в количестве: когда открыто вовлечены тысячи людей, вряд ли имеет значение, что среди них несколько агентов.

Даже в действиях небольшой группы безопасность часто скрыта в максимальной открытости. Когда некоторые из участников Страсбургского скандала начали падать на измены и решили немного поубавить громкость насчёт своих дел, Мустафа Хайяти (делегат СИ, который был основным автором памфлета *Студенческая нищета*) указал на то, что самой безопасной линией будет не избегание слишком сильных оскорблений в адрес правительства — как если бы они были благодарны за умеренные или неуверенные оскорбления! — а настолько громкий публичный скандал, что они не осмелятся ответить.

Окончательная конфронтация

Возвращаясь к захватам фабрик в Мае 1968 г., предположим, что французские рабочие отвергли бы бюрократические маневры и установили бы сеть советов по всей стране. Что тогда?

В таком случае, естественно гражданская война была бы неизбежной. . . . Вооружённая контрреволюция наверняка началась бы немедленно. Но она не обязательно бы победила. Некоторые войсковые части взбунтовались бы. Рабочие нашли бы способы как захватить оружие и они наверняка возвели бы ещё больше баррикад (хорошая форма *политического* выражения в начале движения, но явно смешная *стратегически*). . . . Затем немедленно бы последовала иностранная интервенция . . . начавшись возможно с вооружённых сил НАТО, но с прямой или косвенной поддержкой Варшавского Договора. Но затем всё бы вновь замкнулось на европейском пролетариате: всё вдвойне или ничего. [*Антология СИ*, стр. 235 (Начало эры).]

Грубо говоря, значение вооружённой борьбы очень сильно варьируется в зависимости от экономического развития. В самых недоразвитых странах социальная борьба сводится к вооружённой борьбе, потому что без оружия обнищавшие массы мало, что могут сделать от чего им не станет хуже, чем правителям, особенно когда их традиционная самодостаточность уничтожается экономикой, при которой разовый урожай направляется на экспорт. (Но даже если они побеждают в военном смысле, они как правило терпят поражение от иностранной интервенции или под давлением глобальной экономики, под которую им приходится подлаживаться, если только параллельно не открывается новый фронт революции где-то ещё).

В более развитых странах вооружённая борьба обладает относительно меньшим значением, хотя она и может, конечно, оставаться важным фактором в некоторые критические моменты. Людей можно, хотя это и не очень эффективно,

заставить выполнять физическую работу под дулом автомата. Этого невозможно сделать с людьми, которые работают с бумагой или компьютерами в сложном индустриальном обществе — остаётся слишком много возможностей для очень хлопотных и неуловимых “ошибок”. Современный капитализм требует определённой доли сотрудничества и даже полутворческого участия от своих работников. Ни одно большое предприятие не сможет функционировать и дня без спонтанной самоорганизации своих работников, реагируя на непредвиденные проблемы, компенсируя ошибки менеджеров и т.д. Если рабочие начинают забастовку по типу “работы по правилам”, при которой они только и делают, что следуют всем официальным регламентам, всё производство замедлится или даже полностью остановится (ставя менеджеров, которые неспособны ничего сделать в открытую против такого строгого соблюдения правил, в забавное, неловкое положение, когда им приходится намекать рабочим, что необязательно так строго придерживаться правил). Система выживает только благодаря тому, что большинство трудящихся достаточно апатично и, чтобы не навлекать на себя неприятностей, идут на сотрудничество, продолжая установленный ход вещей.

Изолированные восстания можно подавлять по одному; но если движение распространяется достаточно быстро, как в Мае 1968 г., несколько сотен тысяч солдат и полицейских вряд ли смогут сделать что-либо против десяти миллионов бастующих рабочих. Такое движение можно уничтожить только изнутри. Если люди не знают, что им нужно делать, оружие вряд ли им поможет; если они это знают, оружие вряд ли их остановит.

Лишь иногда люди в достаточной мере “вместе”, чтобы успешно бунтовать. Более просветлённые правители знают, что они в безопасности, если им только удастся предотвратить подобную угрозу до того, как она наберёт достаточную движущую силу и самосознательность, путём ли прямых физических репрессий или различными видами диверсий, описанными выше. Вряд ли имеет значение, что люди потом

узнают, что их одурачили, что победа была у них в руках, если бы они только осознавали это: когда возможности уходят, становится слишком поздно.

Обычные ситуации полны неясностей, но их проблемы обычно не являются настолько срочными. В радикальной ситуации всё значительно упрощается и ускоряется: проблемы становятся яснее, но времени на их разрешение остаётся меньше.

Крайний случай драматично отражён в знаменитой сцене *Броненосец “Потёмкин”* Эйзенштейна. Бунтующие матросы, с брезентовыми мешками на головах, выстроенные для расстрела. Солдаты наставляют на них свои ружья и им отдаётся приказ стрелять. Один из матросов кричит: “Братишки! Вы хоть понимаете в кого стреляете?”. Солдаты колеблются. Приказ отдаётся снова. После тревожной паузы солдаты опускают оружие. Они помогают матросам захватить арсенал, вместе поворачивают против офицеров и битва вскоре выиграна.

Следует отметить, что даже в этой яростной конфронтации результат зависит больше от сознательности, чем от грубой силы: как только гвардия переходит на сторону матросов, бой завершён с победой. (Остающаяся часть сцены Эйзенштейна — картинная борьба между злодеем-офицером и революционным героем-мучеником — обычная мелодрама). По контрасту с войной, в которой две различные стороны сознательно противостоят друг другу, “классовая борьба является не просто битвой против внешнего врага, буржуазии; в равной мере она является борьбой пролетариата *против самого себя*: против разрушительных и деградирующих эффектов капиталистической системы на его классовую сознательность”. (Лукаш, *История и классовая сознательность*). Современная революция обладает тем особенным качеством, что эксплуатируемое большинство неминуемо побеждает, как только коллективно осознаёт какую именно игру ведёт. Оппонент пролетариата является ничем иным, как продуктом своей собственной отчуждённой

деятельности, в экономической ли форме капитала, в политической ли форме партийной и профсоюзной бюрократий, или в психологической форме запрограммированности спектаклем. Правители являются настолько крохотным меньшинством, что их можно было бы ниспровергнуть немедленно, если бы им не удавалось бы окопачивать большую часть населения, которая отождествляет себя с ними, или по крайней мере принимает их систему, как должное; и, что особенно важно, разделяется друг против друга.

Мешок, обесчеловечивающий бунтовщиков, облегчая солдатам задачу стрелять в них, символизирует эту тактику “разделяй-и-властвуй”. Крик “Братишки!” представляет собой контр-тактику *братания*.

Помимо того, что братание опровергает ложь о том, что происходит в других местах, его величайшая сила берёт начало в эмоциональном эффекте прямой человеческой встречи, которая напоминает солдатам, что повстанцы – люди, не так уж сильно отличающиеся от них самих. Государство естественно стремится предотвратить подобный контакт, вводя войска из других регионов, не знакомые с тем, что здесь произошло и, если это возможно, не говорящие на том же языке; и быстро сменяя их если они тем не менее заражаются бунтарскими идеями. (Некоторым из русских солдат, посланных на подавление венгерской революции 1956 г. сказали, что они находятся в Германии и, что люди противостоящие им на улицах являются восставшими нацистами!).

Для того, чтобы обнаружить и уничтожить самые радикальные элементы, правительство иногда специально провоцирует ситуации при которых насильственные репрессии кажутся оправданными. Это опасная игра, однако, потому что, как и в инциденте с *Потёмкиным*, навязывание определённого видения может привести к тому, что вооружённые силы переходят на сторону народа. С точки зрения правителей, оптимальной стратегией является потрясение оружием на

уровне угрозы, так, что не появляется необходимости переходить на рискованную окончательную конфронтацию. Это сработало в Польше 1980-81 гг. Русские бюрократы знали, что вторжение в Польшу может привести к их собственному краху; но им удалось запугать радикальных польских рабочих, которые запросто могли бы свергнуть государство, постоянными угрожающими намёками на такое вторжение, и тем приходилось мириться с упорным присутствием военно-бюрократических сил в Польше. Последним в конце концов удалось подавить движение, не прибегая к помощи русских.

Интернационализм

“Те, кто совершает революции лишь наполовину, только копают свою могилу”. Революционное движение не может добиться какой-либо местной победы и ожидать потом мирного сосуществования с системой до тех пор пока она не попытается продвинуться чуть-чуть вперёд. Все существующие силы забудут на время о своих разногласиях для того, чтобы уничтожить любое истинно радикальное народное движение до того, как оно распространится. Если они не смогут подавить его военными способами, они задушат его экономически (национальные экономики теперь настолько взаимозависимы, что ни одна страна не будет обладать иммунитетом против такого давления). Единственным способом защитить революцию является её *распространение*, как на качественном, так и на географическом уровне. Единственной гарантией против внутренней реакции будет наиболее радикальное освобождение каждого аспекта жизни. Единственной гарантией от внешней интервенции станет своевременный интернационализм в борьбе.

Наиболее глубоким выражением интернациональной солидарности является, конечно, свершение параллельной радикальной революции в своей собственной стране (1848, 1917-1920, 1968). Если этого не произойдёт, самой срочной задачей станет по крайней мере предотвращение

контрреволюционной интервенции *из* своей собственной страны, как в случае с британскими рабочими, оказавшими давление на своё правительство против поддержки рабовладельческих штатов во время американской Гражданской войны (несмотря на то, что это повлекло за собой увеличение безработицы из-за урезания хлопкового импорта); или когда западные рабочие забастовали и взбунтовались против попыток своих правительств поддержать реакционные силы во время гражданской войны, последовавшей за русской революцией; или когда народы Европы и Америки противостояли репрессиям со стороны своих правительств против анти-колониальных восстаний.

К сожалению, даже таких малых защитных реакций мало и они далеко отстоят друг от друга. Положительная интернационалистская поддержка ещё труднее. Пока правители продолжают контролировать самые мощные государства, прямое усиление личного сопротивления усложнено и ограничено. Оружие и припасы перехватываются. Даже коммуникации иногда не срабатывают, пока не становится слишком поздно.

Ещё один момент, который не проходит – это объявление о том, что одна группа отказывается от своей власти над другой или претензий к ней. Например, фашистский мятеж в Испании 1936 г., базировался в основном в испанском Марокко. Многие войска Франко были марокканскими, и антифашистские силы могли бы использовать этот факт, объявив независимость Марокко, обеспечив т.о. восстание в тылу у Франко и разделив его силы. Возможное распространение такого восстания в то же время отвлекло бы силы Муссолини, поддерживавшие Франко, для защиты североафриканских владений Италии. Но лидеры испанского правительства Народного Фронта отказались от этой идеи из страха, что такое поощрение антиколониализма встревожило бы Францию и Англию, на чью помощь они рассчитывали. Нет необходимости говорить о том, что эта помощь так и не поступила.(11)

Схожим образом, если бы до того, как хомейнисты смогли

сплотить свои силы, иранские повстанцы в 1979 г. поддержали бы полную автономию курдов, белуджей и азербайджанцев, это превратило бы их в верных союзников самых радикальных иранских тенденций и распространило бы революцию на прилегающие страны, частично заселённые этими народами, одновременно подрывая реакцию хомейнистов в Иране.

Поддержка чужой автономии не подразумевает поддержку какой-либо организации или режима, которые могут этим воспользоваться. Это просто предоставление возможности марокканцам, курдам, и всем кто бы ни был решать свои дела самим. Надежда лежит в том, что пример анти-иерархической революции в одной стране может подвигнуть других бросить вызов своим собственным иерархиям.

Это наша единственная надежда, но она не совсем нереалистична. Никогда нельзя недооценивать заразительность искреннего освободительного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О Культурной революции, см. *Антологию СИ*, стр. 185-194 [Взрывная точка идеологии в Китае], и *The Новое платье для председателя* Саймона Лейза.

2. “Когда шииты и курды борются с режимом Саддама Хуссейна, а иракские оппозиционные партии стремятся собрать по кусочкам демократическое будущее, Соединённые Штаты оказываются в неловком положении, фактически поддерживая однопартийную систему власти в Ираке. Заявления правительства США, в т.ч. президента Буша, акцентировали своё желание увидеть свержение Саддама Хуссейна, но не гражданскую борьбу в Ираке. В то же время, представители администрации Буша настаивали на том, что демократия не является жизнеспособной в Ираке. . . . Именно поэтому, администрация отказалась встретиться с лидерами иракской оппозиции в изгнании “У арабов и у США совпадают цели”, сказал один коалиционный дипломат. “Мы хотим, чтобы у Ирака оставались те же границы и чтобы исчез

Саддам. Но для нас приемлема власть Саддама в Багдаде, если Ирак будет оставаться единым государством”. (*Christian Science Monitor*, 20 марта 1991 г.).

3. “Я поражён живостью воспоминаний людей с революционным прошлым. Настоящие события стёрли его из памяти. Даты, которые не учат в школах, песни, которые никогда не поют в открытую, вспоминают во всей их тотальности. . . . Шум, шум, шум всё ещё звенит в моих ушах. Радостные автомобильные сигналы, крики, лозунги, песни и танцы. Двери революции открываются снова, после 48 лет репрессий. За один день вся перспектива изменяет свой вид. Ничто не идёт от бога, всё сотворено человеком. Люди видят свою нищету и свои проблемы в историческом ракурсе. . . . Прошла неделя, хотя уже кажется, что много месяцев. Каждый час был пережит полностью. Уже трудно вспомнить, как раньше выглядели газеты, или что говорили люди. Разве революция не существовала всегда?” (Фил Майлер, *Португалия: Невозможная Революция?*)

4. Одним из самых мощных моментов было когда сидячие демонстранты вокруг полицейской машины отвращали потенциально насильственную конфронтацию с толпой прерывавшей ораторов братства оставаясь *в полном молчании в течение получаса*. Когда ветер перестал дуть в их паруса, толпе всё наскучило им стало неловко и она в конце концов рассосалась. У такого коллективного молчания есть то преимущество, что она рассеивает импульсивные реакции с обеих сторон; и всё же, будучи ни на кого не направленным, оно не обладает сомнительным содержанием лозунгов и песен. (Песня “We Shall Overcome” также успокаивала людей в трудных ситуациях, но ценой придания сентиментального оттенка реальности).

Лучшим описанием ДСС (FSM) является книга Дэвида Ланса Гойнса *The Free Speech Movement* (Ten Speed Press, 1993).

5. О Мае 1968 г. см. *Антологию СИ*, стр. 225-256, 343-352 [Начало эры и Документы Мая 1968 г.], а также *Enragés and*

Situationists in the Occupation Movement. Рене Вьене. Рекомендуем также *Worker-Student Action Committees, France May '68* Роже Грегуара и Фреды Перлмана (Black and Red, 1969).

6. “Труд не только ОСТАНОВИТ всё промышленное производство, но Труд также ЗАНОВО ОТКРОЕТ, под управлением соответствующих профессий, такую деятельность которая будет нужна для сохранения общественного здоровья и общественного мира. Если забастовка будет продолжаться, Труд возможно захочет избежать общественных страданий заново открывая всё больше и больше разных видов деятельности. ПОД СВОИМ СОБСТВЕННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ. И именно поэтому мы говорим, что отправляемся в путь по дороге, которая ведёт — НИКТО НЕ ЗНАЕТ КУДА!”. (Объявление накануне всеобщей стачки в Сиэтле в 1919 г.) См. *Strike!* Джереми Брехера (South End, 1972), стр. 101-114. Более подробные отчёты содержатся в *Root and Branch: The Rise of the Workers' Movements* и в *Revolution in Seattle*, Харви О’Коннора.

7. Рауль Вайнегем (написавший хорошую краткую историю сюрреализма) предоставил самое ясное выражение обоих аспектов. Его маленькая книга *De la gruve sauvage a l'autogestion g n ralis e* (буквально “От дикой стачки ко всеобщему самоуправлению”, но иногда переводимая как *Вклад в революционную борьбу*) восстанавливает определённое количество полезных тактик во время диких стачек и других радикальных ситуаций, а также различных возможностей пост-революционной социальной организации. К сожалению, она полна яростного слога, характерного для стиля Ванейгема пост-СИ и придаёт рабочей борьбе ванейгемистское содержание, которое не является ни оправданным, ни необходимым. Радикально-субъективный аспект принимает жёсткую форму упрямо повторяемой гедонистской идеологии последних книг Ванейгема (*Книга наслаждений* и т.д.), которую можно читать как игрушечную пародию на идеи с которыми он обращался так колко в своих ранних работах.

8. “Один такой день, и я измотан, но в сравнении с позитивными эмоциями, наводняющими это место, усталость ничего не значит. . . . Кто сможет забыть это выражение на лицах менеджеров, когда мы говорим им, что теперь всем заведем мы и в их услугах, понятное дело, никто не нуждается. . . . Всё как обычно, кроме того, что мы не собираем телефонные счета. . . . Мы также заводим дружбу с другими отделами. Приходят люди снизу, помогают и учатся нашей работе. . . . Мы все парим. . . . Это чистый адреналин. Всё равно, что мы владеем всем этим. . . . На табличке на двери написано, ТЕЛЕФОННЫЙ КООПЕРАТИВ: ПРИ НОВОМ РУКОВОДСТВЕ — ВСЯКОЕ РУКОВОДСТВО ЗАПРЕЩЕНО”. (Роза Колетт, “Operators Dial Direct Action,” *Open Road*, Vancouver, весна 1981 г.).

9. “Южноафриканская компания продаёт бронетранспортёр для подавления демонстраций, с него через усилитель раздаётся диско-музыка успокаивающая нервы будущих бунтарей. На этом бронетранспортёре, уже купленном одной африканской страной, которую компания не называет, установлена также водная пушка и слезоточивый газ”. (AP, 23 сентября 1979 г.).

10. “Вечером, 10 ноября, когда Верховное командование всё ещё было в Спа, в штаб заявила группа из 7 человек. Это был “Исполнительный комитет” Верховного командования солдатских советов. Их требования были неясными, но они явно собирались сыграть свою роль в командовании армией во время её отступления. По крайней мере они хотели обладать равным правом на подпись под приказами Верховного командования и гарантировать, что полевые части не будут использоваться для контр-революционных целей. Семеро солдат были любезно приняты подполковником Вильгельмом фон Фаупелем, который тщательно к этому готовился. . . . Фаупель отвёл делегатов в комнату Верховного командования, где висела карта. На этой огромной карте, занимавшей целую стену, было отражено всё: огромный комплекс дорог, железнодорожных веток, мостов, коммутационных постов,

трубопроводов, командных штабов и полевых складов — всё это запутанное кружево красных, зелёных, голубых и чёрных линий, сходящихся в узкие горловины на Рейнских мостах. . . . Затем Фаупель повернулся к ним. У Верховного командования нет возражений против солдатских советов, сказал он, но чувствуют ли его слушатели себя достаточно компетентными, чтобы управлять эвакуацией Германской армии по этим коммуникационным линиям? Обескураженные солдаты обеспокоенно тарасились на огромную карту. Один из них сказал, что это не то, что они имели в виду — ‘Эту работу можно запросто оставить и офицерам.’ В итоге, семеро солдат добровольно поддержали офицеров. Более того, они практически упрашивали офицеров продолжать командовать. . . . Когда делегация солдатского совета появлялась в Верховном штабе, полковник Фаупель рысцой бежал повторять свой трюк; он всегда срабатывал”. (Ричард Уотт, *The Kings Depart: Versailles and the German Revolution.*)

11. Если бы этот вопрос был открыто поставлен перед испанскими рабочими (которые уже обошли колеблющееся правительство Народного Фронта, захватив оружие и сопротивляясь фашистскому мятежу сами и начав в этом процессе революцию) они возможно согласились бы предоставить Марокко независимость. Но как только над ними встали политические лидеры — включая даже многих анархистских лидеров — и заставили их смириться с этим правительством во имя антифашистского единства, они уже ничего не знали о таких вопросах.

Испанская революция остаётся уникальным, богатейшим историческим опытом в истории, хотя она и была осложнена и замишурована одновременной гражданской войной против Франко, а также острыми противоречиями в антифашистском лагере — который, кроме двух или трёх миллионов анархистов, анархо-синдикалистов и намного меньшего контингента революционных марксистов (ПОУМ), включал в себя буржуазных республиканцев, этнических сепаратистов,

социалистов и сталинистов, причём последние делали всё, что могли для подавления революции. Лучшими, всеобъемлющими трудами по её истории являются следующие: *Revolution and the War in Spain* Пьера Бруэ и Эмиля Темима и *The Spanish Revolution* Бернетта Боллотена (последняя в большей части была включена в последнюю монументальную работу Боллотена, *The Spanish Civil War*). Среди очень хороших свидетельств очевидцев – *Homage to Catalonia* Джорджа Оруэлла, *The Spanish Cockpit* Франца Боркино и *Red Spanish Notebook* Мэри Лоу и Хуана Бреа. Также стоят чтения *Lessons of the Spanish Revolution* Вернона Ричардса, *To Remember Spain* Мюррея Букчина, *The Spanish Labyrinth* Джеральда Бренана, *The Anarchist Collectives* Сэма Долгова, *Durruti: The People Armed* Абея Паса и *Spanish Marxism versus Soviet Communism: A History of the P.O.U.M* Виктора Альбы и Стивена Шварца.

IV ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

*Утописты не могут представить себе
постреволюционного разнообразия - Децентрализация и
координация - Меры против злоупотреблений - Консенсус,
власть большинства и неизбежные иерархии - Искоренение
причин войны и преступности - Упразднение денег -
Абсурдность современного труда - Преобразование работы
в игру - Возражения технофобам - Вопросы экологии -
Расцвет свободных коммун - Более интересные вопросы*

“Можно конечно сказать, что описанная здесь схема является довольно непрактичной, и не соответствует человеческой натуре. Совершенно верно. Она непрактична и не соответствует человеческой натуре. Именно поэтому она предлагается в качестве достойной осуществления. Что такое практическая схема? Практичными являются либо уже существующие схемы, либо схемы выполнимые при существующих условиях. Но именно против существующих условий мы возражаем; и любая схема способная принять существующие условия ошибочна и глупа. Условия нужно преодолеть и тогда человеческая натура изменится. О человеческой натуре мы знаем только то, что она изменяется. Мы можем говорить об изменчивости, как о её постоянном качестве. Неудачными являются те системы, которые опираются на постоянство человеческой природы, а не на её рост и развитие”.

– Оскар Уайльд, “Человеческая душа при социализме”

Утописты не могут представить себе постреволюционного разнообразия

Маркс считал амбициозными попытки предсказать какой будет жизнь в освобождённом обществе. “Люди сами будут решать, что они хотят сделать и когда, и какие средства использовать. Я не способен предложить какого-либо совета по этому поводу. Наверное, они будут по крайней мере не глупее нас?” (письмо Каутскому, 1 февраля 1881 г.). Его скромность в этом отношении хорошо характеризует его перед теми, кто обвиняет его в высокомерии и авторитаризме, не стесняясь в свою очередь распространять свои фантазии в проектах о том, каким должно или не должно быть будущее общество.

Однако, правдой является и то, что если бы Маркс немного более подробно осветил своё видение будущего, сталинистским бюрократам было бы гораздо труднее выдавать за приложение его идей свои собственные. Точное описание будущего освобождённого общества невозможно и не нужно, но люди должны иметь какое-то представление о его натуре и осуществимости. Уверенность в том, что не существует практической альтернативы существующей системе обрекает людей на пассивность.

Утопические размышления могут помочь нам освободиться от привычки воспринимать существующее статус кво как должное, и начать думать о том, чего мы действительно хотим и насколько это возможно. То что делает их утопическими в негативном смысле слова, который критиковали Маркс и Энгельс это неспособность принять в расчёт современные условия. Обычно не встречается серьёзных идей о том, как должен осуществляться переход. Игнорируя репрессивные и подавляющие возможности системы, утопические авторы обычно описывают упрощённые постепенные перемены, вообразая, что с распространением утопических общин или утопических идей, люди будут всё больше вдохновляться на то, чтобы присоединяться к ним и старая система просто падёт.

Надеюсь, что данный текст даёт более реалистичные идеи

о том, как можно прийти к новому обществу. В любом случае, здесь я забегаю немного вперёд и приведу некоторые свои размышления. Для простоты, предположим, что победная революция совершилась во всём мире без чрезмерного разрушения основных инфраструктур, так что нам не нужно больше иметь дела с проблемами гражданской войны, угрозами внешней интервенции, дезинформации, медленного массивного переустройства, и что мы можем исследовать некоторые вопросы, которые возможно придётся решать в новом, фундаментально изменённом обществе.

Хотя для ясности выражения я буду использовать больше будущее время, чем условное, идеи, представленные здесь являются просто возможными вариантами, а не предписаниями или предсказаниями. Если такая революция когда-нибудь произойдёт, несколько лет народных изменений приведут к настолько разнообразным переменам, что даже самые смелые предсказания покажутся до смешного скромными и пресными. Всё, что мы можем сделать это представить себе те проблемы, с которыми мы столкнёмся в самом начале и некоторые из основных тенденций дальнейшего развития. Но чем больше гипотез мы будем рассматривать, тем к большим возможностям мы будем готовы и тем меньше мы будем бессознательно обращаться к старым образцам.

Далёкое от излишней экстравагантности, большинство вымышленных утопий, обычно ограничивается монолитным изложением мелких идей автора. Как заметила Мари Луиз Бернери в лучшем из существующих обзоров на данную тему (*Путешествие по Утопии*): “Все утопии конечно являются выражением личных предпочтений, но их авторы обычно предполагают, что их личные вкусы должны стать законами; если они просыпаются рано, в их воображаемых коммунах все должны будут подниматься в 4 утра; если им не нравится женский макияж, его использование объявляется преступным; если они ревнивые мужья, супружеская неверность наказывается смертью”.

Если и можно что-либо с точностью предсказать о новом

обществе, так это то, что оно будет очень сильно отличаться от фантазий любого человека или от любого возможного описания. Различные коммуны будут отражать всевозможные вкусы, эстетические и научные, мистические и рационалистические, высоко-технические и неопрIMITивные, отшельнические и общинные, предприимчивые и ленивые, спартанские и эпикурейские, традиционные и экспериментальные, постоянно развивающиеся в новых и непредвиденных комбинациях [1].

Децентрализация и координация

Очень сильной будет тенденция к децентрализации и локальной автономии. Небольшие общины развивают привычки сотрудничества, облегчают прямую демократию и делают возможным богатейшее социальное экспериментирование: если локальные эксперименты терпят неудачу, только небольшая группа претерпевает ущерб (при этом другие могут помочь); если они успешны, они будут перениматься и их преимущества будут распространяться. Децентрализованная система также менее подвержена неожиданным перебоям и саботажу. (Последняя опасность, однако, будет незначительной в любом случае: вряд ли у свободного общества найдётся даже близко такое большое количество заклятых врагов, как те, которых постоянно порождает нынешнее).

Но децентрализация способна также пестовать иерархический контроль, изолируя людей друг от друга. И потом, некоторые вещи лучше организуются на более широком уровне. Одна большая сталелитейная фабрика более энергетически эффективна и менее вредна для окружающей среды, чем плавильная печь в каждой коммуне. Капитализм стремился к чрезмерной централизации в некоторых сферах, в которых были бы более разумными большие разнообразие и самодостаточность, но его иррациональная конкуренция также разбила на фрагменты те вещи, которые лучше было бы стандартизировать или координировать централизованно. Как отмечает Пол Гудмен в “Людах или кадрах” (которые являются прекрасным

образцом всех “за” и “против” децентрализации в разных современных контекстах), где, как и насколько децентрализовывать - эмпирические вопросы, которые потребуют экспериментирования. Почти всё, что мы можем сказать - это то, что новое общество будет децентрализованным насколько это возможно, не превращая децентрализацию в фетиш. Малые группы или локальные коммуны могут позаботиться о многих вещах; региональные и глобальные советы будут ограничиваться наиболее широкими и требующими значительной эффективности вопросами, такими как восстановление окружающей среды, исследования космоса, разрешение споров, координация глобального производства, распределение, транспорт и сообщение, техобслуживание определённых специализированных предприятий (таких как, оснащённые сложной техникой больницы или исследовательские центры). Часто говорится, что прямая демократия хорошо бы функционировала при старомодных городских советах, но размер и сложность современного общества не позволяют этого. Как могут миллионы людей, каждый по отдельности выразить собственную точку зрения по каждому вопросу?

Им это не нужно. У самых практических вопросов находится в конце концов ограниченное количество разрешений; как только наиболее значительные темы вырисовываются и рассматриваются, решение может быть принято без дальнейшей возни. Очевидцы работы советов 1905 г. и венгерских рабочих советов 1956 г. были впечатлены краткостью постановлений и быстротой принятия решений. Одобрялись те, кто говорил по существу; тех же, кто занимался пустопорожней болтовнёй порицали за то, что они напрасно занимают чужое время.

Для решения наиболее сложных проблем, можно избирать комитеты, которые будут рассматривать все возможности и отчитываться перед собраниями о всех возможных вариантах их разрешения. Как только принимается план, меньшие комитеты могут продолжать следить за его развитием, уведомляя собрания обо всех значительных новых факторах, которые мог-

ли бы улучшить его осуществление. По спорным вопросам можно учредить несколько комитетов, рассматривающих противоречащие друг другу перспективы (например, технологические против анти-технологических) для облегчения формулирования альтернативных предложений и расходящихся точек зрения. Как правило, делегаты не навязывают своих решений (если речь не идёт об организации их собственной работы) избираются поочерёдно, и могут быть отозваны, чтобы гарантировать как их хорошую работу, так и то что их временные обязанности не будут полностью занимать их головы. Их работа будет открытой для общественности, а окончательные решения будут передаваться собраниям.

Современное компьютерное и телекоммуникационное оборудование обеспечит любому возможность сразу проверять данные и подсчёты самостоятельно, так же как и широко распространять свои собственные предложения. Несмотря на современное очковтирательство, данные технологии не подразумевают демократического участия автоматически; но потенциально способствуют ему, если они должным образом модифицированы и поставлены под народный контроль [2].

Телекоммуникации также уменьшат необходимость в делегатах, по сравнению с радикальными движениями прошлого, когда те действовали большей частью в качестве носителей информации в обоих направлениях. Могут появляться и обсуждаться различные предложения, опережающие время, и если вопрос представляет собой достаточный интерес для проведения встречи совета, его можно будет вынести напрямую перед местным собранием, давая ему возможность незамедлительно утвердить, изменить или отвергнуть решение делегатов.

Но если вопросы не будут особенно противоречивыми, мандаты будут даваться достаточно свободно. Придя к какому-то общему решению (например – это здание должно быть переустроено под пункт медицинской помощи), собрание сможет начать привлекать добровольцев или избрать комитет для его осуществления, не сильно беспокоясь о детальной отчётности.

Меры против злоупотреблений

Бездельники-пуристы всё время воображают себе опасность злоупотреблений. “Ага! Кто знает на какие тонкие элитарные маневры могут пойти все эти делегаты и технократические специалисты!”. Фактом остаётся то, что огромное количество людей не может предвидеть каждую деталь в каждый момент. Любое общество должно опираться в определённой мере на добрую волю и житейский разум народа. Однако злоупотребления становятся гораздо менее возможными при общем самоуправлении, чем при любой другой форме общественной организации.

Люди достаточно самостоятельные для того, чтобы построить самоуправляющееся общество естественно будут бдительными к любому новому проявлению иерархии. Они будут следить за тем, как делегаты выполняют свои поручения, и менять их настолько часто, насколько это практично. Для некоторых целей они могут, как древние афиняне, избирать делегатов по жребию, чтобы предотвратить аспекты погони за популярностью и предприимчивости в выборах. В делах, требующих технических знаний, они будут внимательно наблюдать за экспертами до тех пор пока необходимые знания не получают широкого распространения и прорабатываемая технология не упрощается или не свёртывается. Будут назначаться скептические наблюдатели, которые будут бить тревогу при первом признаке крючкотворства. Специалист, предоставляющий фальшивую информацию будет быстро обнаружен и публично дискредитирован. Малейший намёк на какой-либо иерархический заговор или эксплуататорскую или монополизирующую деятельность будет вызывать общественное негодование и уничтожаться через остракизм, конфискацию, физическое подавление и любые другие средства, которые будут сочтены необходимыми.

Этими и другими мерами всегда смогут воспользоваться те, кто обеспокоен потенциальными злоупотреблениями, но сомневаюсь, что это понадобится. По любому серьёзному воп-

росу, люди смогут предпринимать меры, избирательским наказом или контролем, столько сколько им заблагорассудится. Но в большинстве случаев они скорее всего будут в достаточной мере уполномочивать делегатов использовать собственное суждение и творческий подход.

Обобщённое самоуправление избегает как иерархических форм традиционной левой, так и упрощённых форм анархизма. Оно не привязывается ни к какой идеологии, даже антиавторитарной. Если для решения проблемы требуются специальные знания или определённое лидерство, привлечённые люди быстро поймут это и предпримут те шаги, которые они сочтут необходимыми, не заботясь о том, что скажут современные радикальные догматики. Для определённых непротиворечивых функций они, возможно, захотят назначить специалистов на неопределённые сроки, отзывая их только в том маловероятном случае, если они начнут злоупотреблять своим положением. В определённых чрезвычайных ситуациях, в которых потребуются быстрые, авторитарные решения по существу (как например, при тушении пожара) они естественно дадут назначенным людям любую необходимую временную, авторитарную власть.

Консенсус, власть большинства и неизбежные иерархии

Но такие случаи будут исключением. Основным правилом будет консенсус по возможности, решение большинства по необходимости. Один персонаж “Новостей из ниоткуда” Уильяма Морриса (одна из самых умных, простых и земных утопий) приводит пример того, как металлический мост должен быть заменён каменным. На следующем вече (собрании коммуны) вносится это предложение. В случае явного общего согласия, проблема решается и разрабатываются детали применения. Но если несколько соседей возражает против этого, если они думают, что уродливый железный мост может послужить ещё, и они не хотят заниматься строительством нового на данный

момент, они не считают количество голов, а откладывают формальное обсуждение до следующего вече; в то время как вокруг распространяются аргументы за и против, и некоторые из них печатаются, так что все узнают, что происходит; и когда снова собирается вече, происходит обычное обсуждение и в конце голосование поднятием руки. Если голоса разделяются более-менее равно, вопрос снова откладывается для дальнейшего обсуждения; если разница голосов большая, у меньшинства спрашивают не уступит ли оно более общему мнению, что они часто, а вернее почти всегда делают. Если они отказываются, вопрос поднимается в третий раз, и тогда, если меньшинство не выросло ощутимо, оно всегда уступает; хотя, мне кажется, что существует некое полузабытое правило, по которому они могут продолжать и дальше; но их всегда удаётся убедить, возможно не в том, что их взгляды ошибочны, но в том, что они не могут убедить или заставить общину принять их.

Следует заметить, что то, что крайне упрощает подобные случаи - это отсутствие каких-либо конфликтующих экономических интересов, ни у кого нет ни средств, ни мотивов подкупать или обманывать людей с тем, чтобы они голосовали за или против, из-за обладания большими деньгами, или контролем средств массовой информации, или строительной компанией или участком земли вблизи от спорного места. Без подобных конфликтов интересов, люди естественно стремятся к сотрудничеству и компромиссам, хотя бы для того, чтобы умиротворить оппонентов и облегчить жизнь самим себе. Некоторые общины могут располагать формальными средствами для удовлетворения меньшинств (например, если вместо того, чтобы голосовать против, 20% воздерживается по поводу какого-либо предложения, оно должно проходить при большинстве в 60%); но ни одна сторона не может пренебречь этими формальными правами, иначе с ней будут обращаться так же в случае противоположной ситуации. Основное решение для повторяющихся, неразрешимых споров будет заключать-

ся в широком разнообразии культур: если люди, которые предпочитают металлические мосты, и т.д., постоянно терпят поражение при голосованиях от традиционных мастеров-ремесленников Моррисовского типа, они всегда могут переместиться в какую-нибудь соседнюю общину, где преобладают схожие вкусы.

Настаивать на всеобщем согласии имеет смысл только при малых количествах людей и при не срочных делах. Полное единодушие редко возможно у большого количества людей. Абсурдно поддерживать право меньшинства на постоянное противодействие большинству из страха перед возможной тиранией большинства; или воображать, что подобные проблемы исчезнут если мы оставим вещи неструктурированными.

Как отмечалось в одной хорошо известной статье (“Тирания Бесструктурности”, Джо Фриман), не существует такого явления как бесструктурная группа, существуют просто различные типы структур. Неструктурированная группа как правило становится доминируемой какой-либо кликой обладающей на деле эффективной структурой. У неорганизованных членов нет средств к контролю подобных элит, особенно когда их анти-авторитарная идеология не позволяет им допустить существование таковых.

Не признавая власти большинства в случае недостижимости единодушия, анархисты и сторонники всеобщего согласия часто оказываются неспособными на принятие решений, следуя за этими фактическими лидерами, которые хорошо умеют манипулировать людьми и приводить их к единодушию (хотя бы даже своей способностью выдерживать бесконечные собрания до тех пор пока вся оппозиция не устанет и не уйдёт домой). Неустанно отвергая рабочие советы и всё остальное имеющее намёк на принуждение, сами они в конце концов выбирают гораздо менее радикальные проекты с низким общим знаменателем.

Легко указать на ошибки рабочих советов прошлого, которые, помимо всего прочего, были лишь поспешными народными импровизациями, вовлечёнными в отчаянную борьбу. Но

если эти кратковременные попытки и не стали образцом для слепого подражания, они тем не менее представляют собой наиболее практичный шаг в верном направлении из всех принятых до сих пор. В статье Ризля (Антология СИ, стр. 270-282) рассматривается ограниченность этих старых движений, и правильно акцентируется внимание на том, что власть советов должна рассматриваться, как суверенность народных собраний как одного целого, а не просто советов избранных делегатов. Некоторые группы радикальных рабочих в Испании, желая избежать двойственности в этом последнем вопросе, предпочитали определять себя как ассамблеи, а не советы. Одна из листовок Комитета Поддержки Захватов (Антология СИ, стр. 351, "Обращение ко всем рабочим") перечисляет следующие основные черты основанной на советах демократии:

- Упразднение всякой внешней власти
- Прямая и тотальная демократия
- Практическое объединение решения и исполнения
- Делегаты могут быть отозваны в любой момент теми, кто их уполномочил
- Упразднение иерархии и независимых специализаций
- Сознательное управление и изменение всех условий освобождённой жизни
- Постоянное творческое участие масс
- Интернациональное участие и координация

Когда все эти черты будут признаваться и применяться, будет иметь мало значения как люди назовут новую форму общественной организации - анархия, общинный строй, коммунистический анархизм, коммунизм советов, либертарный коммунизм, активная демократия или общественное самоуправление - и каковы будут его основные компоненты - рабочие советы, антирабочие советы, революционные советы, революционные ассамблеи, народные ассамблеи, народные комитеты, коммуны, коллективы, киббуцы, боло, вече, дружеские группы, или какие-либо другие. (Обобщённое самоуправление

не очень привлекательно, но у него есть то преимущество, что оно является и целью и средством будучи свободным от вводящих в заблуждение терминов типа анархии или коммунизма.)

В любом случае, важно помнить, что формальная организация широкого масштаба будет исключением. Большинство местных проблем можно разрешить напрямую и неформально. Частные лица или малые группы будут просто продолжать делать то, что им кажется приемлемым в любой отдельно взятой ситуации (фактократия). Власть большинства будет просто крайней мерой в прогрессивно убывающем количестве случаев, в которых конфликты интересов не могут быть разрешены иным образом.

Не-иерархическое общество не означает, что все чудесным образом станут одинаково талантливыми и должны будут равно участвовать во всём; оно просто означает, что основанные и укрепленные материально иерархии должны быть уничтожены. Хотя разница в способностях будет несомненно уменьшаться, когда каждый будет поощряться в полном развитии своего потенциала, смысл здесь в том, что любые остающиеся различия не будут превращаться в различия по власти или богатству.

Люди смогут принимать участие в более широком спектре деятельности, чем сейчас, но им не нужно будет постоянно меняться обязанностями по очереди, если они этого не захотят. Если кто-то чувствует особое влечение к какому-либо занятию, другие возможно будут только рады поручить его ему, по крайней мере если это не препятствует кому-то ещё заниматься им. Независимые специализации (монопольный контроль над общественно важными информацией и технологиями) будут упразднены; расцветут открытые, не-доминирующие специализации. Люди всё ещё будут консультироваться у лиц обладающих специальными знаниями в случае надобности (хотя если они будут любознательны или подозрительны, они всегда будут поощряться на самостоятельные исследования). Они будут свободны идти в качестве добровольных студентов к учи-

телям, учеников к мастерам, атлетов к тренерам, или исполнителей к директорам, будучи в той же мере свободными прекратить занятия в любое время. К некоторым видам деятельности, таким как фольклорный хор, любой сможет присоединиться когда пожелает; для других, таких как исполнение классической музыки, может потребоваться прилежная учёба и правильный подход, при котором, кто-то будет принимать на себя лидирующие роли, кто-то следовать за ними, а остальные просто получать удовольствие в качестве слушателей. Для обоих типов будет много возможностей. Ситуационистская критика зрелища - это критика чрезмерных тенденций в современном обществе; она не подразумевает, что все должны быть активными участниками 24 часа в сутки.

Помимо необходимого ухода за душевнобольными, единственным неизбежным видом принудительной иерархии будет временная, связанная с присмотром за детьми до тех пор пока они сами не смогут о себе заботиться. Но в более безопасном и здоровом мире детям можно будет предоставить гораздо больше свободы и самостоятельности, чем сейчас. Если дело будет касаться новых игровых возможностей жизни, взрослые будут учиться у них не меньше, чем учить их. Здесь, как и везде основным правилом для людей должно стать определение собственного уровня: десятилетний, принимающий участие в каком-либо проекте, может иметь не меньше идей, чем его взрослые сотрудники, в то время как незадействованный взрослый вообще их не имеет.

Самоуправлению не требуется, чтобы каждый стал гением, а только то, чтобы большинство людей не были полными дебилами. Современная система делает нереальными подобные требования, притворяясь, что народ, который она систематически отупляет способен выносить своё суждение по поводу программ соперничающих политиков или утверждениями рекламы различных товаров, или заниматься такой сложной и последовательной деятельностью, как выращивание ребёнка или вождение на занятой автотрассе. При надлежащем внимании, уделённом всем политическим и экономическим псевдо-воп-

росам, которые намеренно делаются непонятными в данный момент, они окажутся совсем не такими сложными.

Когда у людей впервые появится шанс управлять собственной жизнью, они наверняка наделают много ошибок; но вскоре они их обнаружат и исправят потому что, в отличие от иерархов, они не будут заинтересованы в том, чтобы скрывать их. Самоуправление не гарантирует, что люди всегда будут принимать правильные решения; но любая другая форма общественной организации гарантирует, что кто-то другой принимает за них решения.

Искоренение причин войны и преступности

Уничтожение капитализма искоренит конфликты интересов, которые сейчас служат лишь предлогом для государства. Большинство современных войн полностью основано на экономических конфликтах; даже мнимый этнический, религиозный или идеологический антагонизм берёт истоки в реальных мотивах экономической конкуренции, или в психологических неврозах напрямую связанных с политическим и экономическим гнѐтом. До тех пор пока преобладает отчаянная конкуренция, людьми легко манипулировать, возвращая их в традиционные группировки и играя на культурной разнице до которой им не было бы никакого дела при более благоприятных обстоятельствах. Война требует намного больше работы, лишений и риска, чем любая созидательная деятельность; у людей с реальными возможностями реализации их идей будут более интересные занятия.

То же самое касается преступности. Если оставить в стороне преступления без жертв, большинство преступлений напрямую или косвенно связано с деньгами и не будет иметь смысла после упразднения товарной системы. Коммуны смогут свободно экспериментировать с различными методами мер со всеми случайными асоциальными действиями, которые всё ещё будут иметь место.

Существует большое количество возможностей. Привлека-

емые лица смогут отстаивать свои дела перед местными общинами или перед жюри, избираемыми по жребью, которое будет искать наиболее мирные, реабилитационные решения. Осуждённый преступник может привлекаться к какой-нибудь общественной работе, но не к заранее неприятной и унижительной дерьмовой работе, предписываемой мелкими садистами, которая только порождает больше агрессии и отчаяния, но в осмысленных и потенциально привлекательных для него проектах, которые могли бы дать ему более здоровые интересы (например, восстановление окружающей среды). Небольшое количество неисправимых психопатов, наверное, всё-таки придётся так или иначе ограничивать, но подобные случаи будут всё более редкими. (Современное распространение беспричинного насилия является предсказуемой реакцией на социальное отчуждение, способом для тех, с кем не считаются, как с нормальными людьми получить по крайней мере мрачное удовлетворение от того, что с ними считаются как с реальной угрозой.) Бойкот будет простым и эффективным средством: головорез, который смеётся в лицо угрозе жестокого наказания, только поднимающего его престиж мачо, будет намного менее уверен в себе, если все будут холодны с ним. В редких случаях неадекватных ситуаций, культурное разнообразие может сделать изгнание эффективным решением: агрессивный характер, постоянно тревоживший тихую общину может лучше ужиться в каком-нибудь хаотичном регионе типа Дикого Запада или иметь дело с более суровыми наказаниями.

Это только некоторые из возможностей. Свободные люди несомненно создадут больше творческих, эффективных и гуманных решений, чем любые из тех, которые мы можем представить себе сейчас. Я не утверждаю, что у них не будет больше проблем, только то, что у них будет намного меньше проблем, чем сейчас, когда люди, оказывающиеся на дне нашего абсурдного социального порядка жестоко наказываются за свои неумелые попытки освободиться от него, в то время как власть имущие безнаказанно грабят планету.

Варварство современной карательной системы может пре-

взойти только её глупость. Драконовы меры постоянно демонстрируют, что не оказывают никакого значительного воздействия на рейтинг преступности, который напрямую связан с уровнем бедности и безработицы, так же как и с менее исчислимыми, но одинаково явными факторами вроде расизма, уничтожения городских общин, и общего отчуждения, производимого обществом спектакля и потребления. Угроза многолетних тюремных сроков, которая может реально сдерживать людей с удовлетворительными жизненными условиями, мало что значит для тех кто не имеет реальных альтернатив. Вряд ли очень разумно урезать уже до смешного неадекватные социальные программы во имя экономии, одновременно наполняя тюрьмы осуждёнными на пожизненное заключение, каждый из которых обходится в миллион долларов; но как многие другие аспекты социальной политики, этот сохраняется, т.к. усилен влиятельными интересами [3].

Упразднение денег

Освобождённое общество должно будет упразднить всю денежно-товарную экономику. Продолжать принимать ценность денег будет означать принимать продолжающееся доминирование тех, кто предварительно накопил их, или оказался достаточно находчивым для того, чтобы снова собрать их после радикального перераспределения. Альтернативные формы экономического мышления всё ещё будут нужны для определённых целей, но их тщательно ограниченное число будет убывать по мере возрастания материального изобилия и социального сотрудничества, которые сделают их менее необходимыми.

В послереволюционном обществе может быть трёхзвенное экономическое устройство по следующей модели:

1. Определённые основные товары и услуги будут доступны бесплатно для каждого без каких-либо расчётов.

2. Прочие также будут бесплатными, но только в ограниченных, разумных количествах.

3. Третьи, классифицируемые как “роскошь”, будут доступны в обмен на “кредиты”.

В отличие от денег, кредиты будут применяться только к определённым специальным товарам, а не к основной общественной собственности, такой как земля, коммунальные услуги или средства производства. У них будут также даты истечения срока для того, чтобы ограничить всякое излишнее накопление. Подобный расклад будет довольно гибким. Во время начального переходного периода количество бесплатных товаров будет минимальным, для обеспечения людей необходимыми товарами, требующими заработанных кредитов. С течением времени будет нужно всё меньше работы и всё большее количество товаров будет доступно бесплатно, при этом соотношение между обоими факторами будет определяться советами. Некоторые кредиты могут в общем распределяться, причём каждый будет получать определённую сумму; другие могут быть премиями за определённые виды опасной или неприятной работы, для выполнения которой находится мало добровольцев. Советы могут установить стабильные цены за определённые предметы роскоши, позволяя другим зависеть от спроса и предложения; и по мере нарастающего изобилия предметов роскоши, она будет дешеветь и в конце концов возможно станет бесплатной. Товары будут менять свои уровни в зависимости от материальных условий и предпочтений общины.

Это только некоторые из возможностей [4]. Экспериментируя с различными методами, люди вскоре сами обнаружат, какие формы собственности, обмена и оценки необходимы.

В любом случае, какие бы экономические проблемы ни оставались, они не будут серьёзными, потому что фактор дефицита будет присутствовать только в секторе не жизненно важной роскоши. Всеобщий бесплатный доступ к еде, одежде, жилью, коммунальным услугам, здравоохранению, транспорту, средствам сообщения, образованию и культурным мероприятиям может быть достигнут почти сразу в промышленных регионах и в краткие сроки также в менее развитых. Многие

из этих вещей уже существуют, их нужно просто сделать равно доступными для всех; те же, которых нет можно запросто начать производить, как только социальная энергия будет высвобождена из нынешних иррациональных предприятий.

Взять к примеру жильё. Пацифисты неоднократно указывали на то, что всех людей в мире можно обеспечить приличным жильём с меньшими расходами, чем от нескольких недель глобальных военных расходов. Несомненно они говорили о минимальном жилом обеспечении; но если всю ту энергию, которую люди тратят сейчас, на зарабатывание денег для обогащения лендлордов и спекулянтов недвижимостью обратить на строительство новых жилплощадей, всех людей в мире действительно можно было бы обеспечить приличным жильём. Для начала, большинство людей могло бы продолжать жить, там где живёт сейчас и сосредоточиться на строительстве жилья для бездомных. Можно захватить все гостиницы и офисные здания. Некоторые кричаще экстравагантные помещения можно изъять и превратить в жилые здания, парки, общественные сады, и т.д. По этому примеру, обладатели относительно просторных помещений могли бы временно приютить бездомных, одновременно помогая им строить свои собственные дома, хотя бы во избежание собственных угрызений совести.

Следующим шагом будет улучшение и уравнивание качества жилищных условий. Здесь как и в других областях, целью невозможно не будет жёсткое равномерное равенство (каждый должен располагать такими-то и такими-то условиями), но общее чувство справедливости, с решением проблем на гибкой основе от одного случая к другому. Если кто-то почувствует себя обделённым, он сможет обратиться к общине, которая, в том случае если жалоба не будет совершенно абсурдной, скорее всего пойдёт ей навстречу. Нужно будет вырабатывать компромиссы относительно того, кто будет жить в исключительно привлекательных районах и как долго. (Таких можно будет выбирать по жребию, или распределять на ограниченные сроки среди предлагающих высшие ставки на кредитных аукци-

онах, и т.п.) Подобные проблемы нельзя решить с полным удовлетворением каждого, но разумеется будет достигнута гораздо большая справедливость, чем при системе, в которой магические клочки бумаги дают одному человеку право на собственность сотен зданий, в то время как другие живут на улице.

Как только основные нужды выживания будут разрешены, количественная перспектива трудового времени будет трансформирована в качественно новую перспективу свободного творчества. Несколько друзей могут прекрасно работать, строя свой собственный дом, даже если у них занимает год то, что у профессиональной команды получилось бы более эффективно за месяц. В такие проекты войдёт больше веселья, воображения и любви и построенные таким образом здания будут более очаровательными, разнообразными и личными, чем те, что считаются приличными сегодня. Французский сельский почтальон 19 века по имени Фердинанд Шеваль провёл всё своё свободное время в течение десятилетий, строя свой собственный замок в соответствии со своей фантазией. Такие люди как Шеваль считаются эксцентричными, но необычно в них только то, что они продолжают использовать врождённый творческий подход, который есть у всех нас, но который мы как правило вынуждены подавлять по выходе из раннего детства. В свободном обществе будет много подобной игровой работы: лично выбранные проекты, которые будут вовлекать людей с такой интенсивностью, что они будут думать о своих трудовых часах не больше, чем о количестве ласк во время занятий любовью или об экономии во время танца.

Абсурдность современного труда

Пятьдесят лет назад Пол Гудмен подсчитал, что менее 10% выполняемого в то время труда способны удовлетворить наши основные нужды. Каковой бы ни была точная цифра (сейчас она будет даже ниже, хотя она конечно зависит именно от того, что мы считаем нашими основными нуждами), ясно, что боль-

шая часть современного труда абсурдна и не нужна. С упразднением товарной системы, сотни миллионов людей, которые сейчас заняты производством излишних товаров, или их рекламой, их упаковкой, их транспортировкой, их продажей, их охраной, или зарабатыванием на них (продавцы, клерки, бригадиры, менеджеры, банкиры, брокеры, арендодатели, профсоюзные лидеры, политики, полиция, адвокаты, судьи, тюремщики, охранники, солдаты, экономисты, рекламные дизайнеры, производители оружия, таможенные инспекторы, сборщики налогов, страховые агенты, консультанты по инвестициям, вместе с их многочисленными подчинёнными) будут все освобождены от этого в пользу совместного выполнения актуальных задач.

Прибавьте безработных, которые в соответствии с недавним отчётом ООН составляют сейчас свыше 30% мирового населения. Если эта цифра кажется высокой, это потому, что она включает заключённых, беженцев и многих других, обычно не учитываемых официальной статистикой безработицы, т.к. они отчаялись в своих попытках найти работу, как превращённые в инвалидов алкоголем и наркотиками, или те, кому настолько противен существующий выбор работы, что они прилагают всю свою энергию, избегая её путём преступлений и афер.

Прибавьте миллионы престарелых, которые очень хотели бы заниматься полезной деятельностью, но которых сейчас обрекают на тоскливую, пассивную пенсию. Также подростки и даже дети, которые взяли бы с энтузиазмом за многие полезные и образовательные проекты если бы не были ограничены устаревшими школами, всё ещё рассчитанными на слепое, безграмотное подчинение.

Огромен компонент растраты времени, даже в явно полезных работах. Врачи и медсёстры, например, проводят большую часть своего времени (помимо заполнения страховых форм, счетов пациентов, и т.д.), пытаясь с ограниченным успехом противодействовать всем видам проблем, порождённых обществом, таких как травмы на производстве, автокатастро-

фы, психологические проблемы и болезни, вызванные стрессом, загрязнением среды, плохим питанием или антисанитарными условиями, не говоря уже о войнах и об эпидемиях, которые следуют за ними, проблемах, которые исчезнут в освобождённом обществе, освобождая работников здравоохранения свободными для концентрирования на основной профилактической медицине.

Одинаково огромен намеренно растроченный труд: работы, изобретённые только с тем, чтобы занять людей; подавление методов, гарантирующих работу, усиливающее опасность потерять работу; намеренно замедленные темпы работы; техники саботажа для оказания давления на боссов, или просто из гнева и разочарования. Не забудьте также об абсурдном законе Паркинсона (работа, растянутая с тем, чтобы занять время), о принципе Питера (люди, поднятые на свой уровень безграмотности) и другие схожие тенденции, так смешно описанные в сатире К. Норткота Паркинсона и Лоуренса Питера.

И насколько много напрасного труда будет уничтожено, когда продукты производятся для длительного употребления, а не предназначены для быстрого износа или выхода из моды с тем, чтобы люди покупали их снова. (После краткого превосначального периода высокого производства для обеспечения каждого прочными, высококачественными товарами, многие отрасли промышленности можно свести к очень скромным уровням, достаточным для их восстановления, или повышения их качества если разрабатывается действительно серьёзное улучшение.)

Рассматривая все эти факторы, легко увидеть, что в обществе со здоровой организацией количество необходимого труда можно уменьшить до одного-двух дней в неделю.

Преобразование работы в игру

Но такое резкое количественное уменьшение произведёт качественное изменение. Как обнаружил Том Сойер, когда люди не работают по принуждению, даже самое банальное задание

может стать новым и увлекательным: проблема теперь не в том, как заставить людей выполнять её, но в том как разместить всех желающих. Было бы нереальным ожидать, что люди будут работать полный рабочий день на неприятных и в основном бессмысленных работах без надзора и экономических стимулов; но ситуация становится совершенно иной, если речь идёт о том, чтобы заниматься от десяти до пятнадцати часов в неделю достойными, разнообразными, самоуправляющимися задачами по своему выбору.

Более того, многие, начиная заниматься интересными для себя проектами, не захотят ограничиваться минимумом. Это уменьшит число необходимых задач до ещё более микроскопического уровня для тех у кого не будет подобного энтузиазма.

Нет нужды возиться с термином “работа”. Работа за зарплату должна быть упразднена; осмысленная, свободно выбранная работа может приносить столько же удовольствия, сколько игра. Наша нынешняя работа обычно производит практические результаты, но не те которые выбираем мы, поскольку большая часть нашего времени посвящена банальностям. С упразднением труда за зарплату, работа станет более игровой, а игра более активной и творческой. Когда люди больше не сходят с ума из-за своей работы, им больше не понадобятся бессмысленные, пассивные развлечения, чтобы отдохнуть от неё.

Не то чтобы тривиальный досуг был чем-то неправильным; нужно просто понять, что их привлекательность в данный момент проистекает из отсутствия более полноценной деятельности. Тот в чьей жизни не хватает реального приключения находит замену экзотике, собирая артефакты других времён и стран; тот, чья работа абстрактна и фрагментирована способен сделать многое ради того, чтобы произвести цельный конкретный предмет, даже если этот предмет не более значителен, чем сборная модель корабля. Эти и бесчисленные другие хобби показывают постоянство творческих импульсов, которые воистину расцветут при правилах свободной игры на ши-

роком масштабе. Представьте себе, как люди, которым нравится работать по дому или в саду, начинают работать для всей своей общины; или как тысячи энтузиастов-железнодорожников будут воодушевлены возможностью перестроить и задействовать улучшенные версии железнодорожной сети, которая станет одним из основных средств уменьшения автомобильного движения.

Когда люди подвержены подозрениям и угнетающим правилам, они естественно стараются сделать настолько мало насколько возможно. При свободе и взаимном доверии будет противоположная тенденция гордиться наилучшим возможным исполнением своей работы. Хотя некоторые обязанности в новом обществе будут более популярными, чем другие, у настоящего трудных и неприятных будет возможно более, чем достаточно добровольцев, в соответствии с желанием потягаться с вызовом или ради благодарности, если не из чувства ответственности. Даже теперь многие люди счастливы добровольно участвовать в достойных проектах, если у них есть время; их будет намного больше если им не придётся постоянно беспокоиться об обеспечении основных нужд для самих себя и для своих семей. В худшем случае, некоторые совершенно непопулярные работы придётся разделить на кратчайшие по возможности смены и распределять их по жребии до их автоматизации. Или можно будет проводить аукционы с целью найти желающих выполнять их, скажем, по пять часов в неделю при стандартной десяти- или пятнадцатичасовой загрузке; или за несколько экстракредитов.

Не расположенные к сотрудничеству люди возможно будут настолько редкими, что остальное население может просто оставить их в покое, вместо того, чтобы давить на них, заставляя вносить свой небольшой вклад. При определённом уровне недостатка проще не беспокоиться о нескольких возможных злоупотреблениях, чем нанимать армию табельщиков, бухгалтеров, инспекторов, информаторов, стукачей, дубаков, ментов и т.д. вынюхивающих каждую деталь и наказывая каждое нарушение. Нереально ожидать, что люди станут более щедры-

ми и склонными к сотрудничеству, когда вокруг ничего не происходит; но большой материальный избыток создаст ограничения для злоупотреблений, так что не будет иметь значения будут ли вносить люди меньший или больший вклад в общее дело.

Упразднение денег предупредит то, что кто-либо будет брать больше своей доли. Большинство опасений по поводу освобождения общества заключается на том предубеждении, что деньги (и т.о. также их естественный защитник: государство) всё ещё будут существовать. Это партнёрство государства и денег создаёт неограниченные возможности для злоупотреблений (подкупленные юристы, выискивающие лазейки в налоговом законодательстве и т.д.); но по их упразднению мотивы и средства для подобных злоупотреблений. Абстрактность рыночных отношений даёт возможность любому анонимно накапливать богатство, косвенно лишая тысячи других их основных средств; но с упразднением денег любая значительная монополизация будет слишком бросаться в глаза.

Из любых других форм обмена, которые могут появиться в новом обществе, простейшей и возможно самой распространённой из них будет обмен дарами. Общий достаток распространит щедрость. Дарить весело и приносит удовлетворение, без докучливых бухгалтерских подсчётов. Единственные расчёты будут связаны со здоровым общим соревнованием. “Соседняя община подарила менее обеспеченной области столько-то; мы уж наверняка сможем сделать столько же”. “Они устроили классную вечеринку; посмотрим, сможем ли мы их переплюнуть”. Небольшое дружеское соперничество (кто придумает самый вкусный новый рецепт, вырастит больший овощ, разрешит социальную проблему, придумает новую игру) будет всем во благо, даже проигравшим.

Возможно, освобождённое общество будет функционировать как импровизированная вечеринка. Большинству людей нравится готовить для других; но даже если кому-то нечего предложить, есть много других возможностей. Не обязательно, чтобы каждый вносил одинаковую долю, потому что зада-

чи будут настолько минимальными и настолько широко распределены, что никто не будет перезагружен. Поскольку все будут открыто вовлечены, не будет надобности контролировать людей или устанавливать наказания за неподчинение. Единственным элементом «принуждения» будет одобрение или неодобрение других участников: благодарность будет означать позитивный стимул, в то время как даже самого безалаберного человека, если он упорно не будет вносить свой вклад могут начать высмеивать и перестать приглашать. Организованность будет необходима в случае возникновения проблем. (Если как правило получается слишком много десертов и недостаточно основных блюд, группа возможно решит координировать, кто, что будет приносить. Если какая-то щедрая душа будет нести чрезмерное бремя по уборке и мытью посуды, вежливым намёком можно смутить других и призвать добровольцев, или ввести какую-то систему поочерёдности).

Сейчас, конечно, подобная спонтанная кооперация является исключением, и применяется в первую очередь там, где до сих пор сильны традиционные общинные связи или среди маленьких, самоизбирающихся групп людей с похожим складом ума в регионах с не слишком бедными условиями. В мире, в котором человек человеку волк, люди естественно осмотрительны и подозревают друг друга. Если какое-нибудь зрелище не трогает их какой-нибудь сентиментальной человеческой историей, они обычно мало беспокоятся о людях вне своего непосредственного круга. Из-за своих обид и разочарований они могут даже получать мрачное удовольствие, портя удовольствие другим людям.

Но несмотря на всё то, что не способствует их гуманности, большинство людей, если им предоставляется случай, всё ещё любит заниматься достойными вещами, и им нравится благодарность за это. Заметьте с какой охотой они пользуются возможностью проявить взаимоуважение, даже открывая дверь перед кем-нибудь или обмениваясь банальными замечаниями. Если случается наводнение или землетрясение, или другие чрезвычайные ситуации, даже самые эгоистичные и

циничные люди бросаются спасать других и занимаются этим по 24 часа в день, доставляя еду и первую медицинскую помощь, и т.д., без какой-либо иной компенсации кроме благодарности других. Вот почему люди на удивление часто вспоминают войну или катастрофы с чем-то типа ностальгии. Как во время революции, подобные события нарушают обычное социальное отчуждение, давая каждому возможность заниматься реально полезными вещами, и порождая сильное чувство общности (даже объединяя людей против общего врага). В освобождённом обществе эти социализирующие импульсы смогут процветать, не требуя подобных экстремальных предлогов.

Возражения технофобам

Нынешняя автоматизация часто добивается не большего, чем лишения работы нескольких людей, интенсифицируя режим остальных; если какое-то время и выигрывается этими “экономящими труд” средствами, обычно оно тратится на равно отчуждённое пассивное потребление. Но в освобождённом мире компьютеры и прочие современные технологии можно будет использовать для избавления от опасных или скучных работ, освобождая всех для более интересной деятельности.

Игнорируя эти возможности и питая понятное отвращение к современному использованию многих технологий, некоторые люди рассматривают саму “технологию” в качестве основной проблемы и стоят за возврат к упрощённому образу жизни. Находится под вопросом насколько он должен быть упрощён, т.к. недостатки можно обнаружить в любой эпохе, и разделительная черта отодвигается всё дальше в прошлое. Некоторые, считая виновницей всех бед Индустриальную Революцию, распространяют отпечатанные на компьютерах оды ручным ремёслам. Другие, усматривая первородный грех в изобретении сельского хозяйства, чувствуют, что мы должны вернуться к обществу охотников-собирателей, хотя и не имеют ясных идей насчёт того, как быть с современным населением планеты, которое невозможно было бы содержать при та-

кой экономике. Третьи, чтобы не проиграть, представляют красноречивые аргументы в пользу того, что развитие языков и рациональной мысли было реальным источником наших теперешних проблем. Четвёртые утверждают, что весь род человечески настолько неисправимо погряз во зле, что он должен альтруистически самоуничтожиться во имя спасения глобальной экосистемы.

Все эти фантазии содержат так много явных противоречий, что вряд ли нужно детально критиковать их. Они имеют сомнительное отношение к действительным обществам прошлого и по сути никакого отношения к возможностям настоящего. Даже если предположить, что жизнь была лучше в одной из предыдущих эпох, мы должны начинать оттуда, где мы сейчас. Современная технология настолько переплетена с нашей жизнью, что её использование нельзя было бы внезапно прекратить, не вызывая этим глобального хаоса, который уничтожил бы миллионы людей. Послереволюционные люди возможно решат уменьшить человеческое население и избавиться от определённых отраслей промышленности, но этого нельзя сделать за ночь. Нам нужно серьёзно продумать, как мы будем решать практические проблемы, которые возникнут в промежутке.

Если дело когда-то дойдёт до таких практических вопросов, я сомневаюсь в том, чтобы технофобы действительно захотели бы уничтожить моторизованные кресла-каталки; или отключить гениальные компьютерные системы, позволяющие физику Стивену Хокингу общаться с миром несмотря на полный паралич; или позволили бы женщине умереть при родах, если бы её можно было бы спасти техническими процедурами; или приняли бы возрождение болезней, которые ежедневно убивали или постоянно превращали бы в инвалидов большой процент населения; или отказались бы от посещения людей из других частей света или общения с ними если они не находятся на расстоянии пешей прогулки; или спокойно бы смотрели на то, как люди умирают от голода, в то время как их можно спасти глобальными поставками пищи.

Проблема заключается в том, что эта всё более входящая в моду идеология отвлекает внимание от реальных проблем и возможностей. Упрощённый манихейский дуализм (природа есть Добро, технология есть зло) заставляет людей игнорировать сложные исторические и диалектические процессы; ведь насколько легко обвинять всё подряд в некоем изначальном зле, в чём-то типа дьявола или первородного греха. То, что начинается как реалистичные сомнения в излишней вере в науку и технологию, заканчивается как отчаянная и даже ещё менее оправданная вера в возвращение первобытного рая, терпя неудачу в превращении современной системы во что-либо отличное от абстрактного, апокалиптического пути [5].

Технофилы и технофобы едины в том, что рассматривают технологию в отрыве от прочих социальных факторов, различаясь только своими в равной степени упрощёнными заключениями о том, что новые технологии автоматически улучшают или автоматически отчуждают. Пока капитализм отчуждает всё человеческое производство, превращая товары в автономные единицы, не поддающиеся контролю своих создателей, технологии будут способствовать этому отчуждению и усиливать его. Но когда люди освободятся от этого господства, у них не будет проблем с отказом от тех технологий, которые наносят вред в пользу более полезных.

Определённые технологии, очевидным примером которых является ядерная энергия, в самом деле настолько безумно безопасны, что их несомненно придётся оставить. Многие другие отрасли промышленности, производящие абсурдные, устаревшие или ненужные товары, конечно, автоматически прекратят своё существование с исчезновением своих коммерческих обоснований. Но у многих технологий (электричество, металлургия, рефрижераторы, водопроводы, грамзапись, фотография, телекоммуникации, инструменты, ткани, швейные машинки, сельскохозяйственное оборудование, хирургические инструменты, анестезия, антибиотики, из дюжины прочих примеров, приходящих на ум), как бы дурно их ни использовали сейчас, очень мало присущих им недостатков, если таковые и

имеются. Их нужно просто использовать более разумно, ставя их под общественный контроль, внося экологические улучшения, и используя их в гуманных, а не в капиталистических целях.

Другие технологии более проблематичны. Они всё ещё будут нужны до определённой степени, но их вредные и иррациональные аспекты будут отбрасываться, как правило с их последующей заменой. Если взять автомобильную индустрию как целое, включая её широкую инфраструктуру (фабрики, улицы, шоссе, бензозаправки, нефтяные скважины) со всеми её неудобствами и побочными расходами (автомобильные пробки, парковка, техобслуживание, страхование, ДТП, загрязнение окружающей среды, урбанистическое разрушение), ясно, что любому количеству альтернативных методов будет отдаваться предпочтение. Фактом остаётся существование этой инфраструктуры сейчас. Новое общество, т.о. немомненно будет продолжать использовать существующие автомобили и грузовики в течение нескольких лет, в то же время сосредотачиваясь на более разумных способах транспортировки, постепенно заменяя их по мере их износа. Личные транспортные средства с экологически безвредными двигателями будут использоваться неопределённое время в сельских местностях, но большая часть нынешнего городского движения (с некоторыми исключениями, такими как грузовой транспорт, пожарные машины, скорая помощь и такси для инвалидов) могут быть заменены различными формами общественного транзита, позволяя превратить многие улицы и шоссе в парки, сады, площади и велосипедные дорожки. Самолёты сохранятся для межконтинентальных путешествий (по необходимости) и для определённых видов срочных перевозок, но упразднение наёмного труда оставит людям много времени для более досужих видов путешествий: корабли, поезда, велосипеды, пешие прогулки.

Здесь, как и в других областях, будет зависеть от заинтересованных людей, захотят ли они экспериментировать с различными вариантами, чтобы установить наилучший из них. Как

только люди смогут определить цели и условия их собственной работы, у них естественным образом появятся всевозможные идеи, которые уменьшат объём работы, сделают её более безопасной и приятной; и эти идеи, более не лицензируемые и не охраняемые ревниво, в качестве деловых секретов, будут быстро распространяться и вдохновлять на дальнейшее улучшение. С исчезновением коммерческих мотивов, люди помимо чисто количественных измерений рабочего времени также смогут уделять должное внимание социальным и природоохранным факторам. Если, скажем, производство компьютеров в данный момент включает в себя чёрную работу или вызывает загрязнение окружающей среды (хотя и гораздо меньшее, чем классические индустриальные дымовые трубы), нет причин думать, что нельзя выработать лучшие способы как только люди заинтересуются этим, очень может быть, именно через разумное использование компьютерной автоматизации. (К счастью, чем более однообразна работа, тем легче её автоматизировать.)

Основным правилом будет упрощение основных предприятий с тем, чтобы облегчить оптимальную гибкость. Техника будет становиться более униформной и понятной, так чтобы люди с минимальной общей подготовкой смогли осуществлять строительство, техобслуживание, перестройку и прочие операции, для которых раньше нужна была профессиональная подготовка. Основные инструменты, приборы, сырьё, машинные части и архитектурные прототипы видимо будут стандартизироваться и производиться массово, оставляя всю более тонкую работу небольшим предприятиям, а окончательные и потенциально самые творческие аспекты индивидуальным пользователям. Как только время перестанет быть деньгами мы сможем, как надеялся Уильям Моррис, быть очевидцами возрождения трудо-интенсивных ремёсел и искусств: радостное производство в дар людей, которые заботятся о своих произведениях и о людях, которым они предназначены.

Некоторые общины возможно захотят сохранить разумное количество (экологически безвредной) тяжёлой технологии;

другие могут предпочесть более простой образ жизни, хотя и с использованием технических средств для поддержания этой простоты или для чрезвычайных ситуаций. Солнечные генераторы и спутниковые телекоммуникации, например, позволят людям жить в лесах, не испытывая нужды в электроэнергии или телефонных линиях. Если наземная солнечная энергия и другие обновляемые источники энергии окажутся недостаточными, огромные солнечные рецепторы с орбиты смогут струить вниз практически неограниченные количества экологически чистой энергии.

Большинство регионов Третьего Мира, волей судьбы, расположено в том поясе, в котором солнечная энергия может быть наиболее эффективной. Хотя их бедность и послужит причиной некоторых первоначальных затруднений, их традиции кооперативной самодостаточности плюс тот факт, что им не будут препятствовать устаревшие индустриальные инфраструктуры, даст им компенсирующие преимущества, когда дело дойдёт до создания новых, экологически безвредных структур. Выборочно обращаясь к развитым регионам за любой информацией или технологиями, которые они сами сочтут необходимыми для себя, они смогут избежать ужасной “классической” стадии индустриализации и накопления капитала и переходить напрямую к пост-капиталистическим формам социальной организации. Влияние необязательно будет односторонним: одни из самых прогрессивных социальных экспериментов в истории осуществлялись во время испанской революции неграмотными крестьянами, жившими в условиях, схожих с условиями стран Третьего Мира.

Людам из развитых регионов также не понадобится принимать как должное муторный переходный период “заниженных ожиданий” для того, чтобы дать менее развитым регионам возможность поравняться с собой. Этот банальный предрассудок исходит из той фальшивой предпосылки, что большинство современных товаров желательно и необходимо, на том основании, что больше для других означает меньше для нас самих. В реальности, революция в развитых странах не-

медленно упразднит такое множество абсурдных товаров и забот, что даже если поставки определённых товаров и услуг будут временно урезаны, люди будут всё же лучше обеспечены, чем теперь, даже материально (в дополнение к тому, что они будут намного лучше обеспечены в “духовном” смысле). Как только их собственные насущные проблемы будут решены, многие из них начнут с энтузиазмом помогать менее удачливым людям. Но эта помощь будет добровольной, и большая её часть не повлечёт за собой каких-либо серьёзных самопожертвований. Для того, чтобы дарить свой труд или строительные материалы, или архитектурские знания, с тем, чтобы другие смогли построить себе дома, например, вовсе не понадобится разрушать свой собственный дом. Потенциальное богатство современного общества состоит не столько в материальных благих, сколько в знаниях, идеях, техниках, изобретательности, энтузиазме, сострадании, и других качествах, которые будут увеличиваться по мере их распространения.

Вопросы экологии

Самоуправляющееся общество естественно решит большинство современных экологических проблем. Некоторые из них первостепенны для выживания человечества; но как по эстетическим, так и по этическим причинам, свободные люди несомненно захотят выйти за пределы этого минимума и развивать богатое биологическое разнообразие.

Дело в том, что мы сможем открыто обсуждать эти темы только когда мы искореним стимулы прибыли и экономической нестабильности, которые подрывают даже минимальные попытки защитить окружающую среду (дровосеки, которые боятся потерять свою работу, хроническая бедность, заставляющая страны Третьего Мира зарабатывать на своих джунглях и т.д. [6]).

Когда человеческий род обвиняют в разрушении окружающей среды, забываются специфические социальные причины. Меньшинство, принимающее решения, валится в одну

кучу с безвластным большинством. Голод рассматривается как наказание природы за перенаселение, как естественный критерий, который должен идти своим ходом, как если бы было нечто естественное во Всемирном Банке и в Международном Валютном Фонде, которые вынуждают страны Третьего Мира выращивать продукцию на экспорт, а не на пищу для местного потребления. Людей обвиняют за использование машин, игнорируя тот факт, что автомобильные компании (подкупая и саботируя электро-транспортные системы, лоббируя строительство автотрасс и действуя против субсидий на железные дороги, и т.д.) создали ситуацию, в которой большинству людей приходится иметь машины. Зрелищная реклама агитирует всех на снижение потребления энергии (постоянно побуждая всех потреблять всего как можно больше), хотя мы могли бы уже сейчас развить более, чем чистые и обновляемые источники энергии если бы компании, занимающиеся органическим топливом не лоббировали успешно против спонсирования каких-либо значительных исследований в этой области.

Дело не в том, чтобы обвинять главы этих компаний, они слишком увязли в системе, роста-или-смерти, которая заставляет их принимать подобные решения, но скорее в том, что следует отменить тот расклад, при котором постоянно производится такое непреодолимое давление.

В освобождённом пространстве должно быть место как для человеческих общин, так и для достаточно больших регионов нетронутой природы, отвечающих требованиям самых пристрастных экологов. Хотелось бы, чтобы между обеими этими крайностями существовали все виды изобретательных, и в то же время заботливых и уважительных, взаимодействий человека с природой. Кооперируя с ней, работая с ней, играя с ней; создавая всевозможные перемежения лесов, ферм, парков, садов, фруктовых садов, ручьёв, деревень, городов.

Большие города будут распадаться, расчищаться, озеленяться, и перестроены различными способами, включающими и превосходящими видения наиболее наделённых воображением архитекторов и градопланировщиков прошлого (которые

обычно ограничивались их предположением перманентности капитализма). Во исключение, некоторые крупные города, особенно представляющие эстетический или исторический интерес, будут сохранять или даже увеличивать свои космополитические черты, являясь большими центрами, в которых будут объединяться различные культуры и образы жизни [7].

Некоторые, используя ранние психогеографические исследования ситуационистов и идеи “унитарного урбанизма”, построят сложные взаимозаменяемые декорации для того, чтобы облегчить блуждания по лабиринтам различных пейзажей, которые воображал себе Иван Щеглов, комбинации из замков, гротов, озёр комнаты способствующие грёзам почище любого наркотика, и люди будут жить в своих собственных “соборах” (Антология СИ, стр. 3,4 [Формуляр для Нового Урбанизма]). Другие будут более склонны к определению счастья дальневосточного поэта, как жизни в хижине у горной реки.

Если не будет хватать соборов или горных рек, можно будет выработать какие-то компромиссы. Но даже если такие места как Шартр или Йосемайт сейчас переполнены, это только потому что остальная часть планеты так сильно обезображена. По мере восстановления природных зон и преобразования человеческих обитаний в более красивые и интересные, больше не будет необходимым заселять несколько исключительных мест миллионами людей отчаявшихся в возможности избавиться от всего этого. Наоборот, многие люди могут начать стремиться в самые нищие регионы потому что именно там будут “новые границы”, на которых будут происходить самые интересные преобразования (уродливые здания будут сноситься, чтобы оставить место для экспериментальной реконструкции из выброшенных материалов).

Расцвет свободных коммун

Освобождённое народное творчество будет порождать живые сообщества, превосходящие Афины, Флоренцию, Париж и другие знаменитые центры прошлого, в которых полное уча-

стие ограничивалось привилегированными меньшинствами. В то время как некоторые возможно захотят большего уединения и самодостаточности (отшельники и кочевники смогут свободно поддерживать свой образ жизни кроме редких случаев обязательств перед местными общинами), большинство наверно предпочтёт удовольствие и удобства совместной работы, и учредит всевозможные цеха, библиотеки, лаборатории, прачечные, кухни, кондитерские, кафе, клиники, студии, музыкальные залы, аудитории, сауны, спортзалы, игровые площадки, ярмарки, блошинные рынки (не забывая оставлять спокойные места для балансирования чрезмерной социализации). Городские районы можно будет объединять в более единые комплексы, связывая внешние строения с холлами и аркадами, уничтожая преграды между дворами и создавая таким образом большие внутренние парки, сады или пространства для детей. Люди смогут выбирать между различными видами и уровнями участия, например записаться на пару дней в месяц на мытьё тарелок или приготовление пищи, или садоводство, с правом питания в общественных кафетериях, или выращивать и готовить еду самостоятельно.

Во всех этих гипотетических примерах важно иметь в виду культурное разнообразие, которое будет развиваться. В одном случае, готовка может казаться нудным занятием, которое нужно будет свести по возможности к минимуму и точно распределить; в другом она может стать страстью или важным социальным ритуалом, который будет привлекать более, чем достаточно добровольцев-энтузиастов.

Некоторые общины, вроде III Парадигмы в коммунах (обеспечивающих тот факт, что схема Гудмена до сих пор подразумевант существование денег), могут проводить чёткое разделение между свободным сектором и сектором-люкс. Другие могут развить более органично интегрированные социальные образцы, в соответствии с линией II Парадигмы из той же книги, борясь за максимальное производство и потребление, физическую и интеллектуальную деятельность, эстетическое и научное образование, социальную и психологическую гар-

монию, даже ценой чисто количественной эффективности. Стиль III Парадигмы может быть самым подходящим для начальной переходной формы, когда люди ещё не привыкли к новым перспективам и хотят какой-нибудь экономической системы, которая давала бы им чувство защищённости от потенциальных злоупотреблений. Пока люди будут подчищать новую систему и развивать большее взаимное доверие, они возможно будут больше тяготеть к стилю II Парадигмы. Как в очаровательных фантазиях Фурье, минус их эксцентричность и с большей гибкостью, люди смогут посвящать себя разнообразным занятиям в соответствии со сложными переплетениями симпатий. Одно лицо может быть обычным членом определённых группировок (дружеские компании, советы, коллективы, районы, города, регионы) также временно участвуя в повседневной деятельности (как это делают сегодня люди в клубах, сетях по увлечениям, ассоциациях взаимной помощи, политических группах и сельскохозяйственных проектах). Местные ассамблеи будут устанавливать спрос и предложение; распространять решения других ассамблей современное состояние текущих проектов или всё ещё не решённых проблем; и организовывать библиотеки, коммутаторы и компьютерные сети, собирать и распространять разнообразную информацию и связывать людей с общими вкусами. Средства массовой информации будут доступны для каждого, позволяя всем начинать свои собственные проекты, решать проблемы, выдвигать предложения, критиковать, проявлять энтузиазм, желания, видения. Традиционные ремёсла и искусства будут продолжать своё существование, но только в качестве одной из граней постоянной творческой жизни. Люди всё ещё принимают участие, со всё возрастающим энтузиазмом, в спорте и в играх, в ярмарках и фестивалях, музыке и танцах, в половой жизни и выращивании детей, строительстве и реставрации, преподавании и учёбе, летних лагерях и путешествиях; но новые жанры и искусства жизни будут развиваться такими путями, которые нам трудно представить.

Для того, чтобы люди начали стремиться к социально не-

обходимым проектам, в агрономии, медицине, инжиниринге, образовательных нововведениях, восстановлении окружающей среды и т.д., лишь по той причине, что они им кажутся интересными и приносящими удовлетворение. Другие могут предпочитать менее утилитарные вещи. Кто-то будет жить спокойной домашней жизнью; другие будут искать приключений, или жить праздниками и оргиями; другие же могут посвятить себя, скажем, наблюдению за птицами, или обмену журналами, или коллекционированию дореволюционной старины, или миллиону других занятий. Каждый может следовать за своими собственными склонностями. Если кто-то погрузится в пассивное существование зрителя, им это возможно в конце концов наскучит и они попробуют более творческую деятельность. Даже если они этого не сделают, это будет их делом; никому это не причинит вреда.

Тем, кому земная утопия покажется пресной и кто реально захочет уйти от всего этого, исследование и колонизация солнечной системы, возможно даже иммиграция на другие звёзды, станет никогда не стареющей авантюрой.

Но так же будет и с исследованием “внутренней вселенной”.

Более интересные вопросы

Анти-иерархическая революция не разрешит всех наших проблем; она просто искоренит некоторые анахронизмы, освобождая нас для более интересных проблем.

Если может показаться, что данный текст игнорирует “духовные” аспекты жизни, это потому что я хотел сделать ударение на тех основных материальных проблемах, которые до сих пор не решены. Но эти проблемы являются только каркасом. Освобождённое общество будет гораздо больше основываться на радости и любви и спонтанной щедрости, чем на жёстких правилах или эгоистичных расчётах. Может быть мы сможем получить более живое представление о нём от ясновидцев вроде Блейка или Уитмена, чем из педантичных деба-

тов об экономических кредитах и отзываемых делегатах.

Я подозреваю, что как только основные материальные нужды людей будут щедро удовлетворены и если они не будут более находиться под постоянным воздействием коммерческой щекотки, большинство из них (после кратких попок или чрезмерных удовольствий, которых они были лишены раньше) найдут огромное удовлетворение в относительно простом и спокойном образе жизни. Эротические и вкусовые искусства несомненно будут многообразно обогащены, но просто как грани полной, самодостаточной жизни, которая будет включать в себя широкий спектр интеллектуальных, эстетических и духовных занятий.

Образование, не ограничивающееся более подготовкой молодых людей к узкой роли в иррациональной экономике, станет деятельностью длиной в жизнь. Вдобавок ко всем формальным образовательным заведениям, которые могут ещё оставаться, у людей будет непосредственный доступ через книги и компьютеры к информации на любую тему которую они захотят исследовать, и они смогут приобрести непосредственный опыт во всех видах искусств и умений, или искать кого-либо для персонального обучения или дискуссии, как это делали древнегреческие философы, спорившие на публичных базарах, или средневековые китайские монахи, блуждавшие по горам в поисках наиболее просветлённого дзэнского наставника.

Аспекты религий, которые служат сейчас обыкновенным психологическим бегством от социального отчуждения исчезнут, но основные вопросы, которые нашли более или менее искажённое отображение в религии, останутся. Всё ещё будут страдания и потери, трагедии и разочарования, люди будут иметь дело с болезнями, старостью и смертью. И в процессе поиска смысла, если таковой есть, всего этого и как с этим быть, некоторые из них вновь откроют для себя то, что Олдос Хаксли в Неувядаемой Философии, называет “высшим обычным фактором” человеческого сознания.

Другие могут культивировать утончённую эстетическую

чувствительность, как персонажи Сказки Генджи Мурасаки, или разрабатывать метакультурные жанры, типа “игры в бисер” из романа Германа Гессе (освобождённой от материальных ограничений, которые оставляли подобные развлечения только небольшим элитам).

Мне нравится думать, что все эти различные занятия будут изменяться, комбинироваться и развиваться, общей будет тенденция к персональной реинтеграции, описанной Блейком, и наивным отношениям между Я и Ты описанным Мартином Бубером. Перманентная духовная революция, в которой радостное единение не препятствует богатому разнообразию и “соперничеству в щедрости”. “Стебли Травы”, оптимистичное размышление Уитмена о потенциале современной ему Америки, возможно ближе всего подходит к экспансивному состоянию сознания подобных общин состоявшихся мужчин и женщин, эксталично работающих и играющих, любящих и бездельничающих, бродящих по бесконечному Открытому Пути.

С расцветом постоянно развивающихся и изменяющихся культур, путешествия снова станут непредсказуемыми приключениями. Путешественники будут посещать города и учиться обычаям различных народов без опасностей и разочарований, которым подвергались странники и исследователи прошлого. Перемещаясь от сцены к сцене, от встречи к встрече; иногда останавливаясь, как едва видимые фигуры на китайских ландшафтах, просто для того, чтобы взглянуть в необъятность, осознавая, что все наши деяния и слова являются просто рябью на поверхности огромной, необъятной вселенной.

Это только некоторые предположения. Мы не ограничиваемся радикальными источниками вдохновения. Все творческие души прошлого проявляли или представляли себе некоторые из наших почти неограниченных возможностей. Мы можем черпать из них до тех пор пока нам будет интересно находить важные аспекты из их изначально отчуждённого контекста.

Самые великие работы не столько говорят нам что-то, сколько напоминают нам о вещах, которые мы забыли. У нас

у всех есть идеи о том, какой может быть жизнь начиная с богатейших воспоминаний раннего детства, когда восприятие было свежим и неподдавленным, но также позже в случайные мгновения любви или дружбы или творческого энтузиазма, когда мы только и ждём утра, чтобы продолжать какой-либо проект, или просто увидеть, что принесёт новый день. Экстраполирование из этих моментов, возможно даст лучшую идею о том каким может быть мир. Мир, как его видел Уитмен:

Где мужчины и женщины думают о законах с лёгкостью,
Где нет больше рабов и нет больше хозяев рабов
Где народ встаёт как один против нескончаемой наглости
избранных лиц, . . .
Где детей учат быть самим себе законами и зависеть от самих себя,
Где в действиях людей сквозит уравновешенность,
Где всё способствует размышлениям о душе,
Где женщины шествуют вместе с мужчинами по одним и тем же улицам,
Где они входят в общественные собрания и занимают те же места, что и мужчины
Восстают главные образы!
Образы полной демократии, векового плода,
Образы несущие в себе другие образы,
Образы беспокойных мужественных городов,
Образы друзей и гостеприимцев всей земли,
Образы дающие силу земле, им даёт силу вся земля.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Книга *Боло боло* П.М. (1983 г.; новое издание: Semiotext(e), 1995 г.) является одной из немногих утопий, полнотой признающих и приветствующих это разнообразие. Если оставить в стороне её легкомыслие и идиосинкразию и весьма нереалистичные идеи о способах достижения, она зат-

рагивает много основных проблем и возможностей пост-революционного общества.

2. Хотя т.н. сетевая революция до сих пор ограничивалась в основном широким распространением зрелищных банальностей, современные коммуникационные технологии продолжают играть важную роль в подрыве тоталитарных режимов. Несколько лет назад сталинистским бюрократиям приходилось калечить собственное функционирование, чтобы ограничить доступность ксероксов и даже печатных машинок из-за распространения *самиздата*. Новейшие технологии оказываются ещё труднее контролировать:

“Консервативная газета *Гуаньминь Дейли* сообщила о новых мерах предпринятых против 90,000 нелегальных факсов в Пекине. Китайские аналитики говорят, что режим боится слишком свободного распространения информационного потока. Эти факсы широко использовались во время студенческих демонстраций 1989 г. Приведших к военному подавлению. . . . В своих комфортных домах, в западных столицах, таких как Лондон, оппозиционеры могут передавать свои сообщения активистам в Саудовской Аравии, которые подключаясь у себя дома к Интернету, больше не боятся, что к ним постучатся в дверь посреди ночи. . . . Любые табу от политики до порнографии распространяются по электронной почте ускользая от железной хватки государства. . . . Многие саудовцы впервые могут открыто обсуждать религию. Атеисты и фундаменталисты регулярно сталкиваются в саудовском киберпространстве, в стране, где уход от религии карается смертью. . . . Но запретить Интернет невозможно, если не убрать все компьютеры и телефонные линии. . . . Эксперты говорят, что для тех, кто действительно прилагает усилия для того, чтобы получить доступ к нему, правительство может сделать очень мало чтобы ограничить доступ к информации из Интернета. Закодированная почта и подписка через иностранных провайдеров доступны всем тем, кто хочет избежать контроля. . . . Если восточно-азиатские правительства чего-то и боятся больше, чем невозбранный доступ к внешним источникам информации, так

это скомпрометировать конкурентоспособность своих стран в быстро растущей информационной индустрии. Со стороны деловых кругов Сингапура, Малайзии и Китая уже выражались протесты по поводу цензуры Интернета, подрывающей стремления их стран к званию самых технологически прогрессивных в регионе”. (*Christian Science Monitor*, от 11 августа 1993 г., 24 августа 1995 г. и 12 ноября 1996 г.)

3. “В эпоху после холодной войны политики подменили красную угрозу угрозой преступности. Так же как страх коммунизма способствовал невероятному росту ВПК, угроза преступности породила громадный рост исправительно-трудового промышленного комплекса, так же известного как индустрия контроля за преступностью. Тех, кто не согласен с необходимостью открывать больше тюрем клеймят, как симпатизирующих преступникам предателей жертв. Поскольку ни один политик не рискнул бы прослыть “мягким по отношению к преступности” нескончаемая спираль разрушительной политики разворачивается по стране. . . . Репрессиям и зверствам будут и дальше способствовать учреждения, которые получают прямую выгоду от такой политики. По мере увеличения тюремного населения Калифорнии от 19,000 до 124,000 за последние 16 лет, было построено 19 новых тюрем. С ростом тюрем, Ассоциация Офицеров Исправительных Учреждений Калифорнии (ССРОА), профсоюз охранников, стали самым мощным лобби государства. . . . По мере того, как процент госбюджета посвящённый высшему образованию пал с 14.4 процентов до 9.8 процентов, доля бюджета на ИТУ возросла с 3.9 до 9.8 процентов. Средняя зарплата и премии тюремной охране в Калифорнии превышает 55,000 долл. США — самая высокая в стране. В этом году ССРОА, вместе с Национальной Оружейной Ассоциацией, провели кампанию по введению инициативы утроившей размер нынешней тюремной системы Калифорнии. Та же динамика, что и в Калифорнии несомненно последует за биллем Клинтонa. Чем больше качается ресурсов в индустрию контроля за преступностью, тем большими будут её власть и влияние”. (Dan Macallair,

Christian Science Monitor, 20 сентября 1994 г.).

4. Другие возможности представлены в книге *Рабочие Советы и Экономика Самоуправляющегося Общества* (изданная лондонской “Солидарностью” статьи Корнелиуса Касториадиса *Socialisme ou Barbarie*). Этот текст полон ценных предложений, но мне кажется, что он больше чем нужно сконцентрирован на работе и рабочем месте. Подобная ориентация уже сейчас слегка устарела не говоря уже о временах после революции.

Книга Майкла Альберта и Роберта Ханеля *Взгляд вперёд: экономика участия для 21 века* (South End, 1991 г.) также включает ценные пункты по самоорганизации. Но авторы предполагают, что общество в котором всё ещё будет денежная экономика и рабочая неделя слегка сократится (где-то до 30 часов). Эти гипотетические примеры по модели современных рабочих кооперативов и “экономике участия” включает голосование по вопросам маркетинга, которое будет преодолено некапиталистическим обществом. Как мы увидим, в подобном обществе также будет намного короче рабочая неделя, что уменьшит потребность в сложных схемах для равномерной ротации различных видов работы, занимающих большую часть книги.

5. Фреди Перлман, автор одного из самых распространённых выражений данной тенденции, *Против истории, против Левиафана!* (Black and Red, 1983), лучше всех критиковал самого себя в своей ранней книге о К. Райта Миллса, *Непоследовательность интеллектуала* (Black and Red, 1970): “Даже если Миллс отвергает пассивность с которой люди отвергают свою собственную раздробленность, он больше не борется с ней. Последовательный, самоопределившийся человек становится экзотичным существом, живущим в далёком прошлом в крайне отличающихся материальных обстоятельствах. . . . Основное направление является не противостоянием правой и левой; оно теперь становится внешним спектаклем, распространяющимся подобно болезни. . . . Несоответствие теории и практики, мысли и действия, расширяется; политические

идеалы уже нельзя перевести в практические проекты.”

6. Книга Айзека Азимова и Фредерика Поля *Наша злая земля: тикающая экологическая бомба* (Тор, 1991) является одним из самых убедительных изложений этой отчаянной ситуации. Продемонстрировав неадекватность современной политики в данном вопросе, авторы предлагают решительные реформы которые могут отдалить катастрофу; но такие реформы не будут применяться пока мир управляется конфликтующими интересами национальных государств и ТНК.

7. По богатству разбора преимуществ и недостатков различных видов городских коммун, прошлых, настоящих и потенциальных, рекомендую две книги: *Communitas* Поля и Парцифаля Гудменов и *Город в истории* Льюиса Мамфорда. Последняя – один из самых острых и всеобъемлющих анализов человеческого общества, когда-либо написанных.

Материалы о ситуационистах Вы можете найти
на следующих сайтах в Интернете:

Сайт с ситуационистскими текстами на русском
<http://polnoch.virtualave.net/midnm.htm>

Сайт Сибирской Конфедерации Труда
<http://skt.omsktown.ru>

Также запрос о новых материалах
можно сделать по адресу:
sibokt@mail.ru

Для получения книги, а также других изданий
Сибирской Конфедерации Труда
обращаться по адресу:
644085 г. Омск
А/Я 2947

Кен Нэбб
РАДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

Общая редакция, верстка: Василий Старостин

**Отпечатано: минитипография Омской
Конфедерации Труда, тел. (3812) 24-73-45,
ул. Коммунистическая 38. Тираж 300 экз.
Подписано в печать: 15.02.2002.**